М. Н. Пак

Очерки по историографии Кореи

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.М.В.ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

М. Н. Пак

Очерки по историографии Кореи

(К критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

П 13

Ответственный редактор
Ю. В. ВАНИН

Рецензенты:
Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА, Г. Д. ТЯГАЙ

В монографии впервые в советской научной литературе дана развернутая критика трактовки современными южнокорейскими буржуазно-националистическими историками пробием истории и историографии Кореи. Автор раскрывает реакционную сущность современного южнокорейского национализма, в котором, однако, можно проследить и элементы национализма угнетенной нации, подвергающейся эксплуатации со стороны иностранного империализма. Характерные черты современного южнокорейского национализма показаны на примере освещения историками Южной Кореи пути развития корейской историографии в средние века, в новое и новейшее время.

П 0506000000-178 / 013 (02)-87 194-87

Абласная бібліятэка
імя У. І. ЛЕНІНА
г. Віцебск

Михаил Николаевич Пак

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИОГРАФИИ
КОРЕИ
(к критике буржуазно-националистических идей южнокорейских историков)

Утверждено к печати
Институтом стран Азии и Африки при МГУ

Редактор *А.А.Пименов*. Младший редактор *Н.В.Бершашвили*
Художник *Б.Л.Резников*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *Е.Б.Дрыжакова*
Корректор *Т.А.Алаева*

ИБ № 15792

Сдано в набор 15.12.87. Подписано к печати 17.09.87
А-3477. Формат 60×90 1/16. Бум. офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 9,25. Усл. кр.-отт. 9,5
Уч.-изд. л. 12,41. Тираж 850 экз. Изд. № 6266
Зак. № 320. Цене 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательства "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москве Б-143, Открытое жоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства „Наука", 1987.

ВВЕДЕНИЕ

В документах КПСС неоднократно указывается, что ныне на международной арене „возникло много новых, принципиально важных явлений и процессов", которые нуждаются в теоретическом обобщении [12, с. 78]. Новые явления и процессы касаются и отношений империалистических государств с развивающимися странами, в отношении которых империалистическая пропаганда и идеологическая экспансия принимают изощренные формы и небывалые размеры. В условиях острой идеологической борьбы между миром капитализма и миром социализма важную задачу советских историков составляет разоблачение империалистической пропаганды и выдвигаемых ею политико-идеологических концепций.

В предлагаемом читателю исследовании предпринимается попытка критики идеологии южнокорейского буржуазного национализма. Особое внимание уделяется проблемам трактовки южнокорейскими историками отдельных аспектов историографии и истории Кореи. Сложность поставленной задачи очевидна, если учесть, что ни проблемы корейского национализма, ни корейская историография (как буржуазная, так и традиционная) еще не были предметом изучения ни в СССР, ни в других социалистических странах. Сначала мы рассмотрим основные вехи истории исторических знаний в Корее, которая имеет более чем тысячелетнюю традицию.

Начало корейского историописания восходит к времени существования трех раннефеодальных государств — Когурё, Пэкче и Силла. Самые ранние корейские летописи, упоминаемые в источниках, датируются IV—VI вв. н. э., некоторые из них относятся к периоду Объединенной Силла (VII—IX вв.). Ни одно из этих произведений, однако, не дошло до наших дней. Поэтому при изучении ранних этапов истории Кореи приходится полагаться на данные археологии или сообщения китайских летописей, прежде всего династийных историй, — „Ши цзи" Сыма Цяня, „Хань шу" Бань Гу (I в. н. э.), „Саньго чжи" Чэнь Шоу (III в. н. э.), „Хоухань шу" Фань Юя (V в.) и др.

История корейской феодальной историографии может быть прослежена на основе сохранившихся материалов лишь с периода государства Корё (918—1392), когда в составе центральных правительственных учреждений функционировало специальное Историческое управление (Сагван), впоследствии переименованное в Чхунчхугван (кит. Чуньцюгуань)[1]. Образцом династийной историографии периода Корё является „Самгук саги" — труд, составленный правительственными чиновниками во главе с крупным государственным деятелем Ким Бусиком (1075—1151). Завершенное в 1145 г., это сочинение является самым ранним из сохранившихся произведений корейской историографии. „Самгук саги" составлено по конфуцианским канонам китайских ди-

настийных историй и имело соответствующую структуру – основными его разделами являлись анналы, хронология, описания и биографии. Для почти тысячелетиего периода корейской истории (до X в.) „Самгук саги" остается единственным источником подробной информации. Составители этой летописи, стремившиеся прежде всего к усилению центральной власти в борьбе против феодально-сепаратистских элементов, проповедовали конфуцианские китаецентристские идеи, фактически требовали преклонения перед Китаем (*садэджуый*). Именно поэтому эту летопись критиковали многие поколения корейских историков.

Первым оппонентом китаецентристских концепций „Самгук саги" стал буддийский монах Ирён (1206–1289), автор „Самгук юса". Если произведение Ким Бусика принадлежало к разряду официальных историй (*чонса*), то „Самгук юса", появившееся спустя примерно 140 лет после „Самгук саги", относилось к „частным", неофициальным историям (*яса*). Оно преследовало цель дополнить сочинение Ким Бусика недостающими сведениями, изложить историю буддизма в Корее, осветить роль буддийских священнослужителей в государственной жизни. Привлекая большое количество мифов, преданий и сказок (определяющих огромную ценность „Самгук юса" как литературного памятника), Ирён стремился утвердить идею о самостоятельном, независимом от Китая характере корейской государственности. Основателем первого корейского государства Древний Чосон он назвал Тангуна, мифического героя-первопредка, не связанного с китайской исторической традицией. Этот факт современные южнокорейские буржуазно-националистические историки склонны считать свидетельством духа самостоятельности и „национализма". Отвергая эту вненсторическую концепцию, следует признать, что в историографии периода Корё отразилась борьба между конфуцианством и буддизмом, основными направлениями идеологической жизни средневековой Кореи. В борьбе между ними отразились также противоречия внутри класса феодалов, которые привели в 1392 г. к падению Корё и созданию государства Чосон.

Официальная историография получила значительное развитие при династии Ли (1392–1910), когда официальной идеологией стало неоконфуцианство (чжусианство). Официальное летописание безраздельно господствовало в XIV–XV вв. Придворные историографы не только трактовали историю прошлых веков, но и занимались накоплением фактических материалов и составлением исторических сочинений ради прославления правящего дома. Для официальных летописцев государства Чосон принципиальное значение имело освещение истории Корё, которому наследовала династия Ли. После ее воцарения было написано и отвергнуто несколько вариантов истории свергнутой династии, пока в 1451 г. не был составлен труд, названный „Корё са" и ставший каноническим. Содержание „Корё са" было предметом острой борьбы между различными группировками правящего класса, каждая из которых стремилась навязать собственную версию событий, предшествовавших воцарению династии Ли.

Составленная в форме традиционных династийных историй, пронизанная духом неоконфуцианства, „Корё са" своей главной целью ставила оправдание насильственного свержения прежней династии. Изображая государство Корё сильным и процветающим в первые века его истории, авторы названного труда мрачными красками живописали историю последних десятилетий XIV в., упадок и разложение правившего дома. При такой

трактовке событий воцарение династии Ли выглядело совершенно закономерным.

Скрытая или явная борьба различных придворных клик сопровождала работу и над другими официальными хрониками. Год спустя после „Корё са", в 1452 г., была составлена и издана краткая официальная история „Корёса чольё". Заметный отпечаток борьбы между различными группировками внутри правящего класса лежит и на основном обобщающем труде по истории Кореи до воцарения династии Ли – „Тонгук тхонгам", завершенном в 1485 г. и освещавшем события до 1392 г. Истории царствований ванов дома Ли официальные историографы посвятили серию дидактических исторических книг, получившую название „Кукчо погам".

Чхунчхугван, возглавляемый сановниками самого высокого ранга, был не только ведомством по составлению исторических сочинений, но и своеобразным архивом, хранившим правительственные документы и исторические сочинения. Ежедневные записи о всех делах и поступках правителя велись специальным Управлением по составлению государевых бумаг (Емунгван). Для ведения записей назначались наиболее способные молодые чиновники, которые, несмотря на свой невысокий ранг, пользовались немалым политическим влиянием, поскольку имели постоянный доступ к особе монарха.

После смерти правителей авторитетная комиссия из высших сановников и ученых составляла подробные анналы правления каждого из них – „Силлок" – на основе подневных записей событий текущего царствования, записей о деяниях правителя (*сиджонги*), многочисленных других документов. В итоге последовательного накопления этих летописей по царствованиям возник монументальный памятник придворной историографии династии Ли – „Ёктэ ванджо силлок". К концу XIX в. были составлены „Силлок" 25 царствований[2] (1392–1863). Для обеспечения сохранности „Силлок" печатались в четырех комплектах и хранились в разных городах Кореи. Несмотря на эту предосторожность, во время японского нашествия (Имджинской войны, 1592– 1598 гг.) были утрачены три комплекта хроники, впоследствии восстановленные.

Чхунчхугван составлял также и другие собрания документальных материалов, прежде всего „Сынджонвон ильги", „Пибёнса тыннок"[3] и „Ильсон нок". Материалы „Сынджонвон ильги", касающиеся периода до Имджинской войны, а также времени японского вторжения, были утрачены в годы борьбы с японскими захватчиками. В нынешнем виде „Сынджонвон ильги" отражает лишь исторические события 1623–1910 гг. В „Пибёнса тыннок" сохранились материалы за 1607–1892 гг., а в „Ильсон нок" содержатся записи лет правления ванов с 1760 по 1910 г.

Названные собрания документов, освещающие деятельность корейского правительства при династии Ли, являются историческими источниками первостепенной важности. В них содержатся указы ванов, протокольные записи аудиенций у монархов, записки о научных занятиях правителей, доклады придворных цензоров, местных чиновников и др. Благодаря осуществленным в последние десятилетия переизданиям этих исторических памятников (в КНДР, Южной Корее и других странах) необъятный архив династии Ли стал более доступным для исследователей корейской истории.

Наряду с официальной историографией в период династии Ли зародилось частное историописание. Оно достигло значительного развития в XVII–XVIII вв., когда в корейском феодальном обществе появилось

новое течение общественной мысли, известное под названием движение за „реальные науки" (*сирхак*). Для него были характерны тенденция к реформированию конфуцианской идеологии, стремление избавить ее от схоластики и догматизма и приспособить к потребностям реальной жизни. Приверженцы сирхак были склонны к заимствованию научных знаний и производственного опыта не только из Китая, но и из других стран, призывали к реформе сословного строя и развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли и культуры своей страны. Правда, реформаторские устремления воплощались в традиционных апелляциях к совершенным образцам древнего, да и современного им конфуцианства. Так, историк Ан Чоибок (1712–1791), подражая чжусианским образцам назидательной истории в стиле *канмок* (кит. *ганму*), написал книгу „Тонса канмок". Вместе с тем он критически относился к историческим источникам, в том числе китайским, много сделал для изучения исторической географии древнейших корейских государств, воспевал корейских политических и военных деятелей, прославившихся в ходе борьбы против иноземных захватчиков (Кан Гамчхан, Со Хый и др.).

Огромной заслугой историков сирхакского направления было тщательное изучение исторических фактов, стремление к их объективной оценке. Среди „частных" историй, созданных сирхаками, следует отметить прежде всего „Хэдон ёкса" и „Ёльлёсиль кисуль". Автор первого труда Хан Чхиюн (1765–1814), в частности, систематизировал сведения по истории Кореи до конца XIV в., почерпнутые из 523 китайских и 22 японских трудов. До сих пор „Хэдон ёкса" сохранил значение как свод фактических данных иностранных источников о Корее. „Ёльлёсиль кисуль" Ли Гынъика (1736–1806) представляет собой многотомное собрание свыше 400 „частных" историй различных авторов, освещавших события с 1392 по 1720 г. Приводя выдержки из источников или пересказывая их содержание, Ли Гынъик подробно осветил не только политическую историю и биографии исторических деятелей, но и структуру государственных учреждений, международные отношения, земельно-податную систему Кореи, народные обычаи, традиции и др. Ли Гынъик, однако, воздержался от толкования изложенных фактов, предоставляя будущим читателям возможность делать собственные выводы. Такая позиция автора объяснима, если учесть, что он был сыном опального сановника, был сослан вместе с отцом и написал свое сочинение в местах ссылки. Очевидно, что собранные им „частные" истории в определенной мере отражают оппозиционные настроения. На наш взгляд, в области историографии сирхакские мыслители могут считаться предшественниками историков буржуазно-националистического направления, зародившегося в Корее в конце XIX – начале XX в.

Колониальная экспансия капиталистических держав, установление в Корее жестокого японского колониального гнета породили национально-освободительную борьбу корейского народа, вызвали к жизни новую национальную историографию. Ее становление проходило вопреки политике японских колонизаторов, стремившихся духовно поработить корейскую нацию, фальсифицировавших с этой целью корейскую историю. Колонизаторы фабриковали различные „теории" о родстве предков японцев и корейцев (*киссэн досорон*), о культуртрегерской миссии Японии, о застойности и „несамостоятельности" исторического процесса в Корее, который якобы развивался лишь под внешними влияниями, что обрекало страну на зависимое или колониальное положение.

Эти „теории" призваны были оправдать японскую агрессию, представить установление японского колониального господства в Корее исторической закономерностью. Концепции японской колониалистской историографии разрабатывались в университетах Токио и Сеула, а также в специальных исследовательских центрах при аппарате японского генерал-губернатора (в том числе в Обществе по составлению истории Кореи). Лишь немногие прогрессивные японские ученые сумели сохранить научную объективность, изучали историю Кореи вопреки колониалистским фальсификациям.

Многочисленным японским историкам, фактически или формально состоявшим на службе у колониальной администрации, противостояла, по существу, горсточка корейских историков, поддерживавших в той или иной мере национально-освободительную борьбу корейского народа. Зарождение буржуазно-националистической историографии в Корее совпало по времени с началом борьбы корейского народа против установления японского господства. Ее основоположниками вполне обоснованно считаются Пак Ынсик (1859–1926) и Син Чхэхо (1880–1936), чьи произведения впервые открыто использовались деятелями национально-освободительного движения. Если первый выступал за достижение независимости мирными средствами, то Син Чхэхо от умеренного просветительства эволюционировал к буржуазному революционаризму, был членом подпольных организаций и погиб в борьбе за свержение японского господства. Сдвиги в позиции Син Чхэхо, на наш взгляд, во многом обусловлены влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. Оно сказалось и на развитии национально-освободительного движения в Корее в целом. Так, крупнейшее в колониальной Корее Мартовское народное восстание 1919 г. стало первым откликом корейского народа на победившую в России революцию, которая открыла перед ним перспективы национального освобождения.

Хотя после поражения Мартовского восстания корейское буржуазно-националистическое движение приобрело в целом умеренно-реформистский характер, все же прогрессивные потенции национальной буржуазии не были исчерпаны. Об этом, в частности, свидетельствовало и развитие националистической историографии, деятели которой так или иначе противодействовали колониалистским концепциям реакционных японских историков. Чон Инбо, Ан Джэхон, Мун Ильхён и другие консервативно настроенные историки критиковали их с позиций философского идеализма, стремились представить корейскую историю „историей национального духа"; собственные националистические концепции этих ученых приобретали зачастую явно шовинистический оттенок. Под идейным влиянием Великого Октября возникло марксистское направление — так называемая „школа социально-экономической истории". Она представлена прежде всего капитальными трудами Пэк Намуна „Социально-экономическая история Кореи" (1933 г.) и „Социально-экономическая история феодальной Кореи" (1937 г.), опубликованными на японском языке в Токио. Применение марксистского учения о закономерной смене общественно-экономических формаций, включение истории Кореи в мировой исторический процесс не оставляли места для фальсификаторских измышлений колониалистской историографии. Вопреки ее догмам Пэк Намун устанавливает в истории Кореи стадии общественного развития, характерные для других стран. „Школа социально-экономической истории" несомненно оказала существенное

воздействие на развитие различных направлений буржуазно-националистической историографии. Так, возникшее в 1934 г. научное общество „Чиндан" объединило корейских историков нового поколения, стремившихся применять современные методы научного исследования. Буржуазные историки, анализируя объективные исторические процессы, нередко оперировали марксистскими социологическими категориями. Это относится прежде всего к представителям течения „нового национализма", которое зародилось в годы второй мировой войны.

Разгром милитаристской Японии и освобождение Кореи от колониального ига при решающей роли СССР сыграли ключевую роль в судьбах корейского народа. Однако срыв американским империализмом выполнения Московского соглашения союзных держав о возрождении единой независимой демократической Кореи (декабрь 1945 г.) привел к тому, что историческое развитие Севера и Юга страны пошло разными путями. Установление различных социально-политических систем в обеих частях Кореи превратило корейскую историографию в арену острой идеологической борьбы. И в КНДР, и в Южной Корее опубликованы многотомные исторические исследования, многочисленные ученые по-новому ставят и решают спорные проблемы. В то же время в историографическом исследовании новых изданий сделаны пока лишь первые шаги. В частности, в ряде обзоров советских ученых продемонстрированы достижения исторической науки в КНДР [24; 25; 26; 27; 29], подвергнута критическому рассмотрению и некоторая часть иностранных историографических исследований о Корее [42]. В то же время пока не проанализированы взгляды южнокорейских историков и политологов буржуазно-националистического направления на многовековой путь развития корейской историографии. Не освещены пока и основные этапы становления и развития традиционной корейской историографии.

Данная работа предназначается в первую очередь для научных работников-востоковедов, преподавателей и студентов востоковедных вузов, изучающих современные идеологические процессы в развивающихся странах Азии и Африки. Автор надеется, что его работа, впервые освещающая многовековой путь корейской историографии, окажется небесполезной и для других читателей.

Глава 1

БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ ЮЖНОЙ КОРЕИ И НЕКОТОРЫЕ ТРАКТОВКИ ЕГО СУЩНОСТИ

Сложные, противоречивые тенденции националистической идеологии в развивающихся странах уже подвергались анализу советскими востоковедами [42; 43]. Однако ее роль в общественно-политической жизни отдельных государств Азии и Африки настолько специфична, что эта тема представляется неисчерпаемой для исследователей. Как и в ряде других развивающихся стран, идущих по капиталистическому пути, буржуазный национализм является несомненно господствующей идеологией в Южной Корее. Однако те силы, которые представляют различные его оттенки или направления, далеко не равнозначны в социально-классовом отношении.

Основные черты националистической идеологии в Южной Корее, как общие с другими развивающимися странами Востока, так и специфичные именно для нее, во многом определяются своеобразием современного международного положения на Корейском п-ове – существованием двух государств с различными социально-политическими системами, превращением Южной Кореи в геополитический плацдарм экспансионистской политики США, новыми формами неоколониалистского закабаления страны империализмом. Хотя реакционная роль буржуазного национализма, проамериканского военно-бюрократического режима не вызывает сомнений, все же, пока сохраняются противоречия между устремлениями неоколониализма и интересами большинства южнокорейского населения, в том числе значительной части национальной буржуазии, не будут исчерпаны, видимо, и антиимпериалистические потенции южнокорейского национализма. Вопреки попыткам идеологов империализма и местной реакции придать южнокорейскому национализму исключительно антикоммунистическую направленность двойственность и противоречивость последнего так или иначе проявляется в различных областях общественной и научной деятельности, в том числе и в историографии.

Вследствие скудости доступных нам источников информации мы уделим внимание лишь некоторым аспектам националистической идеологии в трактовке современных южнокорейских историков и политологов. Мы рассмотрим, в частности, наиболее характерную концепцию южнокорейского национализма, получившую наименование „принцип национального субъективизма" или „дух самостоятельности". Этой концепции даются неодинаковые интерпретации, отражающие различные оттенки буржуазно-националистической идеологии, соответствующие различным, порой подспудным, тенденциям общественно-политической жизни Южной Кореи.

Основные черты южнокорейского национализма

Вопросам современного состояния идеологии южнокорейского национализма, ее историческим корням посвящен сборник „Национа-

лизм [Южной] Кореи" [118]. Исходными теоретическими установками авторов этого сборника служат весьма распространенные в современной западной (прежде всего американской) политологии концепции, для которых характерно „выхолащивание социальной сущности национальных отношений, национализма, сведение их к абстрактному биологическому или психологическому конфликту, стремление рассматривать национальные конфликты (и вообще национализм) как вечное состояние человеческой природы, а не как порождение антагонистических общественных отношений" [15, с. 29].

Так, составитель сборника Чин Доккю объявляет национализм неким неопределенным психологическим состоянием, могущим служить как оправданию агрессии, так и защите освободительной борьбы угнетенных наций [118, с. 8]. Понятие „национализм" в трактовке Чин Доккю не связано ни с определенной системой ценностей, ни вообще с какой-либо теоретической системой. При этом признается односторонним только политологический или социологический подход к данному понятию и предлагается более „универсальный" метод, учитывающий также психологический и культурологический факторы [118, с. 8]. Цитируя формулировки национализма, данные такими западными авторами, как Х. Кон, К. Хэйс, Б. Шейфер, К. Дейч[7], Чин Доккю находит их не вполне удовлетворительными. Он стремится разработать свой собственный методологический подход к проблемам корейского национализма, исходя прежде всего из необходимости объединения Кореи „ради достижения национальной однородности путем ликвидации влияния марксизма, утверждающего классовый подход" [118, с. 8]. Этот тезис Чин Доккю довольно четко характеризует антикоммунистическую направленность южнокорейского национализма.

Хотя Чин Доккю отождествляет национализм с патриотизмом, все же в статье „Распространение и пределы национализма" он вынужден признать, что концепции национализма зачастую служат оправданию захватнических и колониальных войн, а также тоталитарных политических режимов, включая гитлеровский [118, с. 44]. Касаясь полисемантичности понятия „национализм", Чин Доккю ссылается на весьма туманные формулировки западных социологов[2]. Он пытается дополнить эти крайне расплывчатые формулировки. Так, Чин Доккю считает, что предпосылкой национализма должно стать „формирование однородной коллективной воли", для реализации которой „необходимо успешное сопротивление всякому внешнему влиянию, т. е. признание важности специфики своего коллектива по сравнению с мировой всеобщностью" [118, с. 49]. В силу этого „с точки зрения идеи всеобщности национализм как опасная идея, мешающая международному миру, может быть оценен только отрицательно" [118, с. 57]. Однако характеристика, данная Чин Доккю национализму (в том числе и империалистических держав), основана все же не на конкретном социальном анализе стадиальных изменений капиталистический системы, а на абстрактном определении национализма как зыбкой формы психического состояния, отличающейся недостатком логичности и системности [118, с. 63].

Интерпретация проблем национализма неразрывно связана с пониманием самой категории нации. Обобщая различные формулировки этого понятия, содержащиеся в трудах западных буржуазных ученых, Ли Гыкчхан пишет: „Нация представляет собой социальный коллектив, исторически сложившийся на основе как естественной общности —

кровной и территориальной, — так и общности судьбы, складывающейся из таких общих элемеитов культуры, как язык, традиции, обычаи и религия. Этот коллектив в результате обретает национальное сознание, характер и дух; соответственно национализм есть идеология и движение людей, сознающих себя как нацию и стремящихся к единству, независимости, свободе и развитию" [118, с. 15—16].

С этих идеалистических методологических позиций Ли Гыкчхан дает сравнительную характеристику европейского буржуазного национализма и современного национализма развивающихся стран. Хотя по изложению фактов очевидно, что зарождение национализма в европейских странах связано с зарождением буржуазных отношений, а его эволюция — со стадиями развития капиталистического общества, периодизацию европейского национализма Ли Гыкчхан намечает в отрыве от этих фундаментальных процессов. Неудивительно, что эта периодизация явно искусственна и весьма поверхностна. Так, начальный период — время зарождения капиталистических отношений и формирования национальных государств — автор называет периодом „национализма сверху", поскольку абсолютизм в соответствии с интересами буржуазии обеспечил тогда создание национальных государств. Последующую эпоху буржуазных революций и свержения монархий он называет периодом „национализма снизу", так как, по мнению Ли Гыкчхана, буржуазия „выступала тогда выразительницей интересов нации". Третьим периодом европейского национализма автор считает эпоху „национализма внешней агрессии" или „империалистического национализма" (т. е. колониализма), когда захватнические войны стали обычным явлением. Наконец, последним этапом европейского национализма назван „национализм открытого сотрудничества", иллюстрируемый, в частности, на примере деятельности ЕЭС [118, с. 17—18]. Таким образом, в основу периодизации „европейского национализма" Ли Гыкчхан кладет не фундаментальные перемены в базисе мировой капиталистической системы, а лишь внешние их проявления в сфере надстройки. Искусственные критерии классификации применяются этим автором и при характеристике идеологии современных развивающихся стран. В целом национализм развивающихся стран, как направленный против империализма и „своих" феодальных помещиков, характеризуется как „национализм снизу". Внутри этого идейного течения Ли Гыкчхан, в свою очередь, различает „национализм сверху" (представленный харизматическими лидерами, военными, студентами, чиновниками) и „национализм снизу", развивающийся под влиянием первого в гуще народных масс [118, с. 19—20]. В национализме развивающихся стран Ли Гыкчхан выделяет и агрессивные устремления, и тенденцию к международному сотрудничеству.

Со времени освобождения от колониального господства, по мнению этого автора, задача национализма развивающихся стран „состоит в освобождении личности, в сплочении граждан ради самостоятельного решения проблем нации" [118, с. 26—27]. Выделяя в идеологии национализма три элемента — национальные традиции, национальные интересы и национальную миссию, — якобы представляющие прошлое, настоящее и будущее нации, Ли Гыкчхан подчеркивает, что „традиции прошлого должны вселять гордость и надежды на осуществление национальной миссии, без правильного определения которой неотвратима катастрофа" [118, с. 27—28].

Более подробно анализирует роль и значение националистической идеологии в развивающихся странах Чин Доккю. По его мнению, при

посредстве этой идеологии, во-первых, насаждается „историческое национальное сознание", способствующее переосмыслению истории таким образом, чтобы „своя нация по сравнению с другими представляла более выдающуюся, ранее всех установившую государственную организацию, организацию даже господствующую над другими странами" [118, с. 63]. Наиболее удобна для такого переосмысления древняя или первобытная история, так как скудость письменных источников открывает большой простор для различных интерпретаций. Утверждению „исторического национального сознания", укреплению молодой государственности в развивающихся странах, продолжает Чин Доккю, способствует также критика отживших колониалистских представлений и колониального прошлого в целом.

Во-вторых, по мнению ученого, национализм необходим для сплочения молодой нации. Эта его функция особенно важна в странах, достигших независимости в результате компромиссов с империализмом [118, с. 65]. В-третьих, националистическая идеология способствует ускорению экономического развития, завоеванию экономической независимости. Руководители ряда развивающихся стран, отмечает Чин Доккю, связывают успехи экономики со „сплочением наций", которого они зачастую достигают, сдерживая демократию и манипулируя жупелом „внутренней" и „внешней" опасности [118, с. 66]. Ученый признает, что „эмоциональность и нелогичность националистических идей, принципиальное неприятие всего чужого чревато разрушительными последствиями" [118, с. 67–68]. Как видим, указывая на слабые места националистической идеологии, Чин Доккю все же уходит от исследования истинных причин острых национальных и социальных конфликтов в развивающихся странах, порождаемых прежде всего господством империализма в различных сферах общественной жизни.

О воинствующем антикоммунизме некоторых идеологов южнокорейского национализма свидетельствует статья политолога Хван Сонмо „Национализм и коммунизм", претендующего на то, чтобы „показать теоретическую слабость коммунистов в национальном вопросе" [118, с. 28]. Полностью игнорируя известные труды В. И. Ленина по этой проблеме, Хван Сонмо утверждает, будто марксизм „не разработал" концепцию решения национального вопроса. Отвергая марксистское определение нации как исторически сложившейся общности людей, возникшей на основе общности языка, территории, культуры, экономических связей, Хван Сонмо утверждает, что нация не является порождением капитализма, что все основные факторы, способствовавшие формированию нации, якобы действовали уже при феодализме [118, с. 33–34][3]. Существование национальных культур при социализме, по его мнению, опровергает тезис о нации как категории эпохи капитализма. При этом Хван Сонмо замалчивает марксистское положение о коренной противоположности между буржуазной и социалистической нацией. Абсолютизируя нацию и национализм как вечные явления, Хван Сонмо утверждает, что, поскольку и при социализме, и при капитализме существуют национальные государства, их интересы и устремления якобы превалируют над различиями их социально-экономического строя.

Хван Сонмо также обрушивается с нападками на социалистическое общество в КНДР, утверждая, будто оно „выпадает из общего хода корейской истории" [118, с. 36].

Попытка конкретного анализа южнокорейского национализма предпринята в статье Ли Хонгу. По его мнению, идеология корейского

национализма призвана способствовать преодолению „национального кризиса, обусловленного как международной ситуацией, так и антинациональной политикой Севера [КНДР] и слабостью исторического [национального] сознания" [118, с. 173]. Заимствуя, по его словам, марксистское понятие базиса и надстройки, Ли Хонгу утверждает, что „национализм это не творение отдельного человека или даже отдельной нации, а проявление всеобщей исторической закономерности" [118, с. 175]. Он рассматривает национализм как идеологию нового времени и поэтому отрицает существование корейского национализма в средние века или в древности. Вплоть до конца XIX в., по мнению Ли Хонгу, корейский национализм был направлен против „культурного империализма Китая, выступавшего под флагом конфуцианской идеологии" [118, с. 176]. Затем, когда в конце XIX в. независимости Кореи стал угрожать „японский национализм, обретший черты милитаристского империализма", корейский национализм приобрел антияпонский, антиимпериалистический характер. Ли Хонгу разоблачает лживость японской пропаганды, утверждавшей, будто аннексия Кореи Японией это шаг к „освобождению Азии от западных великих держав", будто захват чужих стран и порабощение их народов является „законом национализма" [118, с. 181–182].

Впрочем, глубину анализа националистической идеологии, данного Ли Хонгу, не следует переоценивать. Империализм, например, он рассматривает лишь как политику внешних захватов, не хочет видеть его обусловленность природой капитализма, поэтому стремится оспорить положение В. И. Ленина о том, что захватническая политика Японии была вызвана развитием капитализма в этой стране [118, с. 181].

Наряду с угрозой извне зарождению корейского национализма, по мнению Ли Хонгу, способствовали внутренние процессы „развития национальной системы ценностей, а также социально-экономической и политической структуры". У истоков идеологии корейского национализма, согласно Ли Хонгу, стояла в XVII–XVIII вв. школа сирхак, „выступавшая против исходившего из Китая неоконфуцианского влияния, считавшая народ субъектом и носителем национальных традиций" [118, с. 183]. Однако в рамках политической структуры средневековой Кореи народ не признавался ее субъектом, что, по мнению Ли Хонгу, вызвало кризис корейского национализма, продолжавшийся целое столетие. Кризис выражался прежде всего в падении „духа самостоятельности", усугубленном агрессией извне; это, в свою очередь, вызвало кризис легитимности (*чонтхонсон*) всей корейской национальной истории. На преодоление указанных двух форм кризиса, согласно Ли Хонгу, направлялись и направляются усилия южнокорейского национализма [118, с. 184–185]. Приведенные мудреные формулы и путаные рассуждения направлены на то, чтобы скрыть буржуазную сущность корейского национализма, представить его в качестве „единой национальной идеологии".

Любопытно, что даже вину за слабость и дряблость корейского национализма в 20-х годах XX в., когда националисты капитулировали перед японским колониализмом и пошли в услужение к нему, Ли Хонгу пытается приписать влиянию идей Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России. По его утверждениям, слабость движения за независимость Кореи вызвана якобы тем, что „с распространением большевистских идей в корейском национализме появилось чуждое течение, проповедовавшее марксизм-ленинизм, догматически противопоставлявшее буржуазный национализм пролетарскому интер-

национализму" [118, с. 185]. Впрочем, Ли Хоигу признает теоретическую слабость корейских марксистов, вышедших из рядов националистического движения, их неспособность правильно оценить внутриполитическую обстановку, наметить первоочередные цели освободительной борьбы. «Категория „нация" у них, – продолжает ученый, – превалировала над понятием „класс", и потому корейских марксистов колониального времени раздирали противоречия» [118, с. 186]. Ли Хонгу придерживается точки зрения, что и в 20-х годах, и сразу после освобождения Кореи в 1945 г. ни корейские марксисты, ни сами националисты не уделяли должного внимания теоретической разработке проблем идеологии национализма, которая „отражает таящуюся в гуще народных масс волю к завершению строительства сильного национального государства" [118, с. 187].

В нескольких статьях сборника трактуется вопрос о так называемом структурном (т. е. социальном) содержании корейского национализма. Узость социальной базы освободительного движения, элитарность националистических концепций Чин Доккю считает основной причиной колониального порабощения Кореи. Среди потенциальных лидеров национально-освободительного движения исследователь называет „городской и сельский средний класс". Однако захвату им лидирующего положения препятствовали как собственная слабость и дряблость, так и отсутствие традиций буржуазной демократии, террор колониальных властей. Политическая инертность этого „среднего класса", по мнению Чин Доккю, сохраняется и в современной Южной Корее; „вплоть до последнего времени политические партии представляли собой лишь орудие политической игры их лидеров и не являлись выразителями интересов определенных социальных групп" [118, с. 140]. Трагедия корейского национализма, продолжает Чин Доккю, состоит в том, что „оторванные от живых сил нации политики старались внедрить европейские политические теории и идеи, не заботясь о том, насколько они соответствовали интересам корейского народа. Предана забвению даже необходимость развивать свою национальную культуру, способствовать успехам образования в соответствии с его мировым уровнем" [118, с. 141]. Лишь при опоре на „городской средний класс", подчеркивает ученый, корейский национализм „сможет преодолеть космополитические тенденции и стать демократическим национализмом" [118, с. 141].

По существу, концепция преобразования южнокорейского национализма, поиск „нового национализма" – это вариант поиска „третьего пути" развивающихся стран. Так, историк Ко Ёнбок в статье „Корейский национализм: движущие силы и руководство" пишет, что в современной обстановке, когда мир раскололся на два противостоящих лагеря, „национализм развивающихся стран оказался перед выбором – какой из моделей развития следовать; в результате среди сторонников национализма выделились правое и левое крыло" [118, с. 190]. В условиях конфронтации двух мировых систем, продолжает Ко Ёнбок, развивающиеся страны якобы лишены возможности самостоятельного развития при опоре на внутренние ресурсы. По его мнению, „новый национализм" будет способствовать объединению развивающихся стран, их обособлению от великих держав, поиску путей эффективного решения проблем экономического роста [118, с. 190]. Призвание национализма, согласно Ко Ёнбоку, кроме того, в том, чтобы „примирять противоположные начала в государствах, в том числе и в [Южной] Корее, примирять сепаратные (т. е. классовые. – *М. П.*) интересы" [118, с. 192].

Идея примирения классов под эгидой национализма основана на концепции о среднем классе как руководящей силе южнокорейского национализма. Ведь, поскольку различные социальные слои южнокорейского населения по-разному интерпретируют такие понятия, как свобода, равенство, социальные преобразования (верхи их понимают как постепенные реформы, а низы выступают за радикальную ломку существующего строя), руководящей силой в рамках идеологии „нового национализма" может быть только „средний класс", который составляет большинство населения и, по мнению Ко Ёнбока, сможет осуществить те же задачи, которые решили в Европе средний класс (т. е. буржуазия. – *М. П.*) в новое время и рабочий класс в новейшее время. „По сравнению с высшими слоями средний класс не столь заинтересован в сохранении социального статус-кво, в то же время он обладает более высоким интеллектуальным потенциалом по сравнению с низшими классами"[4], – пишет Ко Ёнбок [118, с. 195].

Чтобы не только представить „средний класс" носителем национализма, но и завысить его удельный вес в населении страны, Ко Ёнбок зачисляет в его ряды крестьян-собственников, средних и мелких предпринимателей и торговцев, служащих, инженеров и техников, которые в совокупности составляют , по мнению ученого, 80 % городского и 60 % сельского населения [118, с. 196]. При этом особо выделяется значение интеллигенции, выразительницы желаний всего народа, отмечается ее роль в политических событиях прошлого.

Ко Ёнбок предполагает конкретизировать абстрактное понятие „нация", отождествляя его со „средним классом", составляющим большинство населения и проникнутым якобы коллективистскими чувствами. А какие цели может преследовать идеология, отражающая это сознание? Ученый утверждает, что ни буржуазия, ни пролетариат не могут быть врагами „среднего класса". Ему враждебны, по Ко Ёнбоку, только „агрессивные силы иностранного капитализма и связанные с ними экономически и политически их корейские прислужники из числа прогнивших политиканов и бюрократов, преследующих своекорыстные цели. Враги среднего класса являются врагами нации, а идея противостояния общему врагу и сплочения среднего класса и составляет национальную идеологию" [118, с. 198]. Эта концепция „среднего класса" как основы наций игнорирует, как видим, не только противоположность классовых интересов буржуазии и пролетариата, основных классов современного капиталистического общества, но и многочисленные различия и противоречия, существующие внутри данной разнородной социальной общности.

Антикоммунистическая направленность южнокорейского буржуазного национализма особенно рельефно проявляется в статьях сборника, формулирующих задачи этого идеологического течения. Провозгласив главной задачей корейского национализма достижение объединения страны, Чин Доккю, например, полностью фальсифицировал историю Кореи после ее освобождения от японского ига в 1945 г. Раскол страны вследствие агрессивной политики американского империализма этот автор изображает как следствие конфликта США и СССР в борьбе за мировое господство. Установление же социалистического строя на Севере Кореи Чин Доккю трактует как попрание некоей „национальной сущности", вызвавшее „трагедию братоубийственной войны" [118, с. 245][5]. Сохранение раскола Кореи на длительное время он связывает со „слабостью национальной воли". Отвергая объединение страны „с ан-

тинациональных позиций мировой коммунистической революции" [118, с. 246], Чин Докхю утверждает, что лишь идеология корейского национализма обеспечит „модернизацию, искоренение внутренних конфликтов и сплочение нации" [118, с. 249]. Иными словами, интересы трудящихся, прежде всего рабочего класса, должны быть принесены в жертву капиталистической модернизации и интересам иностранных монополий.

Антисоветскими настроениями пронизана статья о прошлом и будущем корейского национализма, принадлежащая политологу Ян Хомину. Автор не только пытается свалить на Советский Союз вину за раскол Кореи, но и приписать ему ответственность за все беды корейского народа, за слабость и рыхлость корейского национализма, не получившего развития якобы „из-за японской агрессии и коммунистической угрозы" [118, с. 250]. Ставя СССР на одну доску с империалистическими государствами, он воспевает южнокорейский национализм, „борющийся за создание своего национального государства, ставящий целью демократизацию, индустриализацию и достижение социальной справедливости" [118, с. 251]. Ян Хомин приписывает КНДР и СССР вину за развязывание войны 1950–1953 гг., объясняет кризис южнокорейской „демократии" „интригами коммунистов, добившихся того, что корейский национализм вместо пробуждения пребывает во сне, а у молодого поколения идеалы национализма вызывают отвращение, ассоциируются с германским и итальянским фашизмом" [118, с. 265].

Между тем, по мнению Ян Хомина, „национализм должен открывать молодежи путь в будущее, должен способствовать демократии и осуществлению промышленной и социальной революции, без чего нельзя преодолеть вековую отсталость и бедность, а также противостоять натиску мирового коммунизма" [118, с. 266]. Ян Хомин в злобно антикоммунистическом духе трактует и проблему объединения Кореи: для него бесспорно, что гегемония в этой сфере должна принадлежать сеульскому режиму [118, с. 267].

Международные аспекты южнокорейского национализма рассмотрены в статье историка Но Чэбона „Международная обстановка и направленность корейского национализма". Он относит южнокорейский национализм к идеологиям развивающихся стран („национализм сопротивления"), усматривая возможность его превращения в самостоятельный фактор международной политики. По мнению автора, в условиях возрастающей зависимости развивающихся стран от развитых государств расширяется влияние национализма. В частности, корейский национализм обретает новые возможности сопротивления нажиму извне. По мнению Но Чэбона, объединение Кореи возможно лишь в условиях резкого изменения международной обстановки, решение же этой проблемы на внутрикорейской основе труднодостижимо. Вместе с тем Но Чэбон допускает, что с развитием корейского национализма страна может быть объединена и без внешнего вмешательства, хотя не называет ни времени, ни сколько-нибудь конкретных условий такого объединения [118, с. 279].

Авторы проанализированных статей, как видим, отвергают классовый подход к национальным проблемам, многие из них стоят на резко антикоммунистических позициях. Они видят в корейском национализме орудие духовного подчинения трудящихся интересам буржуазии, абсолютизируют корейскую национальную специфику, пропагандируют поглощение социалистической КНДР сеульским режимом.

Принцип „национального субъективизма" и его истолкование

В идейном арсенале южнокорейского национализма важное место занимает принцип „национального субъективизма", ложный универсализм которого допускает различные и самые произвольные интерпретации. Поэтому применение этого термина в каждом отдельном случае требует конкретного рассмотрения. Несомненно, что принцип „национального субъективизма" является во многом основополагающей концепцией южнокорейского национализма, он также активно используется сеульским режимом для обоснования как конкретных политических мер, так и идеологических построений.

Различные оттенки истолкования принципа „национального субъективизма", попытки своеобразного теоретического обоснования идеологии южнокорейского буржуазного национализма можно проследить в довольно многословном труде Чхве Чхангю „Самобытный характер корейской нации и легитимность корейской истории" [126]. Впрочем, и ему не удается сформулировать четкое определение этого принципа, основанного на „духе самобытности". „Дух самобытности", по мнению Чхве Чхангю, в свою очередь, сводится к „признанию нации в качестве субъекта истории, представляет ее творческое начало. Только при наличии духа самобытности история обретает свое истинное содержание, а нация испытывает счастье исторического творчества" [126, с. 138]. Поясняя свое субъективно-идеалистическое определение, ученый подчеркивает, что „субъект, называемый нацией, только в себе самом, в своей истории черпает жизненную силу, а история, только соединившись с историческим сознанием нации, может стать постоянным источником жизненной силы сегодняшней нации, поэтому благодаря духу самобытности нация обретает и жизненную силу, и историческое сознание" [126, с. 132].

Об идеалистическом характере теоретических построений Чхве Чхангю свидетельствуют и другие его рассуждения о нации как субъекте истории. Развивая этот тезис, Чхве Чхангю глубокомысленно отмечает, что „нации крайне нелегко выполнять роль субъекта истории, так как сама история также обладает некоей жизненной силой, а потому нация, являющаяся субъектом истории, всегда ответственна перед жизненной силой последней и должна проявлять соответствующую творческую активность, чтобы таким образом суметь выполнить миссию субъекта истории" [126, с. 17]. Формула взаимоотношений „нации" и „истории", согласно Чхве Чхангю, выглядит следующим образом: „Источником творчества, могущим вдохнуть в нацию новую жизненную силу, необходимую для нового творческого акта, является осознанная нацией ее собственная история; в истории сливается субъект, называемый нацией, и сама история как источник деятельности этого субъекта" [126, с. 18]. Эта абстрактная тавтология служит оправданию существующего в Южной Корее режима, теоретическому обоснованию его политического курса.

В изложении Чхве Чхангю принцип „национального субъективизма", дух самобытности означают прежде всего абсолютизацию национального фактора, возведение нации в ранг вечной исторической (или даже внеисторической) категории. Важными основаниями национальной самобытности, по его мнению, служат „пространственная индивидуальность" (сохранение нацией своего особенного облика) и временная

А... ...ая бібліотека імя У. І. Л... ...НА

преемственность", означающая, что жизнь нации должна продолжаться беспрерывно. Как поясняет ученый, первая категория сводится к сохранению корейской нацией ее четкой самоидентификации. А „временная преемственность" определяется тем фактором, что 5-тысячелетняя история корейской нации, несмотря на постигавшие ее катастрофы, „все же никогда не прерывалась" [126, с. 20]. Для конструирования специфических самобытных черт корейской нации, для обоснования ее внеисторической исключительности Чхве Чхангю, естественно, обращается к истории. По его мнению, „национальный субъективизм" определял все течение корейской истории, даже в те времена, когда не существовало государственности. Поэтому <фактор „нации" всегда превалировал над фактором „государства" в корейской истории> [126, с. 33]. Одной из важнейших отличительных черт корейской нации Чхве Чхангю считает непрерывную борьбу против иностранных захватов и влияний, а источником ее неиссякаемой силы — национальную культуру, источник „национальных идей", опору самобытности [126, с. 37—38]. Другая отличительная черта корейской нации, согласно Чхве Чхангю, — упорное стремление сохранить унаследованные от предков традиции, свою самобытность вопреки влиянию извне [126, с. 41]. История Кореи под пером ученого вопреки фактам свидетельствует лишь об исключительной сплоченности нации перед лицом внешней угрозы. Эта сконструированная Чхве Чхангю нация не знает деления ни на классы, ни на сословия, не ведает никаких противоречий [126, с. 73].

Отличительной чертой корейской нации Чхве Чхангю объявляет также дух коллективизма и товарищеского сотрудничества, причем для подтверждения этого тезиса приводятся такие реалии корейской истории, как наличие совещательного органа *хвабэк* в государстве Силла или сельских общин в средневековой Корее. Эти факты рассматриваются исследователем в отрыве от породившей их исторической действительности, в отрыве от социально-экономических условий и классовых отношений каждой данной эпохи. На основе такой субъективистской методологии выдвигается тезис о беспрецедентно ранней (более 1000 лет назад) национальной консолидации корейцев якобы именно благодаря постулируемым Чхве Чхангю „духу коллективизма, воле к единению, которые являются национальными свойствами корейского народа, составляют потенциал его исторической энергии" [126, с. 130]. На деле же создание раннефеодального государства Силла и начало формирования единой народности, весьма длительного в средневековой Корее, приравнено к процессу национального объединения, происходившему у всех народов в более поздние исторические эпохи. Все историческое развитие Кореи в древности, средние века и новое время представлено исследователем как якобы „диалектический процесс становления корейского национального государства путем непрерывного расширения или движения вперед единой национальной истории" [126, с. 128]. Из этой тирады читатель уяснит качественные изменения в ходе долгой истории Кореи, но эту задачу не ставит автор, стремящийся изобразить реально протекавший исторический процесс „единым потоком национального развития", лишенным всякого социального содержания.

Пресловутое „национальное сознание" Чхве Чхангю рассматривает как нечто раз и навсегда данное. Так, древними корейскими мифами, фактами истории доклассового общества он пытается обосновать принципы идейно-политической доктрины современного сеульского режима: идеал личности, „служащей обществу" (*хонъик инган*), политиче-

ские концепции фундаментализма (*кынбонджуый*) и гармонии (*тэдонджуый*), которые призваны подтвердить тезис о бесклассовом характере корейской нации [126, с. 214]. Последние две концепции ученый интерпретирует как „извечное стремление нации к чистоте, истине и национальному единению" [120, с. 218]. Ссылаясь на средневековых конфуцианских классиков, Чхве Чхангю утверждает, что миф „социальной гармонии", пропагандируемый ныне южнокорейской верхушкой, находит соответствие в нормах традиционной морали (иерархическое соподчинение „высших и низших", единение правителя и народа, приравнивание государственных дел к делам семейным) [126, с. 220].

Односторонняя и произвольная оценка прошлого Кореи под углом зрения „национального субъективизма" уводит Чхве Чхангю от правильного ответа на поставленный им вопрос о том, что история Кореи — лишь часть всемирной истории. Исследователь, всецело сосредоточиваясь на выявлении корейской специфики, не улавливает общих закономерностей всемирно-исторического процесса. Историю нового времени, например, он односторонне истолковывает лишь как эпоху внешней экспансии, когда „более сильные нации стремились навязать свою самобытность более слабым нациям, которым угрожала утрата их национальной специфики" [126, с. 221]. В изложении Чхве Чхангю, не придающего значения основным противоречиям эпохи капитализма, в XIX в. европейские страны и Япония якобы „стремились отождествить свои национальные истории со всемирной, тогда как всемирная история непременно должна быть суммой специфических национальных историй" [126, с. 222]. Новую историю Кореи, по мнению Чхве Чхангю, определяют «несправедливые законы нового времени („сильный Запад — слабый Восток"), в соответствии с которыми корейская нация подвергалась колониальному гнету, самому жестокому в Азии» [126, с. 51]. Однако, продолжает историк, в то время как „почти вся Азия под гнетом западного великодержавного национализма утратила свою жизнеспособность, корейская нация впервые оказала ему сопротивление в духе современного национализма" [126, с. 53]. Согласно Чхве Чхангю, начало подъему национально-освободительного движения народов Азии положила не Великая Октябрьская революция 1917 г., о которой он даже не упоминает, а Мартовское народное восстание 1919 г. в Корее. Под его влиянием, продолжает историк, в Китае поднялось национальное движение 4 мая, в Индии — движение ненасильственного сопротивления. Таким образом, мартовское движение явилось, якобы, „факелом для всего национального движения в Азии" [126, с. 54]. Приписывая Мартовскому восстанию эпохальное значение, автор игнорирует примиренчество лидеров восстания, отразившееся в принятой ими „Декларации независимости", их откровенное капитулянтство перед японским колониализмом, явную ограниченность результатов восстания. Чхве Чхангю рассматривает роль этого антияпонского народного выступления с точки зрения „возрождения духа национальной самобытности, национального субъективизма, искоренявшихся колонизаторами" [126, с. 172]. Об этом же свидетельствует, согласно Чхве Чхангю, создание в 1919 г. в Шанхае эмигрантского „Временного правительства Корейской республики", хотя последнее не имело никаких контактов с национально-освободительным движением в Корее.

От односторонней характеристики нового времени Чхве Чхангю переходит к столь же однобокой оценке всемирно-исторической ситуации 70-х годов XX в. Исходя только из осуждения упомянутых „неспра-

ведливых законов нового времени", когда в Азии господствовал колониализм („великодержавный национализм нового времени", согласно Чхве Чхангю), главной чертой новой исторической эпохи исследователь считает „уход западных держав", которые якобы отказываются от экспансии и агрессии и признают сосуществование со слабыми нациями. В новой международной обстановке, по мнению Чхве Чхангю, «корейской нации предстоит сыграть особую роль в мировой истории, благодаря идеологии „нового национализма". Основой этой идеологии является не только материальная сила, безраздельно господствовавшая прежде в мировой истории, но и сдерживающий ее принцип примирения» [126, с. 52]. Вводя в свои рассуждения „принцип примирения" (фактически оправдывающий смыкание с империализмом. — *М. П.*), Чхве Чхангю называет его движущей силой цивилизации. Ученый подчеркивает, что „обращение к истории, к национальному историческому сознанию как к источнику жизненной силы" особенно актуально в современной внутриполитической ситуации в Южной Корее. Решая стоящие перед нацией острые проблемы, указывает автор, следует помнить о „континуитете 5-тысячелетней истории Кореи, о непрерывном историческом творчестве, плодом которого стало единое национальное государство, созданное еще в VII в." [126, с. 58]. По мнению Чхве Чхангю, грядущее национальное возрождение должно быть основано на вере в историю нации, на сознании ее неповторимости [126, с. 73]. Отвергая фальсификации корейской истории японскими колонизаторами, Чхве Чхангю утверждает, что наследие вана-объединителя Кореи Мунму (661–681), антияпонских партизан „Армии справедливости", действовавших в конце XIX – начале XX в., есть некий внеисторический „завет предков". Благодаря этому „завету", полагает ученый, удалось сохранить „национальную самобытность и легитимность национальной истории, проложить мост через зияющую пропасть японского господства к освобождению страны в августе 1945 г." [126, с. 139]. Примечательно, что историк полностью умалчивает о решающей роли СССР в разгроме Японии и восстановлении независимости Кореи. Говоря о деле объединения Кореи, Чхве Чхангю интерпретирует и эту задачу в духе „национального субъективизма". Руководствуясь односторонним принципом „национального субъективизма", он клеветнически утверждает, будто КНДР „выпала из процесса национальной истории, стала чужеродным элементом в нации" [126, с. 77]. Автор все же допускает возможность соревнования между двумя частями Кореи за право стать „субъектом объединения, субъектом национальной истории, определяющим будущее единой нации" [126, с. 114], в отличие от тех южнокорейских историков, которые безоговорочно декларируют „право" сеульского режима на гегемонию в процессе воссоздания единой Кореи. Суть этого соревнования Чхве Чхангю сводит к тому, какое из двух корейских государств безраздельно унаследует традиции национальной истории и станет „субъектом воссоединения". Характеризуя КНДР и Южную Корею, Чхве Чхангю не касается основных черт их социального строя, а оперирует такими туманными категориями, как „любовь к своей нации", „самоопределение в качестве нации", „энергия самоусиления как нации". Однако он не исключает, что КНДР, „прочно утвердив в нынешнем поколении дух самобытности, восстановив легитимность национальной истории, станет, хотим мы того или нет, субъектом объединения" [126, с. 33].

О крайне произвольном истолковании принципа „национального субъективизма" свидетельствуют и труды ученого-психиатра Ли Дон-

сика [81], который при интерпретации этого принципа совмещает фрейдистский психоанализ с концепциями традиционных религий и учений стран Дальнего Востока – буддизма, конфуцианства и даосизма. Пытаясь по-своему определить сущность „национального субъективизма", Ли Донсик считает его показателем „зрелости и коммуникабельности личности, ее цельности, душевного здоровья, духовной независимости, значительиого творческого потенциала, способиости к диалогу" [81, с. 3].

Самой актуальной задачей корейской нации Ли Донсик называет восстановление „духа самостоятельиости", понесшего ущерб в результате колониальиой экспансии японского империализма. Автор подчеркивает, что капитулянтство правящих кругов Кореи в конце XIX – начале XX в. заразило идеологией пораженчества также и корейский народ [81, с. 8]. Подобно тому как душевное здоровье больного неврозом можно восстановить путем устранения его искаженных представлений о прошлой жизни, воссоздание „духа самостоятельности" нации Ли Доисик считает возможным в результате исправления фальсификаций национальной истории, восстановления „истинного облика" (*чин мёнмок*) иации путем устранения ее „душевной преграды" [81, с. 39][6].

Задачу историков и социологов Ли Донсик видит как раз в восстановлении „истинного облика" нациоиальной истории, истории формирования и развития „духа самостоятельности" нации, а особенно в выявлении тяготеющих над иацией „духовных преград". По мнению Ли Донсика, истинный „дух самостоятельности" нации существовал в ранний период корейской истории (в период Трех государств, Объединенной Силла, в первые десятилетия существования государства Корё). Однако затем ему был нанесен ущерб агрессией внешних сил – империй Суй и Тан, киданей, чжурчжэней, японцев, а в XIX–XX вв. – японским колоннализмом и неоколониализмом западных держав. Правда, продолжает автор, после освобождения Кореи в 1945 г. и свержения лисынмановского режима в 1960 г. „дух самостоятельиости" корейской нации возродился. Все же и по сей день ои испытывает пагубное влияние многовекового духовного закабаления Кореи имперским Китаем и жестокого японского колониального гнета. Укрепление „духа самостоятельности" затруднеио расколом страны, низкопоклонством южнокорейской элиты перед США и другими западными державами [81, с. 14]. Таковы, согласно Ли Донсику, причины появления „душевных преград" нации.

Среди отрицательных последствий подавления внешними силами „духа самостоятельности" корейской нации Ли Донсик называет болезненный комплекс неполноценности. „По личному опыту, – пишет он, – мне известно, что у корейцев преобладает болезненное чувство самоуничижения. Собствеиное историческое наследие, согласно данным проведенного мною обследования, осуждает или недооценивает 74 % населения. Этого самоуничижения – подлинной нациоиальной душевной болезни современных корейцев – невозможно обнаружить в ранней истории страны. Оно зародилось в правящем классе Корё и усугубилось при династии Ли, когда произошел разрыв между сознанием элиты и сознанием простого народа, остававшегося носителем лучших национальных традиций" [81, с. 34].

В своих психоаналитических построениях Ли Донсик явно преувеличивает значение идеологического фактора и игнорирует социально-экономические и политические причины, обусловившие колониальное

закабаление Кореи. Правильно отмечая живучесть „капитулянтской идеологии", укоренившейся в южнокорейских верхах в колониальный период, Ли Донсик лишь вскользь упоминает о боевых настроениях народных масс, отразившихся, например, в движении тонхаков в конце XIX в. По его мнению, это движение было направлено лишь против иноземных захватчиков, классовый антагонизм между тонхаками и феодальными верхами Кореи Ли Донсик игнорирует. Веками господствовавшее в правящих кругах Кореи низкопоклонство перед иноземными захватчиками Ли Донсик интерпретирует даже как своеобразную душевную болезнь, которую якобы можно излечить методами психоанализа или сон(дзэн)-буддизма и даосизма [81, с. 77].

Касаясь развития национального капитализма („модернизации", по терминологии автора), Ли Донсик особое внимание уделяет проблемам корейской молодежи, которой принадлежит будущее страны [81, с. 16]. Но и эти проблемы он толкует с точки зрения фрейдистского психоанализа. Корейская молодежь, согласно Ли Донсику, в максимальной степени свободна от самоуничижения, поразившего старшие поколения, поэтому она скорее „освоит здоровое наследие прошлого и свяжет осуществление национальных задач с общим ходом мировой истории" [81, с. 79]. При этом автор приписывает корейской нации „способность спасти человечество благодаря гармоническому сочетанию достижений западной технической цивилизации с высокими моральными ценностями древней цивилизации Востока" [81, с. 86]. По мнению Ли Донсика, антигуманность, бесчеловечность и жестокость современной цивилизации капиталистического Запада своими корнями якобы уходит в культуру эпохи Возрождения, которая «под видом освобождения личности освободила человека от человечности и развязала в нем животные инстинкты и крайний эгоизм, приведшие к бескоечным конфликтам в конкурентной борьбе за существование, к агрессии с целью истребления других народов, к разрушению природы в ходе ее „покорения"» [81, с. 169]. Избавление западной цивилизации от кризиса, переживаемого капиталистической системой, по Ли Донсику, принесет отказ от прогрессивных традиций Возрождения (вредных, по его мнению) и обращение к принципам дао, которые тысячелетиями одухотворяли восточную цивилизацию, символизировали ее гуманную сущность [81, с. 173]. Постепенно возрастающий в капиталистических странах Запада интерес к даосизму и другим религиозно-философским учениям Востока Ли Донсик объясняет все более глубоким осознанием „пагубности бесконечного завоевания человеком Запада внешнего мира, не сопровождающегося познанием самого себя, обузданием своих инстинктов" [81, с. 174]. С другой стороны, в странах Востока, „долгое время влачивших нищенское существование под иностранным игом", якобы „наметилась тенденция сводить модернизацию к быстрому внедрению научно-технических достижений в ущерб своим исконным моральным принципам" [81, с. 175]. Между тем только традиционная мораль Востока может исцелить недуги современной цивилизации, ибо „дао означает не только дух самостоятельности и самоконтроля, но и высшую степень зрелости, свободы и творческой силы" [81, с. 176]. Таким образом, в приведенном варианте субъективно-идеалистического истолкования основной ценностной категории южнокорейского национализма, принципа „национального субъективизма" (абстрактно формулируемого как „дух самобытности") этот принцип не только служит целям отрицания классовых противоречий в южнокорейском обществе, но и представлен

в качестве панацеи современной мировой капиталистической системы.

Туманные рассуждения апологетов сеульского режима о „духе самобытности" отвергаются теми южнокорейскими учеными, которые придерживаются объективного анализа исторических фактов. Так, по мнению профессора Соганского университета в Сеуле Ли Гибэка, «попытки абсолютизировать отдельные черты национального характера корейцев логически несостоятельны, так как зачастую они проявляются на определенной стадии исторического развития любой нации. Кроме того, существует опасность распространить на всю нацию пороки, присущие лишь ее узким социальным группам или прослойкам. В силу этого крайне затруднительно в нескольких словах охарактеризовать „национальный характер", например, корейцев, не противореча здравому смыслу» [78, с. 143].

Ли Гибэк обращает внимание на тот факт, что первыми проблему „национального характера" корейцев стали исследовать иностранцы. Интерес к этой проблеме подогревался во второй половине XIX в. колониальной экспансией Японии и западных держав. Проникновение в суть морали правящей элиты Кореи, янбанского сословия, помогало колонизаторам обманывать и шантажировать правителей страны. Выставляя пороки правящих верхов в качестве свойств „национального характера" корейцев, захватчики стремились морально принизить корейский народ, подавить его волю к сопротивлению. Не случайно поэтому в клеветнических писаниях злонамеренных иностранцев за исконные черты корейского национального характера выдавались неспособность к единству и фракционность, несамостоятельность, паразитизм, леность [78, с. 145]. Следовательно, по мнению Ли Гибэка, „те, кто усердно занимается поисками таинственного национального характера корейцев или озабочен его исправлением, практически находятся в плену враждебных нации концепций, насаждавшихся иностранными захватчиками" [78, с. 146].

В связи с этим Ли Гибэк подвергает критике все еще весьма распространенную концепцию „преобразования нации" (*минджок кэджорон*), которая была сформулирована еще в 1922 г. национал-реформистом, писателем Ли Гвансу. Ли Гибэк подчеркивает, что концепция „преобразования нации", по сути дела, оправдывала политику японских колонизаторов, будучи, в силу этого „идеологией капитулянтского национализма" [78, с. 123], маскирующей национальное предательство. Проповедям о „духе самостоятельности" Ли Гибэк противопоставляет практическую работу по строительству независимого государства. „Совершенно очевидно, — подчеркивает он, — что возрождения независимого государства нельзя добиться одними морализаторскими тирадами. Если мы хотим, например, чтобы трудолюбие стало чертой национального характера, необходимо создать такое общество, где каждый может получить работу, позволяющую жить, не тревожась о завтрашнем дне" [78, с. 145].

Ли Гибэк предостерегает против произвольного и демагогического толкования принципа „национального субъективизма". По его мнению, указанный принцип в основном проявляется в том, что корейский народ неизменно давал отпор захватчикам, а также по-своему интерпретировал культуру других народов, давал многим заимствованиям извне глубоко оригинальные толкования [78, с. 27]. Но для изучения этих явлений, по мнению Ли Гибэка, нужны лишь научная добросовестность

и здравый смысл, а не надуманные концепции. Подчеркивая, что вопрос о „национальном субъективизме" и его проявлении в корейской истории нуждается в дальнейшем изучении, Ли Гибэк восстает против всякого приукрашивания исторической действительности, против всякого искажения фактов. <„Дух самостоятельности", — продолжает ученый, — оправдывает себя лишь в том случае, когда усилия корейской нации совпадают с направлением действия законов, определяющих развитие общества> [78, с. 29].

Принципы „национального субъективизма" и „национальной самобытности" в политике правящих кругов Южной Кореи

Дискуссия о „национальной самобытности" и принципе „национального субъективизма" была тесно связана с усилением националистических настроений в правящих кругах Южной Кореи и в господствующих классах страны. Кризис и падение неоколониалистского лисынмановского режима, крушение попыток представить Корею витриной „свободного мира" вынудили правителей Южной Кореи, с благословения их заокеанских покровителей, установить военную диктатуру, призванную быть орудием подавления народных масс, предотвращения революционного взрыва, а равно и демократического объединения страны. Правда, по мнению некоторых южнокорейских буржуазных авторов, к моменту майского переворота 1961 г. у военных во главе с Пак Чонхи не было продуманной политической программы. Все же в обстановке острого политического и экономического кризиса в реакционных правящих кругах Сеула была довольно ясно осознана необходимость изыскать в идеологической сфере действенное средство против „коммунистической заразы" и не прекращавшегося в Южной Корее социального брожения. Основой реакционной официальной идеологии установленного в Сеуле военного режима стал принцип „национального субъективизма" [109, с. 160]. Отдельные положения этой националистической доктрины формулировались Пак Чонхи постепенно, по мере укрепления режима его личной власти. Ради достижения этой цели сеульский диктатор, не отказываясь от прямых репрессий, прибегал к все более изощренному социальному маневрированию, к все более разнузданной националистической демагогии. Особенно охотно он манипулировал концепциями „национальной самобытности". Именно духом „национальной самобытности" обосновывалось само существование диктаторского режима в Южной Корее, где, по утверждениям сеульских правителей, „нормы демократии должны соответствовать национальным политическим и культурным традициям" [109, с. 328]. Ссылаясь на эти традиции, „неразвитость системы политических партий", на „незрелость народных масс" и, конечно, на „интересы государственной безопасности", апологеты режима доказывали „непригодность" буржуазной демократии для Южной Кореи. По словам Пак Чонхи, в условиях Южной Кореи на первом месте стоит якобы „защита жизни и свободы 30 млн. человек от грозящей им агрессии с Севера, поэтому не может быть и речи об обеспечении прав и свобод отдельных граждан" [109, с. 326]. Более того, существование диктаторских режимов объявляется закономерным явлением для всех развивающихся стран, нуждающихся прежде всего в „обеспечении политической и экономической независимости", что гарантируется „национальным сплочением и согласием", т. е., по существу,

диктатурой. Демократический строй в развивающихся странах лишь стимулировал бы „чрезмерные ожидания и требования граждан", удовлетворить которые молодое государство не в силах [109, с. 327]. Тем не менее южнокорейский военный режим с первых шагов пытался продемонстрировать приверженность „демократии", разумеется проникнутой духом „национальной самобытности". Так, в книге „Путь нашей нации" [92], Пак Чонхи подчеркивал: „[Южно]корейская демократия это не копия демократии западноевропейского типа, она приспособлена к национальной социально-политической действительности, она является демократией административной" [92, с. 232]. Разумеется, за модификацию такой „административной демократии" нетрудно выдать и режим военно-бюрократической диктатуры, укрепившийся в Сеуле. Впрочем, в другой своей книге, „Государство, революция и я", изданной в сентябре 1963 г., Пак Чонхи отказывается от этого двусмысленного термина, обещая возврат к „гражданскому правлению" [62, с. 468]. В программе правящей демократической республиканской партии, принятой в феврале 1963 г., содержится также обещание создать „новое общество демократической гуманности и общественного благосостояния путем повышения жизненного уровня граждан на основе свободного предпринимательства, разумного экономического планирования и устранения бедности" [62, с. 469]. Программа провозглашала приверженность „духу движения Первого марта [1919 г.], идеям выступления 19 апреля[8] и революции 16 мая[9]" [62, с. 469]. Таким образом, Пак Чонхи не только прибегал к широковещательным, туманным посулам, но и подчеркивал соответствие своей политики национальным традициям, используя с этой целью также и факты истории национально-освободительного движения в Корее. Дух националистической демагогии пронизывает и предвыборную речь Пак Чонхи 23 сентября 1963 г., в которой диктатор вновь изложил свою политическую программу. По его утверждению, сознание независимости и самостоятельности можно воспитать, а „истинная демократия, в том числе и либеральная, должна существовать на базе здорового национализма" [62, с. 469]. Недаром впоследствии военно-бюрократический режим Пак Чонхи получил официальное наименование „национальной демократии", нацеленной на достижение „национальной самостоятельности, фундамента национальной самобытности". Пространное разъяснение сущности „национальной демократии" содержится в учебнике для членов демократической республиканской партии, опубликованном в январе 1968 г. [87]. Указывалось, что в этой концепции „демократизм и национализм имеют одинаковый удельный вес и ценность, уравновешивают друг друга" [87, с. 11]. Авторы программы подчеркивали, что „в рамках национальной демократии" предполагается не только „усвоить сущность европейско-американской демократии, но и воплотить исконные исторические, культурные и национальные особенности Кореи" [87, с. 12]. Другими словами, идеологи военного режима ставили перед собой задачу „национализации („акклиматизации" в условиях Южной Кореи. – *М. П.*) либеральной демократии и демократизации национализма" [87, с. 13]. По словам председателя демократической республиканской партии Ким Чонпхиля, такой „демократизированный национализм, свободный и от ксенофобии, и от изоляционизма", якобы „идеально соответствует веяниям эпохи" [62, с. 470].

Идеологи правящей партии пытались даже представить режим „национальной демократии" выразителем интересов трудящихся. Сам Пак

Чонхи демагогически заявлял: „Национальная революция, совершенная простым народом, является идеологической революцией, утверждающей политику ради простого народа, экономику ради простого народа, культуру ради простого народа, – и все это благодаря передаче власти и руководства из рук привилегированных слоев в руки крестьян, рыбаков, рабочих и средних слоев города. Рекрутированная из их среды и опирающаяся на них новая элита должна ныне и в будущем повести за собой национальное государство. Именно в этом миссия национализма и национальной демократии в [Южной] Корее" [62, с. 471]. „Новую элиту" (по сути, деятелей военно-бюрократического режима) выдавали за наследников национально-освободительного движения, а военный переворот объявляли революцией, продолжающей дело повстанцев-тонхаков и Мартовского народного восстания 1919 г. [61, с. 472] [10].

В области политической и идеологической мобилизации населения на поддержку существующего режима особое внимание уделялось народному образованию и воспитанию подрастающего поколения. 5 декабря 1968 г. Пак Чонхи провозгласил новый Устав учреждений народного образования, проникнутый духом воинствующего национализма. Устав, по его словам, „открывал перед корейской нацией путь к разработке такой идеологической платформы, которая позволит достичь объединения отечества и экономического процветания" [109, с. 138]. Комментируя содержание нового Устава, Пак Чонхи особо выделил задачу насаждения „национального сознания". Он призвал „не довольствоваться лишь наследованием традиций и нравов предков, а всячески совершенствовать их ради создания нового гармонического общества" [109, с. 159].

Важным достоинством нового документа, с точки зрения властей, был дух воинствующего антикоммунизма. Призывая „возрождать в народе традиции взаимопомощи и коллективизма в деле строительства нового национального государства и возрождения нации", разглагольствуя о „гармонизации отношений между государством и личностью" [109, с. 159], Пак Чонхи и другие сеульские деятели были озабочены тем, чтобы завоевать симпатии молодого поколения, поставить его энергию на службу военно-бюрократическому режиму. Внимание, уделяемое идеологическому подчинению молодежи, во многом объяснялось ее важной ролью в свержении клики Ли Сынмана в 1960 г.

К проблемам молодежи Пак Чонхи вновь обратился 24 марта 1972 г. в обращении, адресованном национальной конференции деятелей народного просвещения. Основной недостаток существовавшей в Южной Корее системы образования Пак Чонхи видел в том, что „внимание уделялось лишь развитию интеллектуального и творческого потенциала человека, в то время как идеей нации и государства систематически пренебрегали, не обращали должного внимания на обучение исконным национальным добродетелям (сыновней почтительности, уважению учителей). В результате не были приложены достаточные усилия к тому, чтобы воспитать в гражданах дух ответственности перед нацией и государством, дух сотрудничества, преданности и самопожертвования" [161, с. 162]. По мнению сеульского диктатора, „для нашей системы образования настало время отойти от иностранных образцов, проникнуться духом национальной самобытности" [161, с. 163]. По мере утверждения в умах учащихся националистических идей, прежде всего „независимого национального взгляда на историю", продолжал Пак Чонхи, значительно облегчится „достижение [Южной] Кореей трех

целей — независимости, самообеспечивающейся экономики и самостоятельной обороны" [161, с. 164].

Апеллируя к идее „национальной самобытности", особенно к таким традиционным „национальным ценностям", как конфуцианский принцип „сыновней почтительности" (который толковался, разумеется, в пользу беспрекословного подчинения властям), Пак Чонхи стремился обосновать и оправдать дальнейшее укрепление военно-бюрократического режима, маскируемого под „демократию корейского типа". Ее утверждение в октябре 1972 г., в условиях чрезвычайного положения, было равнозначно настоящему государственному перевороту[11].

В „конституции возрождения", принятой в ходе референдума в 1972 г., декларировалась цель строительства „новой демократической республики, укрепляющей основные принципы либеральной демократии" [119, с. 103]. На практике же в Южной Корее была ликвидирована даже видимость буржуазной демократии. Достаточно сказать, что провозглашенные конституцией основные права граждан фактически упразднялись ст. 53 основного закона, в соответствии с которой президент Пак Чонхи наделялся чрезвычайными полномочиями. Усилению личной власти Пак Чонхи способствовало и изменение процедуры президентских выборов. Согласно конституции 1972 г., президент избирался не всеобщим голосованием, а вновь образованной „национальной конференцией по самостоятельному объединению Кореи". Этой конференции предоставлялось и право назначать по представлению президента одну треть членов национального собрания. Резко упала роль политических партий, так как депутаты „национальной конференции по самостоятельному объединению Кореи" обязаны быть беспартийными. Некоторое расширение прав местных органов власти оказалось фиктивным, поскольку введение выборности муниципалитетов откладывалось до „объединения страны".

Авторитарный характер конституции 1972 г. апологеты сеульского режима оправдывали ссылками на „задачи национального возрождения", необходимость борьбы с „коммунистической опасностью" и „угрозу с Севера". За принятием конституции последовала серия „октябрьских реформ возрождения"[12], рекламировавшихся как „продолжение и углубление революции 16 мая". На деле эти законодательные меры были направлены на дальнейшее укрепление режима Пак Чонхи.

Характерно, что насаждение режимом Пак Чонхи принципов „национального субъективизма" и „национальной самостоятельности" не сопровождалось не только разрывом связей с империализмом, но даже и борьбой за реальную политическую и экономическую иезависимость Южной Кореи от США, Японии и других империалистических держав. В проповеди „национальной самостоятельности" акцент смещался на тезис „пробуждения сил самопомощи нации", которая-де „в борьбе за объединение родины не будет полагаться только на внешние силы". Такое смещение акцентов позволяло режиму Пак Чонхи и далее укреплять всесторонние связи с США, ставившие Южную Корею во все большую зависимость от Вашингтона.

Принятие конституции 1972 г. и „октябрьские реформы возрождения" в представлении идеологов сеульского режима знаменовали установление „демократии корейского типа, возглавляемой патриотическими лидерами, служащей воплощением идей национальной самобытности". В обществе такого типа будут якобы созданы условия всесторонней модернизации Южной Кореи; в дальнейшем, по утверждениям

апологетов режима Пак Чонхи, на заложенном в 1972 г. фундаменте возникнет „бесклассовое общество всеобщего равенства" [109, с. 138].

В 70-х годах, как и в предшествующие десятилетия, в качестве центральной проблемы южнокорейского национализма правящие круги Южной Кореи неизменно выдвигали на первый план как в политической, так и в идеологической сфере задачу подготовки к объединению страны. В конечном счете с этой проблемой соотносились все аспекты политики южнокорейского буржуазного государства. Провал попыток (в том числе и с помощью американских интервентов в 1950–1953 гг.) насильственного объединения Кореи под эгидой сеульского режима и реставрации капитализма на Севере страны, а также изменение соотношения социально-политических сил в мире в пользу социализма, обусловившее поворот в сторону разрядки международной напряженности и мирного сосуществования государств с различным социальным строем, в 70-е годы вынудили правящие круги Южной Кореи модифицировать свою политику в области воссоединения страны.

Сеульские правители выдвигают концепцию „самостоятельного мирного объединения", соглашаются даже на мирное сосуществование с КНДР, оговариваясь, конечно, что последнее „вовсе не означает дипломатического признания Севера" [161, с. 46][13]. Начиная с 1970 г. Пак Чонхи неизменно подчеркивал: „Задача национального объединения и возрождения должна быть решена усилиями самих корейцев; Север и Юг представляют собой единое целое с общей судьбой, связаны общим языком, историей и происхождением" [161, с. 22]. Ввиду того что, по словам Пак Чонхи, „идеологии меняются, а нация остается, необходимо восстановить нерасторжимые связи между обеими частями разделенной корейской нации" [161, с. 23]. Сеульский диктатор не отрицал даже на этот раз, что к „возрождению национальной сущности" должно быть причастно и население КНДР. Правда, гегемонистские притязания Сеула сохраняли силу и в новых условиях. Так, в речи 3 октября 1972 г. Пак Чонхи заявил: „Нашей исторической миссией является сохранение и умножение легитимной корейской национальной сущности, сохранение легитимности и преемственности корейской государственности. Мы должны отстаивать наш приоритет перед лицом любых трудностей" [161, с. 180].

Выдвинутая Сеулом концепция „самостоятельного мирного объединения" являлась одним из средств дипломатической борьбы в ходе открытого и всестороннего соревнования двух систем на Корейском п-ове. Так, в новогоднем послании (1970 г.) Пак Чонхи подчеркивалось: „В 70-х годах мы должны поддерживать абсолютное военное и экономическое преобладание над Севером, так чтобы мы смогли быстро избрать любую формулу объединения – мирную или немирную" [161, с. 83]. Действительно, невзирая на контакты и диалог с КНДР, в 70-х годах мощь южнокорейских вооруженных сил составляла 600 тыс. человек при 2,5 млн. резервистов. Неоднократно в речах сеульских лидеров раздавались также и угрозы „сокрушить врага к северу от демилитаризованной зоны" [161, с. 86].

Ради же достижения экономического превосходства над КНДР, важнейшего, по мнению Сеула, условия объединения страны, правители Южной Кореи признавали необходимым наращивать экспортное производство, развивать тяжелую и химическую промышленность, одновременно расширяя систему социального обеспечения населения. Пак Чонхи говорил даже о „таком улучшении условий труда 4 млн. рабочих,

повышении их культурного уровня и уровня жизни, чтобы [Южная] Корея стала образцовой индустриальной страной в Азии" [161, с. 195].

Многие реакционные южнокорейские политологи ревностно поддержали насаждаемую Пак Чонхи „кореизированную демократию", противопоставлявшуюся ими как социалистической, так и буржуазной демократии. Кризис последней Хан Сынджо, например, объяснял ее „чрезмерным вниманием к материальным благам", „индивидуализмом и отрицательным отношением к авторитетам, которые вызывают недоверие к правительственной власти, падение веры в бога и уважения к человеку" [109, с. 145]. По мнению этого политолога, возрождение демократии возможно лишь на путях принижения светских и возрождения религиозных идеалов, на путях вытеснения индивидуализма коллективизмом под эгидой сильной власти, способной контролировать общество [109, с. 144]. Именно эти достоинства приписываются „кореизированной демократии". Такой режим, утверждает Хан Сынджо, воспитывает в народных массах „высокие нравственные качества в обстановке, когда свобода государства важнее свободы граждан и общества" [109, с. 136]. „Сбалансированность и умеренность", приписываемые Хан Сынджо „кореизированной демократии", не допустят крайностей ни в идеологии, ни в осуществлении прерогатив власти. Возрождение же национальных традиций общинной демократии способно якобы „примирить крайности капитализма и социализма, цивилизаций Востока и Запада" [109, с. 134].

За достоинство „кореизированной демократии" Хан Сынджо выдает и ее репрессивный характер. Для южнокорейского „неототалитаризма" якобы характерны „гуманные и ненасильственные методы воздействия на народные массы" [109, с. 345]. В то же время, подчеркивает Хан Сынджо, „неототалитаризм мобилизует нацию на выполнение стоящих перед нею задач гораздо более эффективно", чем традиционные буржуазно-демократические режимы [109, с. 345].

Истоки „кореизированной демократии" ее апологеты возводят — через деятелей Мартовского восстания 1919 г. и движения тонхаков — к самому Тангуну, мифическому основателю корейской государственности и первому правителю Древнего Чосона. Ее изначальные концептуальные устои исключают любое неуважение к политической власти и утверждают „взаимное уважение, почтение, доверие и любовь между руководителем и массами, обеспечивают гармонические отношения между правительством и народом" [109, с. 143]. Вместе с тем Хан Сынджо все же высказывает опасение, что правительственная власть может оказаться слишком сильной и бесконтрольной, поэтому требует от лидера „кореизированной демократии" „самоотверженного сознания своей миссии, мудрой готовности к структурным преобразованиям ради развития демократии" [109, с. 347]. Возможность социально-политических преобразований в обозримом будущем все же исключается, ввиду того что существующая политическая ситуация на Корейском п-ове прежде всего требует „укрепления государственной безопасности и ускоренного экономического роста". Демократические преобразования, согласно Хан Сынджо, практически осуществимы лишь в ограниченных масштабах деревенских общин в форме движения за „новую деревню" (*сэ маыль ундон*). Сеульский политолог подчеркивает, что это движение явилось „революцией сверху", которой лишь в дальнейшем предназначалась роль „широкого народного движения за национальное согласие" [109, с. 133].

Действительно, движение за „новую деревню" было развернуто в начале 70-х годов по инициативе Пак Чонхи. На первых порах в рамках этой кампании велось лишь жилищное и коммунальное строительство в сельской местности. Вскоре, однако, перед ней были поставлены далеко идущие цели в политической и идеологической областях, а объектами кампании, направленной в русло нацноналистической демагогии, стали также городское население и опора режима – вооруженные силы. По утверждениям Пак Чонхи, движение за „новую деревню" является „чудодейственным средством против лени и благодушия, роскоши и излишеств, укоренившихся в части корейской нации. Оно, наконец, открывает путь к прочному национальному согласию, непременному условию модернизации страны" [161, с. 175]. Следствием движения за „новую деревню", по планам Сеула, должны были стать „перемены в образе мыслей, в политической ориентации граждан, особенно интеллигенции, которой следует отказаться от систематического неприятия авторитета власти" [161, с. 180]. Идеологи движения за „новую деревню" претендовали к тому же на то, чтобы „развенчать" марксистскую теорию научного социализма. Они утверждали, в частности, будто пропагандируемые в рамках кампании принципы сосуществования и сопроцветания более понятны массам корейского народа, чем „марксизм-ленинизм, проповедующий классовую борьбу" [161, с. 399]. Режим планировал широкие программы поощрения различных форм кооперации в деревне, что, разумеется, могло несколько притушить классовые противоречия и облегчить сеульским правителям их социальное маневрирование.

Контроль над ходом движения за „новую деревню", как и над другими политико-идеологическими кампаниями в Южной Корее, осуществляли различные специально для того созданные учреждения и организации, в частности военизированные. В рамках кампании были учреждены новые низовые территориальные единицы – деревенские общины (*пансанхве*), отряды местной народной самообороны (*минбанви*). Пропагандистская обработка южнокорейского населения велась также в „школах взрослых", „университетах граждан", „школах престарелых", на „курсах домохозяек" и др. Во всех организациях и на предприятиях не менее 3 час. в неделю уделялось специальной идеологической обработке, выдержанной в духе ультранационализма и авторитаризма. Например, проводился „инструктаж по внедрению кореизированной демократии", по „обеспечению национального согласия и государственной безопасности" [161, с. 369]. Политические кампании и идеологическая обработка масс велись под контролем правящей республиканской демократической партии и сеульского режима. Предметом особого внимания местных администраторов становились все „недовольные и раскольники". Степень участия чиновничества и активистов правящей партии в политических кампаниях неизменно учитывалась при их продвижении по службе. К участию в массированной идеологической обработке населения южнокорейский режим стремился привлечь ученых, журналистов, деятелей культуры. Выражалась надежда, что в результате кампании народные массы страны „отдадут все силы самоотверженному участию в строительстве великой Кореи, которая войдет в число лидирующих наций мира" [161, с. 365].

Однако любые попытки проводить в рамках движения за „новую деревню" сколько-нибудь глубокие социальные реформы были бы обречены на провал: ведь при существующих в Южной Корее неоколо-

ниалистских порядках социальное неравенство неустранимо, а подлинная политическая и экономическая независимость недостижима.

Действительно, „реформы возрождения" нисколько не обновили социально-экономическую структуру южнокорейского общества, не ослабили они и идейно-политической напряженности в стране. Об этом свидетельствуют непрекращающееся демократическое движение студентов, забастовочная борьба рабочих, которые отвергают навязываемые сверху политические кампании, не приемлют репрессивного военного режима. Символом краха социального маневрирования сеульской правящей верхушки, ее националистической демагогии стало убийство Пак Чонхи в октябре 1979 г., открывшее новый этап кризиса режима военной диктатуры.

Глава 2

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В теоретическом оформлении идеологии буржуазного национализма в Южной Корее большое место занимает трактовка вопросов отечественной истории и историографии. Научные исследования в области корейской историографии не привели еще, однако, к созданию в Южной Корее фундаментальных обобщающих работ. Мы располагаем лишь некоторыми монографиями и статьями южнокорейских историков, посвященными отдельным периодам развития корейской национальной историографии, ее ключевым проблемам [105].

Проблемы средневековой историографии

Зарождение летописания

Письменные источники позволяют судить о появлении записей исторических событий с начала существования трех раннефеодальных корейских государств – Когурё, Пэкче и Силла (IV – VII вв.). Однако ни одно из произведений корейской историографии того времени не дошло до наших дней. Сохранились лишь их фрагменты или даже отрывочные упоминания в более поздних корейских летописях. В силу этого историки вынуждены формулировать более или менее обоснованные гипотезы о начальном этапе корейской историографии.

Так, в „Самгук саги", в разделе, относящемся к Когурё, имеется запись, датируемая 600 г. Она гласит: «Ученый Ли Мунджин по повелению вана сократил древние записи и составил в пяти книгах летопись „Син джип"». Упоминается также, что «в первые годы существования государства, когда стали пользоваться письменностью, некто составил в ста книгах записи деяний и назвал их „Юги", ныне же [их] сократили и переделали» [96, с. 484]. Интерпретируя это известие, современные историографы строят предположения о содержании „Юги", о ее жанровой принадлежности и точной датировке. По мнению Ли Усона и Ко Бёнъика, „Юги" могла быть собранием мифов и преданий, переработанным затем в летопись [105, с. 14]. Исследователи обращают внимание на тот факт, что „Юги" ни названием, ни, вероятно, содержанием не соответствует классическому типу памятников китайской историографии и, следовательно, является самобытным произведением местного, когурёского историописания. Что же касается „первых лет существования государства", то Ли Усон датирует их рубежом новой эры [105, с. 14], а Ли Гибэк, предположительно, – второй половиной IV в., когда происходил характерный для эпохи Трех государств процесс становления государственности [105, с. 19].

О начале летописания в государствах Пэкче и Силла имеются более точные известия. К 375 г. относится сообщение „Самгук саги" о том, что, согласно анналам „Коги", «в Пэкче со времени основания

государства не вели записей событий, но теперь благодаря Кохыну обрели „Соги"» [96, с. 592]. В „Самгук саги" сообщается также, что в 545 г., докладывая вану, ичхан Исабу сказал: „История государства, описывая добродетели и пороки государей и их слуг, показывает их достоинства и недостатки десятку тысяч будущих поколений. Без составления летописей этого не достигнуть". Полностью согласившись с Исабу, ван повелел „Кочхильбу и другим собрать отовсюду ученых и приступить к составлению истории государства" [96, с. 87]. Комментируя эти сообщения „Самгук саги", Чхон Гванъу и некоторые другие южнокорейские историки выражают сомнение в их достоверности. Отмечается, в частности, неясность смысла термина „соги" — было ли это название конкретного произведения или наименование анналистического жанра. Южнокорейские историки ссылаются также на китайскую летопись „Лян шу", сообщающую об отсутствии письменности в Силла в VI в. Ли Гибэк, в свою очередь, не сомневается в реальном существовании труда „Соги", появление которого в Пэкче (как и составление летописей в Когурё и Силла) знаменовало определенный этап становления государственности на Корейском п-ове, когда наряду с политической организацией создавалась и соответствующая ей идеологическая система. О реальности „Соги", по мнению Ли Гибэка, свидетельствует и тот факт, что его название точно воспроизведено в наименовании японской хроники „Нихон сёки" [105, с. 19]. Именно в этом японском историческом сочинении неоднократно упоминаются или цитируются и другие памятники исторической мысли Пэкче — „Пэкче ги", „Пэкче синчхан", „Пэкче понги". Однако выдержки из этих трудов подверглись в японской хронике коренной переработке и, по мнению Чхон Гванъу, до восстановления их первоначального облика не могут служить надежным источником информации об истории Пэкче [105, с. 18].

После объединения Кореи под властью государства Силла (последняя четверть VII в.) корейская историография, несомненно, поднялась на более высокий уровень, возросло ее жанровое разнообразие. Однако, как и памятники историографии Трех государств, сочинения Объединенной Силла не дошли до наших дней. Все же о появлении новых жанров исторических сочинений неопровержимо свидетельствуют упоминаемые или цитируемые позднейшими авторами произведения Ким Дэмуна, выходца из аристократической семьи, правителя области Хансан. К ним относятся сочинения преимущественно биографического характера: „Косын джон", „Хваран сеги", „Керим чапчон", „Хансан ги". Нет сведений о том, создавались ли эти произведения по повелению вана или по личной инициативе автора. Историографы, в частности Ко Бёнъик, обращают внимание на плодовитость автора, высказывают мнение, что его сочинения предназначались для распространения среди достаточно широкого круга читателей из числа образованных людей, представителей правящего класса [105, с. 24]. В связи с этим Ли Гибэк высказывает предположение, что творчество Ким Дэмуна отражало оппозиционные настроения местной аристократии, недовольной усилением центральной власти в годы правления вана Сонгдока (702 — 737). Соответственно исторические сочинения биографического жанра преследовали цель возвеличения представителей аристократии, а не особы монарха. Ким Дэмуну исследователь противопоставляет конфуцианского ученого Объединенной Силла Чхве Чхивона, который развивал идеи укрепления монархической власти

в ситуации распада централизованного государства. В соответствии с этими убеждениями Чхве Чхивон (в книге „Чеван ёндзрёк") изменял на китайский лад, в духе конфуцианских традиций, корейские титулы, чины и ранги. Так, упомянутый у Ким Дэмуна титул „марипкан" (правитель) Чхве Чхивон заменил на титул „ван" [105, с. 27].

Значение „Самгук саги" и „Самгук юса" в историографии Кореи

Детальная характеристика корейской историографии, конкретный анализ сохранившихся источников становятся возможными лишь с периода государства Корё (918 – 1392), когда уже четко прослеживаются определенные устойчивые традиции исторической мысли, развивавшейся под несомненным идейным влиянием феодального Китая. Влияние это сказалось прежде всего во внедрении в историографию конфуцианских принципов. В соответствии с ними составление исторических трудов являлось делом особой государственной важности. За государством поэтому закреплялось монопольное право на трактовку исторических событий, когда бы они ни происходили. Исторические сочинения строго разделялись на официальные и „частные", написанные без правительственного распоряжения. Специальные государственные органы (Сагван, Чхунчхугван) призваны были не только систематизировать материалы по истории царствующей династии в целях ее прославления, но и толковать историю предшествующих столетий таким образом, чтобы доказать неизбежность прихода к власти правящего дома. В обязанность им вменялся и надзор над всеми „частными" историческими сочинениями, с тем чтобы предотвратить распространение крамольных идей.

Среди произведений, освещающих историю Кореи до нового ее объединения в 918 г., важнейшее место занимает „Самгук саги", составленная под руководством придворного историографа и государственного деятеля Ким Бусика и изданная в 1145 г. В этом полностью сохранившемся труде не только систематически изложена история Кореи почти за тысячелетие (с I в. до н. э. до IX в. н. з.), но и суммированы достижения древнейшего летописания, заложен фундамент дальнейшего развития официальной феодальной историографии в Корее. Правда, наряду с „Самгук саги" нам известен ряд других исторических сочинений XI – XII вв. – „Когым нок" Пак Инняна, „Хэдон самгук тхоннёк" Ко Дыксана, „Хэдон самгукса" неизвестного автора, а также „Ку самгукса", непосредственно предшествующая „Самгук саги" и положенная в ее основу. Все же ни одно из этих произведений не имело официального статуса, сравнимого со статусом „Самгук саги", и не преследовало столь явных и далеко идущих политических целей.

Составитель „Самгук саги" Ким Бусик принадлежал к высшей служилой знати государства Корё, переживавшего в начале XII в. период политических потрясений, мятежей феодальной знати. Возглавляя конфуцианскую группировку в правящих верхах, Ким Бусик руководил подавлением мятежей Ли Джагёма (1126 – 1127) и Мёчхона (1135 г.), твердо проводил курс на упрочение центральной власти. Идею укрепления централизованного государства Ким Бусик стремился обосновать конфуцианскими догмами, ссылками на „мудрых правителей" древнего Китая. Он коренным образом переосмыслил также содержавшуюся в „Ку самгукса" концепцию преемственности, „легитимности" Корё. Возглавляя чиновную знать силлаского про-

исхождения, Ким Бусик вел линию преемственности Корё от государства Силла, хотя само наименование державы династии Ван свидетельствует о его происхождении от Когурё, что, собственно, и желал подчеркнуть ван-основатель Ван Гон и, вероятно, составитель „Ку самгукса". Знаменательно, что большая часть знати Когурё, по свидетельству сунского посла Сюй Цзина (XII в.), возводила свое генеалогическое древо к сановникам Когурё [105, с. 31].

Откровенная тенденциозность „Самгук саги" в изложении и истолковании истории Трех государств, особенно проповедь „преклонения перед старшим государством [Китаем]" (садэджуый), подвергалась критике со стороны многих корейских историков – начиная с буддийского монаха Ирёна и кончая Син Чхэхо и другими историками буржуазно-националистического направления XX в. Для патриотически настроенных корейских историков разных эпох оказалось неприемлемым стремление Ким Бусика втиснуть историю Кореи в узкие рамки канонов традиционной китайской историографии, принижение им древней и самобытной истории и культуры Кореи. Противовесом концепциям Ким Бусика в XIII в., в период борьбы корейского народа против монгольских захватчиков, стало сочинение Ли Гюбо „Тонмён-ван пхён", посвященное мифическому основателю Когурё и во многом воспроизводящее данные „Ку самгукса". Сопоставляя тексты трудов Ким Бусика и Ли Гюбо, можно судить, насколько и в каком направлении переработал содержание корейских мифов конфуцианский рационалист Ким Бусик.

Вероятно полемизируя с „Самгук саги", игнорировавшей роль буддизма и буддийской церкви в Корее, монах Какхун написал в 1215 г. книгу „Хэдон косын джон". Полемически заострено против „Самгук саги" было и сочинение другого буддийского монаха, Ирёна, „Самгук юса", созданное в конце XIII в. и представлявшее как бы „иррациональную" реакцию на сухой конфуцианский рационализм „Самгук саги", которая даже яркие предания и мифы излагает в виде перечня произвольно датированных „исторических фактов", как если бы речь шла о деяниях реальных людей, а не о фантастическом отражении этнических и социальных процессов в народной памяти. Автор „Самгук юса" вознамерился выделить из исторических источников (с точными ссылками на них) все сведения о необычайном или курьезном, все героические мифы. Собранные Ирёном данные касались в первую очередь деяний иерархов буддийской церкви, правителей государств, а также и простолюдинов. Он подробно излагает предания, поверья и обычаи корейского народа, которыми пренебрег Ким Бусик.

По мнению современных буржуазных историков, бережное отношение Ирёна к фиксации явлений доконфуцианской (в том числе и буддийской) культуры корейского народа являлось выражением „духа национальной самостоятельности". Вот почему, по их утверждениям, в отличие от Ким Бусика автор „Самгук юса" считал началом корейской государственности не период Трех государств, а эпоху Древнего Чосона, причем, излагая миф о его основателе – Тангуне, подчеркивал самобытность и самостоятельность исторического процесса в Корее с самых его истоков. Критика китаецентристских представлений Ким Бусика в „Самгук юса", продолжают южнокорейские ученые, перекликается с подобными мотивами националистической историографии нового времени [76, с. 125].

Не располагая возможностью осветить обширную историографию, касающуюся „Самгук саги", остановимся лишь на одном примере крайне отрицательной оценки деятельности Ким Бусика и соответственно восхваления Ирёна со стороны видного ученого Син Чхэхо (1880 – 1936). Один из первых представителей буржуазно-националистической историографии, участник национально-освободительной борьбы корейского народа против японского колониализма в первые десятилетия XX в., Син Чхэхо стремился разработать „национальное сознание, необходимое для борьбы за независимость Кореи". Ученый призывал корейский народ «сбросить путы рабской идеологии конфуцианства, избавиться от низкопоклонства перед внешними силами, прежде всего от „садзджуый"» [117, с. 124]. Острие его критики в первую очередь разило традиционную историографию, проникнутую конфуцианской идеологией. Он отмечал, что „по вине таких конфуцианских пропагандистов садзджуый, как Ким Бусик, исчезла независимая корейская история, проникнутая творческим духом, осталась лишь история рабов" [117, с. 125]. По словам Син Чхэхо, „Самгук саги" являлось серым и несамостоятельным сочинением. «Автор преподносит его нам как всего лишь комментарии к „Описаниям восточных варваров" китайских династийных историй... Географически Корея простиралась от моря до Восточной Монголии. В идейной сфере ее прославили хвараны с их рыцарской доблестью и честью, в области политики ее представителями были ваны Квангэтхо (392 – 413) и Чинхын (540 – 576), Ён Кэсомун (ум. в 666 г.) и другие герои, бесстрашно вступавшие в схватки с иноземцами. И такую-то славную историю Ким Бусик перелицевал на конфуцианский лад: территориально ограничил Корею Тэдонганом и Ханганом, ее богатую и самобытную цивилизацию втиснул в рамки конфуцианских „трех принципов и пяти отношений", а международную политику свел к поставкам дани и отбиванию поклонов ради того, чтобы заслужить у чужеземцев звание „государства совершенномудрых". В силу всего этого „Самгук саги" не представляет никакой ценности: ни как история культуры, ни как политическая история», – категорически заключает Син Чхэхо [84, с. 226].

Оставляя в стороне преувеличения, допущенные в полемическом пылу историком-патриотом, нельзя не отметить, что и сегодня остается весьма актуальной проблема правильной оценки не только идейного содержания труда Ким Бусика, но и значения его как источника исторической информации. В современной, пока еще немногочисленной историографической литературе Южной Кореи нет однозначного мнения о значении „Самгук саги", достаточно противоречивого памятника традиционной корейской историографии. В противовес многочисленным негативным оценкам этого труда со стороны историков самых различных направлений и разных эпох (буддистов и конфуцианцев в средние века, представителей японской и корейской националистической историографии в новое и новейшее время) Ко Бёнъик, например, стремился показать положительные стороны летописи Ким Бусика. „Самгук саги" для него прежде всего – основной источник сведений по истории Кореи за весьма длительный период. Исследователь утверждает, что бóльшая часть упреков, высказанных как средневековыми, так и современными авторами, являются несправедливыми. Те, кто их сформулировал, согласно Ко Бёнъику, не учитывал ни особенностей идеологической атмосферы, в которой создавалась „Самгук саги", ни объективных причин неизбежной ограниченности ее автора, связанной, например, с состоянием сохранившихся ко времени Ким

Бусика источников. «При сравнении с китайскими династийными историями, а также с произведениями последующей средневековой корейской историографии, – утверждает Ко Бёнъик, – достоинства „Самгук саги" несомненны» [69, с. 38].

Не отрицая конфуцианской, китаецентристской идейной ориентации комментариев Ким Бусика к летописям Трех государств, Ко Бёнъик, однако, подчеркивает, что по сравнению с историографами периода династии Ли автор „Самгук саги" гораздо менее привержен „садзджуый" и конфуцианским догматам. „Ким Бусик в значительной мере отличается объективностью и рациональностью, во имя догмы он не допускал, подобно, например, Чхве Чхивону, искажения фактов или изменения исторической терминологии. Ким Бусик считался с реальной исторической практикой и традициями Трех государств, даже если они противоречили конфуцианским установлениям" [69, с. 45 – 46]. Путем сличения текста „Самгук саги" с другими летописями Ко Бёнъик пришел к заключению, что Ким Бусик не допускал произвольного обращения с источниками и стремился достоверно передать их содержание. Поэтому он критикует известных японских кореееведов Цуда Сокити и Суэмацу Ясукадзу, утверждавших, что в первых частях „Самгук саги" Ким Бусик якобы „фабрикует" факты. Если и встречаются в „Самгук саги" мифологические детали, то их Ким Бусик, согласно Ко Бёнъику, заимствовал из „Коги". Состоянием источников, а не пристрастиями автора Ко Бёнъик объясняет и непропорциональность в объеме заимствований из летописей Трех государств: наибольшей полнотой и наилучшей сохранностью отличается история Силла. О беспристрастии и объективности Ким Бусика свидетельствует применение одинакового названия летописей Трех государств – „понги", – термина, применявшегося по отношению к законным династиям. Не случайно Ким Бусик использовал местоимения первого лица по отношению и к Силла, и к Пэкче, и к Когурё [69, с. 50 – 51].

Против тезиса Ко Бёнъика (конфуцианская идеология и принцип „садзджуый" не повлияли на „Самгук саги") выступил Ким Чхольджун, который считал „бессмысленным и вредным интерпретацию исторических сочинений без конкретного анализа мировоззрения их авторов в контексте идеологической ситуации прошедших эпох, в тесной связи с тем, какую социально-культурную функцию выполняли идеи этих историков" [65, с. 66].

Определяя VIII – X вв. (конец Силла – начало Корё) как „время перехода от древнего общества к средневековому" [65, с. 67], Ким Чхольджун полагал, что формирующемуся средневековому обществу нужна была новая, конфуцианская идеология. Соответствующие духу конфуцианства исторические воззрения впервые сформулировал Чхве Сынно, предлагавший заимствовать китайские идейные постулаты и государственные учреждения для строительства корейского централизованного государства. Вопреки мнению историков последующих поколений, такое заимствование объяснялось отнюдь не следованием принципу „садзджуый", а необходимостью „поставить конфуцианство на службу средневековому государству с целью разрешения внутренних противоречий древнего общества, обусловивших зарождение этого средневекового государства" [65, с. 70]. Правда, характер этих противоречий Ким Чхольджун не раскрыл, хотя и отметил, что провинциальные феодалы (*ходжок*), находившиеся в оппозиции к столичной аристократии, выступали за внешнюю экспансию под лозунгом

борьбы за „наследство" Когурё на Севере. Провинциальная аристократия требовала и провозглашения страны империей (в противовес чжурчжэньской империи Цзинь). В сфере идеологии провинциальная группировка знати в Корё придерживалась традиционного геомантического культа, содержавшего многие элементы даосизма. Столичная же аристократия выступала против борьбы с чжурчжэнями, представлявшейся ей самоубийственной, как ввиду военного превосходства Цзинь, так и из-за опасности резкого усиления провинциальной группировки в условиях конфликта. Идеологическим обоснованием мирной внешней политики столичной группировки служили конфуцианские идеи и принцип „садэджуый". Вне этого политического и идеологического контекста, по мнению Ким Чхольджуна, нельзя правильно оценить „Самгук саги" — труд возглавлявшего столичную группировку Ким Бусика [65, с. 9].

Именно в отмеченных политико-идеологических обстоятельствах Ким Чхольджун видит причину того, почему в „Самгук саги" столь однообразно и сухо (по сравнению с „Самгук юса") описана корейская культура периодов Трех государств и Объединенной Силла. Ким Бусик сознательно игнорировал при создании своего труда те исторические источники, в которых наиболее ярко запечатлены черты древнего общества, предпочтя им китайские источники, проникнутые конфуцианскими идеями. При сравнении с данными „Самгук саги" выясняется, что Ким Бусик затушевал добуддийские черты культуры Трех государств, преувеличивая в то же время роль заимствованных в ту эпоху некоторых элементов конфуцианства. В силу этого в „Самгук саги" не получило отражения такое явление традиционной культуры, как „местные песни" (*хянга*): упомянуто лишь заглавие поэтической антологии „Самдэмок", но ни единого произведения этого жанра не цитируется. Следуя своим китаецентристским представлениям, Ким Бусик широко освещал в соответствии с принципом „садэджуый" обмен посольствами с Китаем, игнорируя факты упорного сопротивления Когурё войскам Суйской империи, упомянутые даже в китайской хронике „Тан шу" [65, с. 105 — 106]. Автор „Самгук саги" почти не упоминал о Древнем Чосоне [1], чтобы не ставить под сомнение легитимность Силла, прямым преемником которой Ким Бусик объявлял Корё [65, с. 107 — 108]. Ким Чхольджун считает методологически несостоятельным стремление Ко Бёнъика продемонстрировать достоинства „Самгук саги", сравнивая ее с „Тонгук тхонгам", написанной в XV в. и относящейся к иной исторической эпохе [2].

Однако и рассуждения самого Ким Чхольджуна, на наш взгляд, отнюдь не бесспорны, прежде всего в вопросе периодизации истории Кореи (южнокорейский ученый, напомним, датирует рубеж древней и средневековой эпох X в.). Вызывает возражения и культурологический, а не социально-экономический подход к трактовке места и роли конфуцианской историографии в Корее.

Сущность и идейная направленность „Самгук саги" стали в 1976 г. предметом дискуссии ряда южнокорейских историков и историографов. Во время дискуссии Ко Бёнъик подчеркнул, что, хотя „Самгук саги" написана в соответствии с конфуцианскими образцами, это вовсе не равнозначно какому-либо „низкопоклонству", особенно если учесть тогдашнее тяжелое положение империи Сун. Истинная же ценность „Самгук саги", по его мнению, определяется тем, что это древнейшее из дошедших до наших дней произведений корейской историо-

графии. Ко Бёньик призвал отказаться от гиперкритического подхода к „Самгук саги", так как в этом случае вполне реальна опасность пренебрежения сообщаемыми летописью достоверными историческими фактами. Хотя Ким Бусик, подобно другим авторам, тенденциозно подбирал и редактировал материалы для „Самгук саги", однако „нельзя сказать, будто он фальсифицировал или искажал факты. Недооценивая, в угоду конфуцианским идеям, корейскую традиционную культуру, он тем не менее не пренебрегал ею" [105, с. 41 – 42].

Касаясь вопроса о достоверности летописной истории Трех государств, другой участник дискуссии, Чхон Гванъу, отметил, что, за исключением данных, содержащихся в первых частях „Самгук саги", остальные сведения летописи в целом заслуживают доверия. Осуждая нигилистическое отношение к „Самгук саги", он указал, что без этой летописи „невозможно было бы представить себе систематическую историю периода Трех государств" [105, с. 40]. Ученый отвергает утверждение о несамостоятельности „Самгук саги", ее зависимости от китайских источников. По его данным, в труде Ким Бусика есть, например, записи о солнечных затмениях, не зафиксированных в китайских анналах. Следовательно, заключает Чхон Гванъу, автор „Самгук саги" основывался на оригинальных источниках местного, корейского происхождения [105, с. 44]. <Хотя с точки зрения произвольно интерпретируемого „национального сознания" „Самгук саги" не очень последовательна, но ее значение как исторического источника этим не умаляется> [105, с. 44], – подчеркивает Чхон Гванъу.

Вопроса о достоверности данных „Самгук саги" касался также Ли Гибэк. Он отметил, что конфуцианская направленность труда Ким Бусика оказала не только отрицательное, но и положительное влияние на содержание „Самгук саги". Хотя в летопись не вошли более подробные сведения несохранившихся источников о традиционной культуре Кореи, все же <по сравнению с мифологизированной версией начала корейской истории и государственности, приведенной в „Ку самгукса", реалистическая трактовка этого сюжета в „Самгук саги", несмотря на конфуцианское морализаторство, представляет собой определенный шаг вперед> [105, с. 46].

Как видим, оценки южнокорейскими историками „Самгук саги", при всей их неоднозначности, весьма сдержанны. Такая позиция обусловлена китаецентристскими пристрастиями Ким Бусика, его приверженностью пресловутому принципу „садэджуый". В силу этого южнокорейские ученые буржуазно-националистического направления выдвигают на первый план другой памятник средневековой историографии – летопись „Самгук юса", созданную буддийским монахом Ирёном, в которой, по словам Ли Усона, „вопреки попыткам конфуцианских историков выводить корейскую историю и культуру из китайской убедительно демонстрируется их самобытность и независимость" [105, с. 49].

Так, Ким Тхэён, пытаясь определить историческое значение „Самгук юса", анализирует социально-политическую ситуацию, в которой создавалась эта летопись. По его мнению, падение власти столичной чиновной аристократии в 1170 г., как утверждает ученый, привело к определенной дискредитации конфуцианства, длительное господство которого в идеологической сфере „углубило пропасть между государством и обществом, между политической властью и народными массами, привело к утрате традиционного духа самостоятельности"

[61, с. 130]. Показателями глубокого идейного и политического кризиса государства Корё, продолжает Ким Тхэён, стали его подчинение чжурчжэням, считавшимся когда-то варварами, постоянные народные восстания.

Новая власть опиралась на все более многочисленный слой служащих людей (*саин*), которые, по мнению Ким Тхэёна, были близки к народным массам и выражали их чаяния. Отражением этих перемен в идейной сфере стало распространение и возвышение сон-буддизма, наносившее ущерб как конфуцианству, так и господствовавшей прежде буддийской секте Кёджон [105, с. 133]. Поскольку диктатура клана Чхве (1196 – 1268. – *М.П.*), продолжает Ким Тхэён, не устранила ни социального гнета, ни злоупотреблений чиновников, народные восстания в Корее XII – XIII вв. участились. Кризис углубился в результате разрушительных монгольских нашествий и подчинения правящей династии власти завоевателей. В этих условиях выразителями духа народного сопротивления внутренним и внешним угнетателям, согласно Ким Тхэёну, явились представители саин и сон-буддийского духовенства, в частности Ирён, автор „Самгук юса" [105, с. 135]. <В летописи „Самгук юса", – подчеркивает Ким Тхэён, – воплотились идея национальной самостоятельности Кореи и ее сопротивление монгольскому господству, новое понимание древней истории страны в связи с распространением в Корее буддизма> [105, с. 136]. Вся корейская история в изложении Ирёна свидетельствует о покровительстве Корее со стороны Будды. В буддийском духе истолкованы древние корейские мифы об основателе Древнего Чосона Тангуне, о небожителе Хванине и другие предания, относящиеся к государствам Силла и Когурё. Повествуя о судьбах государств и правителей, „Самгук юса" довольно много места вопреки конфуцианским догмам уделяет рассказам о добродетелях и благочестии простолюдинов и даже рабов [105, с. 139]. Ирён проповедует социальную гармонию, осуждает раздоры военной и гражданской знати, угнетение народных масс. Новые духовные ценности, утверждаемые „Самгук юса", по мнению Ким Тхэёна, стали для корейского народа источником сил в тяжелой борьбе с захватчиками [103, с. 145].

„Самгук юса", согласно Ким Тхэёну, „пронизывает идея самостоятельности национальной истории, самодовлеющей ценности корейской культуры" [105, с. 146]. Выражением этой идеи служит миф о Тангуне, мифическом основателе Древнего Чосона, связанном родственными узами с небожителями. Хотя этот миф, явно возвеличивающий корейскую государственность, был известен и до Ирёна, все же официальная историография Корё возводила правящую династию Древнего Чосона к выходцу из Китая Ки Джа (кит. Цзи Цзы), чья личность служила связующим звеном между корейской и китайской государственностью. „Самгук юса", кроме того, позволяет восстановить линию преемственности древних корейских государств: Древний Чосон – „Чосон Ви Мана" – Пуё – Махан – Три государства [105, с. 141].

Аналогичных исторических концепций придерживался и другой корейский историограф XIII в. – Ли Сынхю (1224 – 1300). В его сочинении „Чеван унги" основатель Древнего Чосона также называется Тангун, приравниваемый к мифическому правителю древнего Китая Яо. При этом Ли Сынхю возводил к Тангуну мифических основателей всех других древних государств Кореи и даже Маньчжурии (Силла, Когурё, Окчо, Пуё, Емэк, Пальхэ-Бохай). Подобная мифологическая генеа-

логия, согласно Ли Гибэку, обосновывала тезис о „длительности и самостоятельности корейской истории, ее принципиальном равенстве китайской истории, питала дух национального сопротивления в то время, когда еще невозможно было свергнуть силой монгольское иго" [105, с. 141]. Той же цели – внушить корейскому народу веру в свои силы – служили, согласно Ким Тхзёну, и содержащиеся в „Самгук юса" и „Чеван унги" описания многочисленных чудес. Так, души героев, павших в боях с танскими войсками, помогают воинам Силла одержать победу над захватчиками; дух полководца Ким Юсина добивается покровительства Неба государству Силла; волшебная свирель Ким Юсина помогает Силла отражать вражеские нашествия и бороться с болезнями. Патриотические чувства, продолжает Ким Тхэён, будило и подробное описание Ирёном таких сокровищ культуры и искусства Силла, как девятиярусная пагода Хванъёнса, разрушенная монгольскими завоевателями [105, с. 143]. Отмечая склонность Ирёна и Ли Гюбо к сверхъестественному, Ким Тхэён объясняет, что фантастический элемент никогда не был самодовлеющим в их произведениях. „Сверхъестественные деяния ванов-основателей государств в описании Ирёна и Ли Гюбо служили движущей силой исторического развития страны, поскольку все фантастическое и героическое противопоставлялось безобразной действительности периода правления аристократии, маскировавшейся конфуцианскими добродетелями" [105, с. 147].

Определяя роль „Самгук юса" в развитии традиционной корейской историографии, в формировании концепций истории Кореи, Ли Гибэк подчеркивает, что этот труд, во-первых, сохранил наиболее пространные выдержки из более ранних источников, притом передал их более точно, чем „Самгук саги". Во-вторых, в сочинении Ирёна, скептически относившегося к догмам предшествовавшей ему конфуцианской историографии, преодолен свойственный „Самгук саги" дидактизм. В-третьих, в „Самгук юса" сосредоточен богатый материал по социально-экономической истории, наиболее полно отражен яркий мир мифов, народных преданий, обычаев и верований, подробно прослежена история буддизма в Корее. Наконец, в-четвертых, в „Самгук юса" находит воплощение «принцип национальной самостоятельности, восстановлен самобытный характер корейской истории, истинная линия преемственности ранних корейских государств [3]. Тот факт, что использованные Ирёном источники не дошли до наших дней, придает „Самгук юса" еще и самостоятельное источниковедческое значение» [76, с. 123 – 125].

Сравнивая „Самгук саги" и „Самгук юса", Ли Гибэк отмечает, что они относятся к двум различным типам феодальной историографии. Если первая летопись представляет собой „официальную" историю, составлена государственными чиновниками, а ее структура отвечает сложившемуся в Китае канону конфуцианской историографии, то „Самгук юса" относилась к типу „частных" историй: она создана без правительственной санкции, имеет свободную структуру, не сковано каноном и ее содержание. Соответственно если Ким Бусик основное внимание уделял деятельности вана и жизни двора, то автор „Самгук юса" был свободен в выборе тем. Другой особенностью стиля „Самгук юса" являлись строгое обоснование приводимых сведений ссылками на использованные источники, четко выраженная точка зрения автора, отличающаяся от точки зрения использованных им летописей [76, с. 120].

Итак, при изучении двух основных памятников историографии периода Корё южнокорейские историки буржуазно-националистического направления озабочены прежде всего вопросом о формировании и проявлении „национального сознания", причем категории „нация", „национальное" толкуются ими чрезвычайно широко, зачастую внеисторически. Ставится, в частности, вопрос, когда именно у населения Корейского п-ова могло возникнуть сознание этнической и культурной общности. Ли Усон полагает, например, что такой общности соответствует термин „Самхан" (Три Хан), обозначавший как союзы корейских племен начала новой эры, так и сами эти племена. Этот термин, по наблюдениям Ли Усона, впервые применил в IX в. Чхве Чхивон, историк Объединенной Силла. Ввиду этого „нация, т. е. общая культурная и историческая сфера, возникла уже в Объединенной Силла, когда это государство вместе с населением рухнувших государств Когурё и Пэкче вело борьбу против танской экспансии" [105, с. 88]. Ко Бёнъик замечает, однако, что только в „Ку самгукса" Когурё, Пэкче и Силла впервые описаны как элементы «одной культурной сферы, отличной и от Китая, и от Японии. Даже в годы войн и вражды между Когурё, Силла и Пэкче „Ку самгукса" не отмечает никаких этнических различий между ними» [105, с. 92].

С другой стороны, Ли Гибэк, отмечая длительность процесса формирования этнической и культурно-исторической общности, прослеживает ее проявления, по археологическим данным, еще в бронзовом веке [105, с. 93].

Эпическая поэзия Корё и ее место в развитии корейской историографии

Оценке историографического значения произведений эпической поэзии — „Тонмён-ван пхён" Ли Гюбо и „Чеван унги" Ли Сынхю — посвящена специальная работа Ли Усона [85]. Сознавая нечеткость термина „нация" ввиду его явной модернизации и расширительного толкования (вызванных стремлением отыскать в далеком прошлом Кореи проявления пресловутого „национального субъективизма"), Ли Усон уточнял, что названный термин для него равнозначен понятию „собственно народ" [85, с. 148]. И тем не менее его анализу явлений исторического прошлого присущи явственные модернизаторские тенденции, и для Ли Усона концепция „национального субъективизма" есть исходный пункт „изучения литературных и исторических памятников с целью выявления, через их посредство, духовного облика нации, а также всех изменений ее самосознания" [85, с. 149].

По мнению Ли Усона, „Тонмён-ван пхён", строго говоря, не относится к произведениям героического эпоса, так как его герои (Тонмён, Онджо, Чинхын) лишены черт, характерных, например, для героев древнегреческой эпической поэзии. Персонажи „Тонмён-ван пхён" воплощают качества восточных монархов, их происхождение и власть получают санкцию сверхъестественных сил, что, по мнению Ли Усона, и воспрепятствовало зарождению в Корее истинно народного героического эпоса, место которого и в Корее, и в других странах Дальнего Востока занимают летописи, включающие также и нарочито историзированные мифы, и народные предания [85, с. 167]. Все же заслуга Ли Гюбо состоит в том, что он литературно обработал эти предания в соответствии с настроениями своей эпохи, времени героической борьбы народа против монгольских захватчиков, создал на их основе собст-

венно поэтическое, а не историческое произведение. Сам Ли Гюбо писал, что он воспринимал мифы и предания не как беспочвенные фантазии, а как выражение священного духа народа [85, с. 170]. Благодаря этому, по мнению Ли Усона, поэма „Тонмён-ван пхён", несмотря на недостатки исходного материала (собранные Ли Гюбо мифы отражали представления лишь некоторых древнекорейских племен), смогла стать истинно эпическим произведением.

Особенно же высоко Ли Усон оценивает историческую поэму Ли Сынхю „Чеван унги", которую он назвал „вершиной национального героического эпоса" [85, с. 171]. Хотя в поэме и излагается история Китая (от мифического Паньгу до династии Цзинь), все же основное внимание уделено в ней истории Кореи — от „основателя" Древнего Чосона Тангуна до царствования вана Чхуннёля (1275 — 1306). Ли Усон подчеркивает, что „Чеван унги", „воспевая Тангуна, поэтически обобщая всю мощь и ширь жизни нации, длительность и многогранность ее истории, ознаменовала целую эпоху в развитии национальной историографии" [85, с. 176]. По сравнению с „Самгук юса" вариант мифа о Тангуне, содержащийся в „Чеван унги", отличается, согласно Ли Усону, подробностью и полнотой изложения, дает много ценных сведений по исторической топонимике Кореи [85, с. 177]. Касаясь отрицательных сторон мировоззрения Ли Сынхю, ученый отмечает, что автор „Чеван унги" в отличие от Ли Гюбо не призывал к борьбе с монголами, а это, в известной степени, свидетельствует об „утрате Ли Сынхю духа самостоятельности" [85, с. 187].

При изучении историографии периода Корё южнокорейских буржуазных историков очень занимает проблема исторической преемственности корейских государств, проблема отношения правящих кругов и высших сословий Корё прежде всего к истории Когурё, Силла и Пэкче. Этот вопрос исследует, в частности, профессор сеульского университета Ихва Ха Хёнган. Исследователь подчеркивает, что в годы правления вана — основателя Корё Ван Гона (918 — 946) линия преемственности нового корейского государства возводилась к Когурё. После добровольного присоединения государства Силла к Корё в 935 г. правящие верхи Силла влились в состав аристократии Корё, и в придворных кругах стали склоняться к положительному решению вопроса о преемственности Корё от Силла [106, с. 193]. На какой-то период утвердилось представление о „двойной преемственности" Корё (в отношении и Когурё, и Силла). Об этом свидетельствует, например, позиция послов Корё во время переговоров с киданями, когда корейские сановники категорически отвергли притязания империи Ляо на бывшие когурёские земли, считая эту территорию законным владением Корё [106, с. 196 — 197]. Идея о происхождении Корё от Когурё отражена и в „Гаоли туцзин". Вместе с тем Ким Бусик, автор летописи „Самгук саги", недвусмысленно решал этот вопрос в пользу Силла [106, с. 198]. Поражение чиновной аристократии и приход к власти военного дворянства в 1170 г. отразились и на трактовке вопроса о преемственности Корё: с конца XII до середины XIII в. единое корейское государство считалось преемником и наследником Когурё. Эта концепция господствует, в частности, и в созданной в тот период поэме „Тонмён-ван пхён" [106, с. 203].

Проблема исторической преемственности Корё приобрела острую актуальность в период 30-летней борьбы корейского народа против монгольских захватчиков и особенно после установления в стране

монгольского ига. По мнению Ха Хёнгана, появление в этот период таких исторических сочинений, как „Чхончху кымгён нок" Чон Гасина и „Понджо пхеннён канмок" Мин Джи, свидетельствовало о стремлении идеологическими средствами „защитить Корё от сильнейшего давления извне, рассчитанного на уничтожение самостоятельности государства" [106, с. 207]. Острое чувство национального кризиса, переживаемого корёским обществом, согласно Ха Хёнгану, „заставило нацию осознать, что Корё – не просто наследник Силла, Когурё или других династий, что его население – потомство общего предка Тангуна. К XIII в. корейская нация окончательно сформировала свой особый мир, отличающийся от мира других наций" [106, с. 206]. Решающее значение Ха Хёнган придает тому, что „Чеван унги" недвусмысленно возводит истоки корейской истории к Тангуну, расширяя кругозор летописцев, „значительно усиливая историческое национальное сознание" [106, с. 208]. Историк напоминает, что в изложении „Самгук саги", например, связь Силла с Древним Чосоном затрагивается вскользь, мимоходом. Благодаря же „Чеван унги" история Кореи приобретает не только значительную древность, но и яркую самобытность, резко отличающую ее от истории Китая. В произведении Ли Сынхю развернута картина последовательной смены корейских государств, начиная от Древнего Чосона до Чосона Ки Джа и Махана, где правили его потомки [106, с. 210].

Как видим, изучение историографии периода Корё южнокорейскими учеными буржуазно-националистического направления сосредоточено вокруг поисков идей и концепций „исторического национального сознания" и национального государства (причем категории „нация" и „государство" толкуются крайне произвольно), объективные же закономерности исторического процесса в Корее остаются в тени. Вдумчивое изучение историографии памятников Корё под этим углом зрения еще впереди.

Историография раннего периода династии Ли

Политический кризис второй половины XIV в. привел к воцарению династии Ли (1392 – 1910), означавшему победу тех прослоек господствующего класса, которые были заинтересованы в сокрушении влияния крупных провинциальных феодалов и в укреплении центральной власти на основе неоконфуцианской, чжусианской идеологии.

Современные южнокорейские историки-националисты, трактуя проблемы историографии той эпохи, стремятся лишь выяснить, в какой степени правящие верхи в целом или отдельные его группировки обеспечивали самостоятельность внешней политики страны, в какой мере проявлялся принцип „национального субъективизма" в изыскании независимых истоков истории и культуры Кореи. Такой подход отличает, например, монографию Хан Ёнъу [108], посвященную историографии первых веков правления династии Ли (XV – XVI вв.). Автор считает, что влияние неоконфуцианской идеологии на корейскую историографию выразилось, во-первых, в том, что изложение исторических фактов было всецело подчинено дидактическим целям. Во-вторых, сами эти факты оценивались исключительно с точки зрения конфуцианских „трех принципов и пяти отношений", рассматривавшихся древнекитайскими мудрецами в качестве вечных и неизменных критериев социальных отношений. В-третьих, под воздействием неоконфуцианства в историографии начального периода правления династии

Ли окончательно утвердился рационалистический подход к истолкованию фактов, безжалостно изгонялись из исторических сочинений всякие элементы фантастики, перешедшие в них из народных преданий и мифов. В-четвертых, наконец, вошли в практику ссылки на письменные источники в обоснование приводимых исторических фактов [108, с. 9]. Любопытно также, что Хан Ёнъу пытается уяснить связь изменений в характере историографии не только с господствующей идеологией неоконфуцианства, но и с глубинными социально-политическими факторами. При этом он учитывает также, что наряду с неоконфуцианством известное влияние на корейскую средневековую историографию оказывали другие идейные течения – буддизм, даосизм и традиционный народный культ *сингё*, – которые, взаимодействуя с официальной идеологией, выражали, однако, устремления и чаяния не правящих верхов, а иных социальных сил.

Завоевание неоконфуцианством при династии Ли статуса официальной идеологии Хан Ёнъу связывает с процессом формирования класса мелких и средних феодальных землевладельцев (помещиков), из которых рекрутировались преимущественно гражданские чиновники. Вместе с тем утверждению на престоле новой династии способствовали и представители военного дворянства (из их среды вышел основатель династии – Ли Сонге), буддийского духовенства и „низших" сословий (изгои из числа незаконнорожденных детей янбанов). Соответственно приверженцы нового правящего дома, согласно Хан Ёнъу, придерживались различных идейных убеждений. Если неоконфуцианство было политической философией мелких и средних феодалов, заинтересованных в укреплении централизованного государства, то даосизм, часто сливавшийся (как и буддизм) с народными верованиями и прославлявший воинскую доблесть, носил, по мнению Хан Ёнъу, „определенную националистическую окраску" и мог импонировать военному дворянству. Культ сингё, третировавшийся социальными верхами как „туманные суеверия", глубоко укоренился, однако, в народных массах. По мнению Хан Ёнъу, он отнюдь не сводился к колдовству и магическим заклинаниям, „в его недрах таилось сознание национальной самостоятельности, общинное сознание и эгалитаристские устремления народных низов" [108, с. 276]. По мере расширения связей корейского неоконфуцианства с другими распространенными в Корее идеологиями элементы последних вторгались в конфуцианскую историографию, о чем свидетельствует, например, канонизация Тангуна (первоначально персонажа мифологии сингё) в качестве основателя древнейшего корейского государства [108, с. 10]. Правящий дом Ли, подчеркивает Хан Ёнъу, мог заимствовать аргументы в пользу собственной легитимности из всех этих идейных источников, а также и из дочжусианского, ханьско-танского конфуцианства. Эти заимствования с самого начала правления династии Ли оказывали неоднозначное воздействие на характер официальной историографии. Процесс изменения характера конфуцианской историографии под воздействием разнообразных и противоречивых идейных течений продолжался вплоть до начала XX в.

Феодальная историография XV в. характеризовалась полным преобладанием сочинений официальных историков из числа высших государственных чиновников. Основная идея официальной историографии раннего периода династии Ли сводилась к оправданию и увековечению сложившейся сословной организации общества, возвеличению

централизованного государства, основанного на неоконфуцианских принципах. Одной из основополагающих внешнеполитических концепций официальной историографии оставался принцип „садэджуый", освящавший приниженное, вассальное положение Кореи по отношению к Минской и Цинской империям. Но и в рамках господствующей неоконфуцианской идеологии при оценке конкретных исторических событий между историографами нередко возникали острые разногласия, обусловленные складывавшейся в каждый данный момент политической ситуацией [4]. Естественно, эти разногласия сказывались на содержании официальных исторических хроник.

Вскоре после 1392 г. началась работа по составлению „правильной" истории государства Корё, призванной доказать неизбежность и благотворность прихода к власти новой династии, спасшей якобы страну от беспорядков и смут. Подбор и обработка материалов оказались делом чрезвычайно сложным и длительным (продолжались они 60 лет), что свидетельствует об острой борьбе различных фракций в правящих кругах по проблемам истолкования событий предшествующего периода, особенно последних лет существования государства Корё, когда на внутриполитической арене активно действовали силы, подготовившие и осуществившие свержение старой династии.

Процесс составления и издания различных вариантов истории Корё вплоть до выхода в свет „Корё са" (1451 – 1454) проследил Ли Гибэк, который также дал характеристику этого важнейшего памятника официальной историографии династии Ли [74]. Упомянутый процесс прошел пять стадий. Первый вариант, работа над которым велась в 1392 – 1395 гг., назывался „Корё кукса". Его создали Чон Доджон и Чон Чхон, принадлежавшие к группировке *хунгу* (заслуженные и старые) и занимавшие ведущее положение при дворе вана-основателя Тхэджо (1392 – 1398). Отмечая, что работа над этим сочинением началась сразу после воцарения Тхэджо, южнокорейский историк Чон Губок причину этого усматривает в намерении организаторов переворота „историографическими методами оправдать падение Корё и установление династии Ли и заставить всех недовольных примириться со свершившимся фактом" [122, с. 217]. Однако содержание и направленность „Корё кукса" не устраивало наследников Тхэджо – ванов Тхэджона (1401 – 1418) и Седжона (1419 – 1450).

Ван Тхэджон занял престол после устранения придворной группировки Чон Доджона, поддерживавшей сына Тхэджо от второй жены, соперника нового вана. Тхэджон, разумеется, не мог одобрить „Корё кукса", составитель которой во враждебном ему духе интерпретировал события недавнего прошлого. В указе 1414 г. об исправлении „Корё кукса", адресованном Ха Рюну, Тхэджон утверждал, будто данные этой хроники „не соответствуют действительности, особенно при описании деяний Тхэджо". По мнению Ли Гибэка, особое недовольство Тхэджона вызвало стремление Чон Доджона возвеличивать не столько основателя династии Ли, сколько самого себя и лиц его окружения – представителей служилого сословия [122, с. 252].

Работе над новым вариантом истории Корё предшествовало составление краткой хроники Трех государств и более ранних государственных образований корейских племен. Эту летопись – „Тонгук саряк" – составили в 1402 – 1403 гг. Квон Гын, Ха Рюн и другие сановники. Значительно сократив фактический материал, авторы стремились прежде всего сформулировать определенную сумму идей, соот-

ветствовавших задачам правительства Тхэджона. Среди них – конфуцианская концепция иерархического соподчинения как основы человеческого общества; неизменное соблюдение принципа „садэджуый" в сфере внешней политики; приоритет Силла перед Когурё и Пэкче в эпоху Трех государств. Квон Гын более последовательно, чем Ким Бусик, внедрял в корейскую историографию терминологию (особенно титулатуру), утверждающую вассалитет Кореи по отношению к Минской империи [122, с. 225]. Если Ким Бусик сравнительно объективно излагал исторические факты, то Квон Гын упорно стремился исказить данные источников в соответствии с представлениями конфуцианской морали и политической философии. В отличие от Ким Бусика Квон Гын не столько излагал факты, сколько морализировал по их поводу. Как пишет Чон Губок, «в труде Квон Гына принцип „садэджуый" проводится наиболее последовательно, в „Тонгук саряк" совершенно не выявляется историческое национальное сознание нации, все усилия автора направлены на возвеличение конфуцианства как основы морали и политической философии» [122, с. 230] в соответствии с целями новой династии и лично вана Тхэджона.

Период правления Седжона, когда внутри- и внешнеполитическое положение феодальной Кореи было наиболее устойчивым, южнокорейские буржуазные историки склонны рассматривать как эпоху всеобщего благоденствия. Идеализируя личность Седжона, совершенно искажая социально-классовое содержание его политики, Хан Ёнъу, например, акцентирует различия между Седжоном и Тхэджоном в подходе к историографии. Если Тхэджон, узурпировавший верховную власть, шел на любые унижения ради признания со стороны Минской империи, Седжон, допустив минимальные уступки в вопросах титулатуры, сумел урегулировать отношения с минским Китаем на началах формального подтверждения вассалитета Кореи. Внутри страны Седжон высоко поднял авторитет государственной власти „благодаря установлению тесных связей (!) с общественными низами" [122, с. 79]. В обстановке внутри- и внешнеполитической стабилизации, по мнению Хан Ёнъу, стало возможным более объективное освещение фактов официальными историографами. Центром официального летописания, составлявшим многочисленные редакции истории Корё, стала придворная академия Чипхёнджон.

Запретив хранение и распространение труда Чон Доджона „Корё кукса", Седжон уже в 1420 г. распорядился возобновить работу над летописью государства Корё. Составление ее было поручено видным сановникам Юн Гвану и Пён Геряну. Переработка „Корё кукса" была завершена к 1422 г., однако новый вариант хроники вызвал возражение влиятельных царедворцев, нашедших поддержку у Седжона. Летопись вновь подверглась переработке и в 1425 г. была издана под названием „Сугё Корёса". Однако впоследствии Седжон отверг и это сочинение и повелел создать историю Корё на основе завершенных в 1432 г. анналов предшествовавшего царствования „Тхэджон силлок". Однако новая попытка чиновников Квон Дже и Ан Джи оказалась неудачной: их труд „Корёса чонмун", составленный в 1438 – 1442 гг., также был признан неудовлетворительным. Распространение книги было прекращено, а ее авторы наказаны. Наконец, в 1449 г. Седжон поручил написать историю Корё ученым Чипхёнджона Ким Чонсо, Чон Инджи, Ли Сондже и Чон Чхансону. Их труд был завершен в 1451 г., уже после смерти Седжона, а напечатан в 1454 г. под наименованием „Корё

са" [5]. Одновременно с завершением „Корё са" был составлен и сокращенный вариант истории Корё – „Корёса чольё". Если „Корё са" имеет традиционную для династийных историй структуру, в рамках которой описания царствований ванов отделены от биографий сановников (*киджон чхе*), то последняя летопись составлена в форме анналов.

Характеризуя сущность исторической концепции „Корё са", один из современных южнокорейских исследователей этого памятника, Ли Гибэк, применяет термин „этический рационализм" [74, с. 256]. Следуя этому принципу, составители летописи придают фактам исторического прошлого нравоучительный смысл: „Исторические прецеденты в их интерпретации позволяют отличать добро от зла, помогают в делах правления, а процветание или гибель государства являются примером или предостережением на будущее" [117, с. 255]. Свое отношение к излагаемым фактам составители „Корё са" выражают, соответствующим образом группируя собранный материал. Авторское кредо высказывается также в кратких вводных комментариях к отдельным частям летописи. Так, раздел „Коварные слуги" открывается следующим предисловием: „Хотя и прежде не было недостатка в коварных слугах, но, если только государь ясно различал их зловредные свойства и твердо противостоял им, [коварные царедворцы] не могли строить козни. Но если государь хоть раз попадал в их западню, то редко случалось, чтобы он не подвергался смертельной опасности. А в Корё со времен [вана] Инджона (1123 – 1146. – *М.П.*) непрерывно появлялись коварные слуги, которые, орудуя похищенным скипетром, терзали народ и толкали страну к гибели. [Их пагубные] дела могут служить предостережением для последующих поколений, поэтому мы и составили биографии коварных сановников" [71, с. 557]. Иллюстрируя историческими примерами догмы конфуцианства, всемерно утверждая его определяющее значение, авторы „Корё са", по мнению Ли Гибэка, полностью пренебрегли буддизмом, его ролью в истории государства Корё, не сочтя нужным посвятить этому вероучению специальный раздел. Исходя из заданной установки – обосновать неизбежность падения правящего дома Корё и воцарения новой династии Ли, авторы „Корё са" подвергали критике политические, экономические и идеологические устои государства Корё, особенно в последние десятилетия его существования. Хотя объединение страны Ван Гоном, политика централизации государственной власти, которой следовали его ближайшие преемники, безоговорочно одобряются, столь же безоговорочно осуждаются все тенденции последующего развития Корё. Так, составители „Корё са" живописуют постепенное возрастание бремени повинностей и налогов, повальное бегство государственных крестьян, бросавших наделы ради „покровительства" земельных магнатов. „Законы предков пришли в упадок, государство слабело и [в конце концов] пришло к гибели", – заключают авторы „Корё са" [71, с. 583]. Осуждение земельных магнатов в „Корё са", по мнению Ли Гибэка, отражает позицию мелких и средних землевладельцев, из которых рекрутировалось служилое сословие, кровно заинтересованное в укреплении централизованного государства. Отрицая легитимность двух последних ванов Корё [6], помещая рассказ об их правлении в раздел „Биографии мятежников", авторы „Корё са" подводят читателя к выводу о том, что свержение узурпаторов и приход к власти Ли Сонге, основателя новой династии, были закономерными и справедливыми деяниями. Нормами конфуцианской морали оправдывается в летопи-

си и концепция „садэджуый". В этом вопросе составители окончательного варианта „Корё са" отступили от руководящих принципов политики Седжона, применяя в отношении Кореи термины и титулы, подчеркивающие ее неравноправие с Минской империей. Так, в отличие от „Самгук саги", именующей раздел анналов правления корейских ванов „Понги" (подобно анналам китайских императоров), в „Корё са" соответствующий раздел назван „Сега", в то время как в китайских летописях этот термин относится лишь к удельным князьям. Отмечая эти прискорбные для принципа „национальной самостоятельности" аспекты „Корё са", современные южнокорейские историки-националисты склонны замалчивать идейное содержание летописи, выделяя лишь ее источниковедческое значение. Действительно, „Корёса чольё", а также данные сохранившихся сочинений ученых периода Корё не могут существенно дополнить обширные сведения, содержащиеся в „Корё са". В передаче „Корё са" до нас дошли корёские „Силлок", имеющие, по существу, значение первоисточника, а также выдержки из таких утраченных памятников историографии Корё, как „Когым санджон рёый", сочинения Ли Сэка, Ли Иннока и других средневековых историков. Отмечается, впрочем, что китаецентристская, неоконфуцианская тенденциозность составителей „Корё са" побуждала их не включать в летопись конкретные сведения о жизни народных масс, игнорировать буддизм и другие противостоящие конфуцианству идеологические течения [74, с. 262]. Эта тенденциозность, конечно, снижает ценность „Корё са" как источника.

Несоответствие содержания „Корё са" и особенно „Корёса чольё" первоначальным замыслам Седжона, некоторые другие недостатки этих летописей отдельные южнокорейские историки объясняют тем, что названные произведения составлялись в период ослабления центральной власти, когда все рычаги управления находились в руках чиновной знати. Действительно, в некоторых разделах „Корёса чольё", зачастую в ущерб авторитету ванов, недвусмысленно возвеличиваются деятели группировки хунгу — первые министры и другие влиятельные царедворцы [108, с. 81].

Однако с воцарением вана Седжо (1456 — 1468), свергшего с престола своего племянника, Танджона, сторонники концепций, отраженных в „Корёса чольё", потерпели поражение. В то же время восторжествовал принцип укрепления самодержавной власти вана и укрепления военного могущества страны ради экспансии на северо-восточных рубежах Кореи. Хан Ёнъу считает это изменение политической ситуации проявлением „монархических и националистических тенденций, имманентно присущих государственному строю средневековой Кореи" [108, с. 82]. Ван-узурпатор Седжо не мог, подобно Седжону, ратовать за идеалы „добродетельного правления" или проповедовать, подобно Тхэджону, конфуцианские догмы „трех принципов и пяти отношений", не мог претендовать на традиционную роль „священного и добродетельного государя". В силу этого, по мнению Хан Ёнъу, Седжо ставил под сомнение конфуцианскую систему социальной иерархии и принцип „садэджуый". „Седжо был близок укоренившийся в народных преданиях образ героя, пользовавшегося покровительством небожителей и творившего чудеса" [108, с. 83]. Политической ситуацией времени правления Седжо Хан Ёнъу объясняет и покровительство, оказывавшееся им буддизму. Седжо стремился изменить и направленность официального историописания. Задуманный его приближенными летописный свод „Тонгук

тхонгам", по мнению Хан Ёнъу, должен был противостоять и хронике „Тонгук саряк" Квон Гына, и труду Ким Бусика „Самгук саги" с их „ослабленным национальным колоритом". В изложении же „Тонгук тхонгам" „центром тяжести древней истории предстала как раз история Древнего Чосона, проникнутая духом национальной самобытности" [108, с. 80]. Явно модернизируя средневековую историю Кореи в соответствии с современными националистическими концепциями, Хан Ёнъу все же доказывает, что Седжо действительно стремился существенно реформировать корейскую официальную историографию, чтобы заставить ее служить укреплению власти монарха, прославлению самобытных истоков корейской государственности. Однако эти планы не могли быть осуществлены в полной мере из-за сопротивления сановных конфуцианцев. Несмотря на личное участие Седжо в редактировании новой летописи, ее так и не завершили при его жизни. Под наименованием „Самгукса чольё" названная работа была издана лишь в 1476 г., при ване Сонджоне (1470 – 1494). Ее окончательным редактированием и подготовкой к изданию занимались Син Сукчу, Но Сасин, Со Годжон и другие сановники. Хотя они и заявляли, будто „Самгукса чольё" соответствует замыслам Седжо, на деле этот труд, по мнению Хан Ёнъу, в корне им противоречил. Хотя в „Самгукса чольё" вопреки неоконфуцианским догмам и были включены мифы и легенды, главный из них – об основателе Древнего Чосона Тангуне – обошли вниманием [108, с. 82]. Более того, сам Древний Чосон был изъят из линии преемственности корейской государственности, а летописный рассказ о нем был включен в раздел „Записки о внешних [государствах]" (*Вэги*). Согласно Чои Губоку, с точки зрения принципа „национального субъективизма" „Самгукса чольё" все же обладала несомненными достоинствами по сравнению, например, с „Тонгук саряк". Так, авторы „Самгукса чольё", излагая события периода Трех государств, не выделяют Силла в ущерб Когурё и Пэкче. В отличие от авторов „Тонгук саряк" составители „Самгукса чольё" наряду с летоисчислением по девизам лет правления китайских императоров применяют и календарь корейских государств. Более того, последние написаны крупными иероглифами, даты же по китайскому календарю – мелкими. Все искаженные „Тонгук саряк" корейские термины и титулатуру периода Трех государств „Самгукса чольё" восстанавливает в первозданной форме. В последнем труде даже по сравнению с „Самгук саги" содержатся более подробные сведения по некоторым вопросам, шире излагаются мифы. Все это придает „Самгукса чольё" характер первоисточника, так как некоторые из произведений, использованных при его написании, например „Суи джон", до нас не дошли. К достоинствам „Самгукса чольё" Чон Губок относит и использование материалов „Самгук юса" и других сочинений буддийского направления корейской традиционной историографии [122, с. 242 – 244].

В 1483 г. по предложению историографа Со Годжона, знавшего о планах вана Седжо, работа по составлению „Тонгук тхонгам" возобновилась. Любопытно, что Со Годжон аргументировал необходимость новой обобщающей летописи тем, что придворные конфуцианские ученые, хорошо знакомые с историей Китая, зачастую не имеют никакого представления о прошлом своей страны. На основе материалов „Самгукса чольё" и „Корёса чольё" удалось всего за один год завершить составление „Тонгук тхонгам" [ ]. Ее идейная направленность отличается определенной двойственностью, что, видимо, отражало новую

расстановку политических сил к концу XV в. – постепенное ослабление централизованного государства и усиление крупных провинциальных землевладельцев, питавших зачастую партикуляристские настроения. Если основная часть „Тонгук тхонгам" составлена деятелями группировки хунгу, способствовавшей укреплению династии Ли, то комментарии к летописи принадлежат историографу Чхве Бо (1454 – 1504), представителю молодых конфуцианцев-саримов. Саримы вели борьбу против „старой и заслуженной" знати под лозунгами ортодоксального неоконфуцианства, отвергали тиранническое правление ванов, не считавшихся с конфуцианской моралью. Если деятели хунгу ратовали за создание сильного и воинственного государства (по образцу империй Хань и Тан), то саримы отстаивали идеал „добродетельного правления", унаследованный якобы от эпохи трех древнекитайских династий – Ся, Инь и Чжоу (*саньдай*). Ценой закрепления принципа „садэджуый" во внешней политике Кореи (и соответственно ее приниженного положения по отношению к Минской империи) саримы стремились обеспечить мир, а также преобладание гражданского чиновничества, в среде которого авторитет саримов был относительно высок. В соответствии с этим идеалом ученые-саримы отрицательно оценивали те периоды истории Кореи (X – начало XI в.; конец XIV – середина XV в.), когда, по словам Хан Ёнъу, „усиливалось историческое национальное сознание, стремление к укреплению мощи государства" [108, с. 82]. Однако в „Тонгук тхонгам" вопреки стараниям Чхве Бо все же проявились историографические концепции (объективная трактовка фактов), характерные для времен правления ванов Седжона и Седжо. Например, в отличие от „Тонгук саряк" составители „Тонгук тхонгам" ни одного из раннесредневековых корейских государств не выделяют в качестве „легитимного", ими применяется прежде всего корейский календарь, датировка же по девизам лет правления китайских императоров имеет сугубо вспомогательный характер. Примечательно отсутствие всякой дискриминации произведений буддийской историографии. К достоинствам „Тонгук тхонгам" южнокорейские историки буржуазно-националистического направления причисляют и то, что в линию исторической преемственности корейских государств включен Пальхэ [122, с. 248].

Вместе с тем, однако, в „Тонгук тхонгам" включены материалы и комментарии, отразившие растущее влияние неоконфуцианцев-ортодоксов, саримов из числа учеников Ким Джонджика, – проповедь конфуцианской морали, нападки на буддизм, даосизм и другие „ереси" (*идан*), попытки увековечить принцип „садэджуый", насадить идею о превосходстве гражданских чиновников над военными [122, с. 249]. Именно эти тенденции „Тонгук тхонгам", внедрявшей концепции несамостоятельности Кореи и ее зависимого положения в имперской системе мира во главе с Минской державой, были использованы впоследствии японскими колонизаторами для фальсификации исторического прошлого Кореи. Недаром это сочинение получило крайне отрицательную оценку тех представителей корейской буржуазно-националистической историографии, которые активно участвовали в национально-освободительной борьбе корейского народа (Син Чхэхо и другие) [122, с. 250].

Историописание конфуцианцев-саримов

Формирование группировки саримов – ревностных конфуцианцев – Хан Ёнъу связывает с развивавшимся в XV – XVI вв. крупным частным землевладением, представители которого добивались не укрепления централизованного государства, а расширения своего политического влияния на местах. Центрами борьбы со столичной чиновной знатью стали „храмы славы" (*совон*) и местные корпорации (*хянъяк*). Непримиримая ко всем „ересям" пропаганда чжусианской ортодоксии служила саримам средством достижения политической гегемонии – путем подчинения власти вана принципам конфуцианской морали и политической философии „вандо". Эти политические принципы определили и характер историографических идей саримов. Подчиняя изучение истории пропаганде конфуцианской морали, анализу конкретных фактов они предпочитали комментирование конфуцианских классиков [108, с. 220], причем китайскую историю саримы недвусмысленно ставили выше корейской, последнюю же некоторые историографы данного направления даже объявляли частью истории Китая (Корея, по утверждениям самих саримов, это „маленькой Китай" [122, с. 280]. Существенным аргументом в пользу этого китаецентризма была легенда о Ки Джа, „выходце из Китая и основателе Древнего Чосона". Это предание подробно изложено, например, в „Ки Джа джи" Юн Дусу (1533 – 1601) и в „Ки Джа сильги" Ли И (1536 – 1584). Только те корейские государства (Древний Чосон Ки Джа, Махан, Силла), которые испытали сильное влияние Китая, конфуцианской культуры, следовали принципу „садэджуый", вносятся саримами в легитимную линию исторической преемственности корейской государственности. Те же государства (например, Когурё), которые не испытали влияния Китая или находились с ним в затяжном военно-политическом конфликте, всячески третировались представителями данного направления традиционной корейской историографии. Самобытную культуру древнекорейских племен, восходившие к ней мифы и традиции саримы объявляли чуждыми, варварскими, их особенности и истоки не исследовались [108, с. 279 – 280].

На освещение корейской истории саримами сильно влияли перипетии острой политической борьбы, которую они вели против группировки хунгу. Исторические сочинения саримов в XVI в. являлись произведениями не „официальной", а „частной" историографии. Многие из них предназначались для педагогических целей, благодаря чему саримы пользовались влиянием в сфере просвещения, могли навязывать свои трактовки корейской истории. Среди подобных учебных пособий можно назвать „Тонгук саряк" Ли У (1469 – 1517), „Тонгук саряк" Пак Сана (1474 – 1530), „Пхёдже ымджу Тонгук саряк" Ли Хирёна (1480 – 1552), „Тонгук саряк" Мин Джэина (1492 – 1549). До нас дошли только книги Пак Сана и Ли Хирёна.

Если официальная историография XV в., отражавшая воззрения группировки хунгу, при трактовке истории Кореи стремилась как-то примирить концепции вандо и *пхэдо* (конфуцианская концепция, оправдывающая узурпацию власти), принцип „истины и справедливости" (*ыри*) с утилитаристской концепцией *конни*, „садэджуый" с сохранением самостоятельности, то историки-саримы ожесточенно выступали против пхэдо, за идеалы „добродетельного правления", против

„конни", за „истину и справедливость", против любого нарушения конфуцианского этикета, за полное соблюдение всех вассальных обязанностей Кореи перед Минской империей. Руководствуясь этими принципами, саримы давали отрицательную оценку корейским ванам-основателям династий Кунъе, Кёнхвону, Ван Гону. Резкому осуждению с их стороны подвергался всякий правитель, стремившийся расширить свои владения, всякий, кто стремился к захвату власти. Вместе с тем героями историографии данного направления стали Маы, сын последнего вана Силла, отказавшийся покориться Корё, сановник Чон Монджу, который жизнью своей заплатил за верность династии Корё, а также другие „мученики чести" [108, с. 273].

Среди историков-саримов особое место занимал Ли Хирён. Наряду с проповедью чжусианской ортодоксии он считал важным изучение социально-политического строя Кореи, уровня развития техники и военного дела. Согласно Хан Ёнъу, Ли Хирён по-новому понял культуру и политику Древнего Чосона, основанного Тангуном, отрицал преемственность между Чосоном Ки Джа и Маханом. Он считал Когурё гегемоном эпохи Трех государств, причем основное внимание при освещении истории Когурё главенствующую роль отвел не апологетам конфуцианской морали, не приверженцам „садэджуый", а крупным государственным деятелям, самоотверженно боровшимся с захватчиками, способствовавшим укреплению могущества страны. Эту позицию Ли Хирёна в историографии Хан Ёнъу объясняет как его происхождением (предки его принадлежали к столичной сановной знати), так и его „личным стремлением противостоять консервативным тенденциям в исторических воззрениях саримов" [108, с. 273 – 274]. В этом отношении Ли Хирён был прямым предшественником тех ученых, которые начиная со второй половины XVI в. активно выступали против морализаторства и фальсификаций конфуцианских историографов.

Если положительная роль историографии саримов сводилась к критике злоупотреблений „заслуженных и старых", то их консерватизм и реакционность вполне выявились после прихода саримов к власти в Сеуле. Острые противоречия в рядах этой группировки привели к ее расколу на „восточников" (*тонъын*) и „западников" (*соин*), чьи междоусобицы впоследствии воспрепятствовали подготовке страны к отражению японского, а затем и маньчжурского вторжений. Критика лицемерного морализаторства историографов-саримов, отстаивавших „садэджуый" и лишавших корейскую историю ее самобытности, усилилась после победоносного завершения Имджинской войны против японских захватчиков (1592 – 1598). Критическое отношение к саримам разделяли как деятели оппозиционных придворных клик, так и люди, не примыкавшие к ним. Упомянем, например, историков Лим Дже (1549 – 1587), Чон Ёрипа (ум. в 1589), Хо Гюна (1569 – 1618), Хан Бэкккёма (1552 – 1615), Ли Джихама (1517 – 1578), разоблачавших несостоятельность „садэджуый" и догм чжусианства [108, с. 225, 274]. Критика отдельных аспектов неокоифуцианства не означала, правда, преодоления чжусианского идейного засилья в корейской феодальной историографии.

Проблемы корейской историографии нового и новейшего времени

Когда в мировой истории уже началась эпоха нового времени, эра капитализма, Корея оставалась феодальной страной, и именно ее фео-

дальная отсталость привела к тому, что во второй половине XIX в. в результате агрессии иностранных капиталистических держав она стала их полуколонией, а с 1910 г. – колонией японского империализма. В настоящем разделе мы рассмотрим буржуазно-националистические трактовки проблем корейской историографии позднего средневековья (XVII – XVIII вв.) корейскими историками буржуазно-националистического направления. Проанализированы будут также, в их интерпретации, вопросы зарождения буржуазного национализма, развертывания национально-освободительной борьбы корейского народа против японского колониализма.

Развитие феодальной историографии в XVII – XVIII вв.

Отвергая материалистический и классовый подход к пониманию истории, южнокорейские буржуазные ученые не в силах дать стадиально-формационную характеристику корейского феодализма в XVII – XVIII вв., не могут достоверно решить вопрос периодизации корейской историографии нового и новейшего времени. Заметим, однако, что в последние годы делаются определенные попытки разрешить последнюю проблему, связать периодизацию корейской историографии с фазами развития истории исторической науки во всем мире [82]. Ставится, в частности, вопрос о связи корейской историографии с идеологической ситуацией каждой данной эпохи, причем XVII – XVIII вв. выделяются как особый период (поздний период правления династии Ли). В феодальной историографии этого периода, по мнению южнокорейских исследователей, наметились важные новые тенденции, отразились идейные искания корейского общества, пережившего целую эпоху напряженной борьбы с японскими и маньчжурскими захватчиками. Сопротивление их нашествиям способствовало росту патриотического и социального сознания народных масс. Выражением происшедших перемен стало реформаторское движение, известное под названием „группировка [сторонников] реальных наук" (*сирхак пха*), зародившееся в передовой части привилегированного сословия янбанов. Сирхаки выступали за пересмотр многих догм конфуцианства, за изменения порядка государственного управления (в частности, за отмену конфуцианских государственных экзаменов, оторванных от требований жизни), за изменение правового положения представителей низших сословий и отдельных социальных прослоек, за оживление и развитие сельского хозяйства (посредством изменения поземельных отношений), промышленности и торговли. Сирхаки, как это следует из наименования данного течения, выступали за развитие практических наук, могущих содействовать укреплению страны и улучшению положения народа, страдавшего от засилья крупных землевладельцев, от поборов и злоупотреблений чиновников.

Для правильной характеристики этого течения общественной мысли важное значение имеет и изучение исторических взглядов ученых-сирхаков. Хотя они прежде всего были озабочены жгучими проблемами окружавшей их действительности, сирхаки закономерно обратились к истории, изыскивая аргументы в пользу реформ. Из среды сирхаков вышли крупные ученые – Ан Чонбок (1712 – 1791), Ли Гынъик (1736 – 1806), Хан Чхиюн (1765 – 1814), специально занимавшиеся историей и открывшие своими трудами новое направление в изучении прошлого Кореи.

Обращаясь к историографии XVII – XVIII вв., современные буржуазные историки отметили, что именно в этой области над мыслителями-сирхаками тяготел груз отживших чжусианских догм. Несмотря на это, современные исследователи пытаются обнаружить ростки новых представлений в трудах историков-сирхаков. Так, Ли Усон, например, отмечал, что «в столь раннюю эпоху трудно ожидать от Ли Ика и Ан Чонбока чего-либо похожего на „национальное пробуждение" в современном смысле. Все же в идейном отношении они сделали огромный шаг вперед. Их представления о легитимности государственной власти не ограничивались, как у китайских историков, концепцией преданности подданного правителю соответствующей династии. Они, на мой взгляд, преодолели традиционную догму о Сыне Неба, якобы обладающем правом на мировое господство. Кроме того, Ли Ик осуждал позицию правящих кругов Кореи в отношении христианских миссионеров» [86, с. 360]. Ли Усон подчеркивает, что философия истории Ли Ика оказала влияние на формирование взглядов его последователей, прежде всего Ан Чонбока и Чон Якъёна (1762 – 1836); в конечном счете благодаря ей в корейской традиционной историографии определилось новое направление, идущее вразрез с китаецентристскими конфуцианскими догмами. Как полагает Ли Усон, Ли Ик толковал концепцию легитимной преемственности в пользу не только цинского императора, но и правителя каждой данной страны. Линию исторической преемственности корейской государственности и корейских ванов он возводил к Древнему Чосону и его правителю Тангуну, а затем, через Чосон Ки Джа и Махан, к Объединенной Силла[8] и Корё. Трактовка Ли Иком концепции легитимности оказалась направленной против завоевавших Китай маньчжуров[9]. Если традиционно считались легитимными те династии, которые так или иначе добивались верховной власти (например, путем завоевания), то Ли Ик применительно к Китаю считал легитимными только те династии, которые устанавливались самими ханьцами. Так, по его мнению, династии Юань и Цин не могут быть признаны легитимными, подобно тому как „грабители, захватившие чужой дом, не могут считаться его хозяевами" [83, с. 320]. Анализируя книгу Ли Ика „Самхан чонтхоннон", в которой сопоставлены история Кореи и Китая, а также ее персонажи (Тангун и Яо, Ки Джа и чжоуский У-ван и т. д.), Ли Маннёль считает, что подобное параллельное, равноправное изложение фактов исторического прошлого обеих стран „свидетельствует о приверженности Ли Ика духу самостоятельности, принципу национального субъективизма" [83, с. 345]. Отказ от китаецентристских представлений Ли Маннёль связывает с новыми веяниями в корейской общественной мысли, возникшими под влиянием известий о европейских странах, а также в связи с падением авторитета Китая после завоевания страны маньчжурами.

Ли Маннёль рассмотрел, кроме того, ряд важнейших произведений ортодоксальной неоконфуцианской историографии XVII – XVIII вв. По его мнению, в сочинениях первой половины XVII в. – „Тонса чханьё" О Уна (1540 – 1617), „Тонса пою" Чо Джона (р. в 1551 г.) – нет пространных рассуждений о легитимности корейской государственности, не приведена в строгое соответствие с чжусианскими канонами и структура этих трудов. Однако с середины XVII в., т. е. после падения Минской династии и подчинения Китая Цинами, корейские историографы-чжусианцы стали усиленно подчеркивать приверженность идеалам „истины и справедливости", требовать строгого соблюдения конфуциан-

ских концепций иерархического соподчинения. Восстановлена была и каноническая чжусианская структура исторических трудов – „канмок". В этом Ли Маннёль видит „проявление антиманьчжурских настроений правящих кругов феодальной Кореи, долгое время низкопоклонствовавших перед Минами. Эти настроения, с одной стороны, находили выход в показном преклонении перед культурой Минской династии, но, с другой стороны, они выражались и в углублении осознания собственно корейской исторической традиции, а также самобытной современности, правда, тесно связанной с Минами" [85, с. 347]. Свидетельство первой тенденции историк усматривает в упорном применении минского календаря, в подчеркивании преемственности корейских ванов от Ки Джа, выходца из Китая.

Первым в ряду оппозиционных маньчжурам произведений неокоифуцианской историографии была книга „Ёса чеган", написанная Ю Ге (1607 – 1664) и изданная в 1667 г. Сетуя на недостаточность и беспорядочность сведений источников (включая и „Самгук саги") о древности, Ю Ге поставил перед собой задачу проследить изменения в государственном устройстве Корё и судьбы его деятелей, поскольку о Корё имеются достоверные данные. Стараниями главы влиятельной придворной клики Сон Сирёля (он написал предисловие к „Ёса чеган" и преподнес ее вану в 1681 г.) сочинение Ю Ге приобрело статус „официальной" истории и должно было служить вану своеобразным историко-политическим пособием.

Новый подход к историописанию в определенной степени отразился на творчестве главы оппозиционной группировки „южан" (*намъин*) Хон Нёха (1624 – 1684). Оказавшись не у дел после поражения в борьбе с группировкой Сон Сирёля, он обратился к историческим исследованиям.

Первое из его сочинений – „Хвичхан ёса" – проникнуто негодованием против корейских конфуцианцев, любящих велеречиво рассуждать о китайской истории, но совершенно невежественных в области истории корейской. „Хвичхан ёса" составлено по схеме традиционных династийных историй, однако в биографический раздел книги Хон Нёха внес жизнеописания государственных деятелей (У Тхака, Киль Чэ), не нашедшие места в „Корё са" и других сочинениях. Труд Хон Нёха обогащен также сведениями о соседних с Кореей народах (киданях, чжурчжэнях, японцах), предпринята и попытка критического анализа достоверности излагаемых в источниках фактов [83, с. 324].

После завершения „Хвичхан ёса" в 1672 г. Хон Нёха приступил к составлению „Тонгук тхонгам чеган", учебного пособия по истории для домашнего обучения. Считая сведения „Самгук саги" отрывочными и искаженными, Хон Нёха взял за образец „Тонгук тхонгам", обильно комментируя текст этой летописи. Хронологически труд „Тонгук тхонгам чеган" ограничен периодом Трех государств, эпоху же Корё Хон Нёха изложил в другой своей книге. Относительно исторических идей Хон Нёха его ученик Ан Чонбок писал в предисловии к „Тонгук тхонгам чеган" издания 1786 г.: „Учитель прежде говаривал, что хотя вся истина и заключена в канонических книгах, однако проявляется она на деле только в истории. Таким образом, история, одобряя или осуждая [людей], побуждает к добру. И хотя в [Корее] много исторических записок, можно сожалеть, что нет [среди них] достойных чтения" [83, с. 325]. В указанном предисловии Ан Чонбок также указывал: „По прочтении книги [Хон Нёха] обнаруживаешь истинный

порядок в изложении и расположении [материалов]. Начинается повествование с Ки Джа, ему законно наследует [правитель] Махана, а узурпатор Ви Ман отвергнут. Вплоть до падения Махана и е правители Когурё, Пэкче и Силла рассматриваются как вассалы, которые не могли называться ванами. И не это ли истинный подход историка! Лишь когда легитимное правление отличают от незаконного и отвергают узурпацию, можно говорить об истинной справедливости" [83, с. 326].

Близость взглядов Хон Нёха и Ан Чонбока Ли Маннёль склонен объяснить не столько преемственностью их идей, сколько влиянием общественной среды XVII – XVIII вв. Ли Маннёль отмечает, что в „Тонгук тхонгам чеган" впервые была сформулирована идея легитимности, внесены поправки в „Самгук саги" и в „Тонгук тхонгам", в которых нарушена восходящая к „Чуньцю" традиция, предписывающая считать начальным годом правления монархов не год восшествия на престол (который считался последним годом правления предшественника), а следующий за ним год; с конфуцианских позиций подвергнуты критике мифы об „основателях" Когурё, Силла и Пэкче. Несмотря на свою неоконфуцианскую ортодоксию, Хон Нёха первым внес историю Кореи до периода Трех государств в основной раздел летописи, в то время как даже такие его предшественники, как Ирён, излагали историю этого периода в разделе „Вэги". Ли Маннёль в силу этого полагает, что именно с „Тонгук тхонгам чеган" <началось преодоление ограниченности, характерной для предшествующей конфуцианской историографии, в том числе для важнейшего ее памятника – „Тонгук тхонгам"> [83, с. 328].

Подобно Хон Нёха, ревностным проповедником идей легитимности и блюстителем чжусианских норм в историографии выступал Лим Сандок (1683 – 1719), автор „Тонса хвеган". Рассмотрев различные жанры традиционной исторической литературы (династийные истории, обобщающие очерки, краткие очерки и сочинения типа „канмок"), Лим Сандок обвинял своих предшественников в невежестве, незнании основных принципов конфуцианства. В своем сочинении он решил строго следовать стилю „Цзычжи тунцзянь ганму", тщательно воспроизвести структуру этого произведения Чжу Си при изложении истории Кореи. Несмотря на очевидный конфуцианский консерватизм Лим Сандока, Ли Маннёль стремится во что бы то ни стало в его творчестве, отразившем дух корейской чжусианской историографии XVIII в., найти воплощение „растущего национального самосознания, духа самостоятельности", которые характерны, по его мнению, для сочинений Ан Чонбока, Ли Чонхви и других историков [63, с. 348 – 349].

Творчество трех выдающихся корейских историков-сирхаков XVIII в. – Ан Чонбока, Ли Гынъика и Хан Чхиюна – анализирует Хван Вонгу, который стремится установить их идейную преемственность от авторов проектов социальных преобразований Лю Хёнвона (1622 – 1673), Ли Ика и Чои Якъёна.

Острыми противоречиями в общественной жизни Кореи XVII – XVIII вв. Хван Вонгу объясняет выступления реформаторов-сирхаков, которые обосновывали необходимость преобразований апелляциями к истории, к древним образцам конфуцианской добродетели. Вместе с тем они прилагали практические усилия к объективному анализу современной им действительности в целях разумного ее преоб-

разования. Историки-сирхаки также стремились обосновать необходимость реформ ссылками на историю. В итоге внешним проявлением их прогрессивных устремлений стали призывы „восстановить чистоту" конфуцианских канонов [117, с. 384]. Несомненно, однако, что характерной чертой всего сирхакского движения был реалистический, объективный подход к общественным явлениям, пафос реформ, общий, по мнению Хван Вонгу, всей передовой общественной мысли дальневосточного региона.

Так, в предисловии к своему труду „Тонса канмок", написанному в 1756 – 1759 гг., Ан Чонбок, отметив недостатки существующих сочинений (прежде всего „Самгук саги") с их отрывочным и неточным изложением фактов, декларировал стремление строго следовать канонам Чжу Си, придать историческому повествованию нравоучительный смысл. Ан Чонбок воспроизводит в „Тонса канмок" линию легитимной преемственности, изложенную в сочинении Хон Нёха „Хвичхан ёса" (вообще, история Кореи в „Тонса канмок" представлена гораздо более длительной, чем в китайских, да и многих корейских летописях). Свои патриотические чувства Ан Чонбок выражает в славословиях героям борьбы против нашествий войск Суйской и Танской династий, против киданей и монголов (Ыльчи Мундок, Кан Гамчхан, Со Хый). Историк сетует по поводу ослабления военной мощи Объединенной Силла и Корё в результате длительного засилья гражданской бюрократии [117, с. 400].

Ан Чонбок особо проверяет сомнительные сообщения источников, дотошно анализирует известия о „чудесах" и различных природных феноменах, уточняет сведения по исторической географии. Объектами вдумчивого рассмотрения стали, например, мифы о Тангуне, Ки Джа и об „основателях" Когурё, Пэкче и Силла, известия о кальмунванах, данные о стелах вана Чинхына, ошибочные известия китайских авторов о периоде Трех государств. Таким образом, несмотря на подчеркнутую верность конфуцианским традициям „Чуньцю" и чжусианскому канону, „Тонса канмок", по мнению Хван Вонгу, „отличалась характерным для XVIII в. критическим научным духом познания реальной действительности, была направлена на улучшение управления страной" [117, с. 401].

Отличительным признаком эпохи Хван Вонгу считает и появление многочисленных „частных" историй, следовавших иным концепциям, чем „официальные" издания. Достойным представителем „частного" историописания XVIII в. южнокорейский исследователь называет Ли Гынъика. Сын опального сановника из партии „молодых" (*сорон*), Ли Гынъик вплоть до смерти отца в 1776 г. находился вместе с ним в ссылке на южных островах. До 1776 г. (хотя об этом нет точных сведений) Ли Гынъик завершил свой труд „Ёльлёсиль кисуль", самое крупное собрание „частных" историй (59 книг), охватившее историю Кореи при династии Ли вплоть до правления вана Сукчона (1675 – 1720) [117, с. 387 – 388]. Ли Гынъик стремился обогатить свой труд максимальным количеством фактических данных, почерпнутых из более чем 400 источников. Для Ли Гынъика характерна также объективность изложения: он избегал всякого возвеличения описываемых в его труде исторических деятелей, уклонялся от комментариев и оценок, ограничиваясь буквальным пересказом или цитированием источников, которые порой содержали совершенно различные и противоположные интерпретации одного и того же исторического

события. Свою подчеркнутую беспристрастность Ли Гынъик объясняет тем, что «со времени появления „западников" и „восточников" представители [этих придворных клик] только и делали, что ругали противников или хвалили союзников; поэтому и пишущие [историю] склонялись к одной из сторон», лично же Ли Гынъик стремится писать „только о фактах, а о том, кто прав или неправ, будут судить лишь грядущие поколения" [117, с. 401].

Такой же подход был типичен и для Хан Чхиюна, автора „Хэдон ёкса". Примыкая, как и многие другие сирхаки, к оттесненной от власти клике „южан", Хан Чхиюн посвятил всю жизнь научным занятиям. Только однажды, благодаря родственным связям, ему удалось в составе ежегодного корейского посольства посетить Пекин, где, вероятно, ученый познакомился с новыми идеями, послужившими стимулом к работе над его историческим сочинением.

Летопись „Хэдон ёкса", начатая в первые годы XIX в., была завершена после смерти Хан Чхиюна и издана в 1823 г. Используя в основном сведения из иностранных источников, Хан Чхиюн попытался объективно взглянуть на историю своей страны. Он создал всеохватывающую хрестоматию по истории Кореи, в которой обобщались материалы 523 китайских и 22 японских летописей, географических описаний и других сочинений. В „Хэдон ёкса" подробно описаны различные стороны общественно-политической жизни страны, культуры и быта корейского населения с древнейших времен до конца XIV в. (т. е. до воцарения династии Ли). Стремясь к объективному освещению фактов, автор, подобно Ли Гынъику, воздержался от всяких комментариев по поводу излагаемых событий, не высказал он и взглядов на исторический процесс в целом — даже предисловие к книге написал ученый-сирхак Лю Дыккон. При определении преемственности государств и последовательности отдельных царствований Хан Чхиюн в отличие от Ли Ика и от Ан Чонбока не разделял их на легитимные и нелегитимные, поэтому в разделе истории Древнего Чосона упомянуты и Тангун, и Ки Джа, и Ви Ман, причем последний не характеризуется как „узурпатор". История Трех государств изложена в той же последовательности (Когурё, Пэкче, Силла), что и у современных историков. В „Хэдон ёкса" тексты иностранных источников сравниваются с данными корейских исторических произведений, критика источников совершенно отсутствует. Несмотря на последний недостаток, обширность привлеченного фактического материала, его объективное освещение, оригинальная манера изложения, новый подход к проблеме легитимной преемственности делают этот труд не только ценнейшим источником по изучению истории Кореи, но и важным памятником корейской историографии.

Хван Вонгу также отмечает, что каждый из трех рассмотренных историков-сирхаков (Ан Чонбок, Ли Гынъик, Хан Чхиюн) не только противостоит „официальному" историописанию своего времени, но и открывает своим критическим и реалистическим подходом новое направление в развитии корейской историографии. Если в „Тонса канмок", по его мнению, систематизируется изложение национальной истории, то „Ёльлёсиль кисуль" и „Хэдон ёкса" значительно расширяют документальную, источниковедческую базу для изучения различных ее сторон — истории не только политической, но и социально-культурной. Таким образом, согласно Хван Вонгу, корейской историографии XVIII в. коснулся общий подъем просветительской общест-

вой мысли, происходивший в то время также в Китае и в Японии [117, с. 404 – 405].

В корейской историографии XVII – XVIII вв. внимание южнокорейских буржуазных историков привлекает также развитие неоконфуцианских, „еретических" течений исторической мысли, якобы более адекватно отражавших пробуждение национального сознания корейского народа. Особый интерес южнокорейские исследователи проявляют к даосской идеологии. Как известно, даосизм в Корее это не столько возвышенное философское учение, сколько синкретический комплекс заимствованных из Китая постулатов, восходящих к Лаоцзы и Чжуанцзы, и исходных анимистических верований древнекорейских племен – синсондо. сингё, в основу которых положено поклонение „троице" духов: Хванину, Хвануну и Тангуну. Хотя корейские анимисты существенно отличались от китайских даосов, все же им присвоено общее с последними наименование.

Один из памятников даосской историографии XVII в. [10], „Кювон сахва", анализирует Хан Ёньу [107]. Это сочинение подписано псевдонимом Пукэ. Традиции „Кювон сахва" Хан Ёньу возводит к таким памятникам даосской историографии, как „Коги" (на эту летопись ссылался еще автор „Самгук юса"). Сохранение таких традиций, по мнению Хан Ёньу, означает, что даосская историография, несмотря на преследования властей, не только упорно противостояла „официальному" конфуцианскому историописанию, но и <оказывала на него плодотворное влияние, способствовала его возвышению на такой уровень исторического сознания, на котором стало возможным появление столь крупных историков, как Ан Чонбок, Ли Чонхви и Хан Чхиюн> [107, с. 265]. „Кювон сахва", согласно Хан Ёньу, это даосское сочинение о Тангуне (иногда оно даже называлось „Тангун сильса"). Воспевая мифического основателя Древнего Чосона, неизвестный даосский историограф, как указано в авторском предисловии к „Кювон сахва", намеревался обосновать исторические права Кореи на Ляодун, входивший в состав Древнего Чосона.

В книге Пукэ содержится, как отмечает Хан Ёньу, наиболее полное эпическое повествование о Древнем Чосоне и Тангуне. Космогонический миф представляет Хванина творцом мира из первоначального хаоса; Хванун, сын Хванина, принявший человеческий облик и имя Синси-сси, правил якобы несколько тысячелетий и создал цивилизацию „восточных ый" (*дун-и* китайских источников); определил их политическое устройство и культуру. Соратниками его стали Чхиу-сси, творец оружия, Коси-сси, зачинатель земледелия и животноводства, научивший людей есть вареную пищу, Синджи-сси, творец письма, Чуин-сси, обучивший людей брачным обычаям, и другие 366 мифических персонажей. Сначала люди жили на лоне природы, занимались охотой и рыбной ловлей, а затем перешли к земледелию. Владения Синси-сси простирались вокруг горы Тхэбэксан (Пэктусан), люди (племя? – *М. П.*) Чхиу-сси обитали в нынешнем Северо-Восточном Китае; территорию дальше к северо-востоку занимали люди Синджи-сси; земли же Корейского п-ова принадлежали людям Коси-сси (впоследствии там возник Самхан). Потомки Чхиу-сси образовали племена *пхунъый* и *кёнъый*, входившие в состав „девяти варварских племен" (*куый*).

Далее „Кювон сахва" повествует, что племена Чхиу-сси, продвинувшись на юго-запад, покорили якобы после многочисленных сра-

жений китайские племена и заняли земли нынешних Шаньдуна, Хуайханя, округа Пекина и Лояна, поскольку, по утверждениям Пукэ, „в то время в Китае [у людей] не было иного оружия, кроме луков и стрел с каменными наконечниками, а люди Чхиу-сси пользовались латами и стрелами". Только после смерти Чхиу-сси один из китайских правителей, Сюаньюань[10], понесший от него ряд тяжелых поражений, провозгласил себя императором. Все же на территории „государств" Юйчжоу и Цинго по-прежнему правили потомки Чхиу-сси. Таким образом, согласно „Кювон сахва", со времен Синси-сси „восточные ый" занимали обширные территории Восточного и Северо-Восточного Китая и Корейского п-ова [107, с. 268 – 269].

Пукэ сообщает далее, что после „превращения Синси-сси в духа и вознесения его на небеса" поочередно правили Коси-сси и Чхиу-сси, а затем наступил 1195-летний период правления 47 тангунов. При сыне Хвануна (Синси-сси) Тангуне „государство" называлось якобы Тан [11], а его правители – тангунами. Тангун („правил" 93 года) якобы „взошел на престол" одновременно с легендарным китайским правителем Яо (2333 г. до н.э.); он назвал свою столицу Имгомсон (Город государя). „Город" этот находился на берегу р. Усуха (ныне китайская провинция Цзилинь). Затем столица перемещена в Пхёнъян (Укрепленный город) на берегу р. Пхэсу (Амноккан); в позднейшие времена – когурёская столица Хвандо. Тангуну приписывается пропаганда сингё, культа Неба, Хванина и Хвануна; сооружение алтарей на горе Пэктусан и на о-ве Канхва. Согласно „Кювон сахва", он также учредил восемь „чиновных рангов" (*га*) – Тигра, Медведя, Лошади и др.; разделил страну на 9 больших и 12 малых „государств". Среди этих государств названы Намгук (в Северо-Восточном Китае), Суджин на северо-востоке Кореи, Чхонгу на юго-востоке Корейского п-ова, а также Кэма, Е, Когурё, Чинбон, Пуё, Окчо, Чольбон, Пирю. При сыне и преемнике Тангуна Пуру (правил 34 года) „основатель" Древнего Чосона был сопричислен „троице" духов, ему были установлены жертвоприношения [107, с. 271].

В книге Пукэ перечислены все 47 тангунов, в частности третий правитель Древнего Чосона Канык, Оса (четвертый тангун), Куыль (пятый тангун), Тальмун (шестой тангун), Поыль (сорок шестой тангун), Коёльга (последний, сорок седьмой правитель Древнего Чосона). Названы также годы „правления" тангунов, изложена „политическая история" Древнего Чосона. Время от третьего до четырнадцатого тангуна (Кобуль) соответствовало эпохе Ся в Китае, а с пятнадцатого до последнего тангуна – эпохе Инь. После 1195 лет „правления" тангунов, согласно „Кювон сахва", наступает период раздроблеиности, причем падение Древнего Чосона объясняется не вторжением во главе с Ки Джа, а мятежами князей (*ху*), разгромивших якобы и царство Инь в Китае [107, с. 271 – 272].

В своем труде Пукэ в соответствии с даосскими концепциями сформулировал проект превращения Кореи в сильную и богатую страну. Для этого было необходимо, во-первых, добиться расширения территории страны за счет Ляодуна, во-вторых, „утвердить согласие, так как вражда придворных клик губит велнкую цель в угоду мелкому эгоизму", в-третьих, „блюсти чистоту своей сущности и не терять своих преимуществ, сочетая их с [заимствованными] чужими положительными качествами" [107, с. 274]. По-видимому, Пукэ призывал блюсти чистоту и самобытность искоиных корейских

традиций, культ сингё, чуждый заимствованным китайским вероучениям.

Пересказав содержание мифов, изложенных в „Кювон сахва", Хан Ёнъу подчеркивает „исключительную целеустремленность национального исторического сознания Пукз, который, уяснив причины переживаемого страной кризиса, указал на необходимость идейно-культурной революции(!), наметил ее направление (восстановление сингё), с тем чтобы родина вновь стала богатой и могучей" [107, с. 275]. Среди плодотворных идей „Кювон сахва" Хан Ёнъу выделяет предложение „возвратить утраченные исконные когурёские земли (нынешняя пров. Ляонин в Китае). В отличие от планов неоконфуцианских государственных деятелей, сторонников Минской династии и противников Цинов, стратагему Пукз предполагалось осуществить в союзе с маньчжурами, в составе „великого союза восточных варваров"[12] [107, с. 277 – 278].

Хан Ёнъу высоко ставит также стремление Пукз освободить Корею от духовного рабства – от преклонения перед конфуцианскими догмами, от принципа „садзджуый". Называя чжусианство „объедками духовных яств сунского ученого", автор „Кювон сахва" настаивал на том, что „восточные ый" (в том числе и корейцы) отнюдь не были „варварами", а обладали самобытной и высокой культурой [107, с. 279]. Критикуя Ким Бусика за то, что тот «не стал описывать деяния священных правителей, [правивших] на протяжении двух тысяч лет, сославшись на грубый и несовершенный слог „Коги" и недостоверность многих записей» [31, с. 61], Пукэ обвинял знаменитого летописца Корё в принижении древней истории своей страны. «Если даже в завещании вана Седжо еще указывалось на необходимость найти такие затерявшиеся старинные книги, как „Чодэги", „Кочосон пиги", „Самсон мильги", то неужели они не были доступны Ким Бусику?» [107, с. 281], – негодовал Пукэ. По его мнению, автор „Самгук саги" „был так очарован китайскими книгами, что не мог и помышлять о героических деяниях [своей страны], поэтому, хотя и говорят о его озабоченности историей нашего государства, он вовсе не знал ни начала, ни конца ее" [107, с. 281]. Сожалея о том, что корейские исторические произведения погибли в огне пожаров в ходе многочисленных нашествий, Пукз отмечал, что лучшими из оставшихся летописей являются те немногочисленные книги, которые удалось сохранить даосам. Признавая некоторое значение за буддийскими историческими сочинениями, самыми худшими он считал сочинения конфуцианцев [107, с. 282].

Хан Ёнъу подчеркивал, что Пукз рассматривал сингё как основу духовной самостоятельности Корен, залог будущего могущества страны. На исторических примерах гуннов, тоба, киданей и чжурчжэней Пукз доказывал, что эти племена были сильны своей самобытностью, погибли же они потому, что заимствовали чрезмерно утонченную китайскую культуру [13]. Точно так же и Корея „представляет собой обширное и древнее государство совершенномудрых, издревле является цивилизованным" [107, с. 290]. Таким образом, подчеркивает Хан Ёнъу, в изложении Пукэ Корея «горда не тем, что представляла собой „маленький Китай", а тем, что она отличалась от Китая; тем, что Китай не был „цветущим центром Поднебесной"» [107, с. 29]. Безоговорочно отвергая принцип „садзджуый", Пукэ считал позорной страницей отечественной истории союз Силла с Танской империей в братоубийственной войне против Когурё и Пэкче.

Превознося „культурно-историческое национальное сознание" автора „Кювон сахва", Хан Ёнъу обращает внимание на новые документальные материалы, вовлеченные Пукэ в круг источников корейской историографии. Их более 40, в том числе „Кочосон пиги", „Самсон мильги", „Чодэги". Совершенно исключительное значение для автора „Кювон сахва" имела найденная им книга Ли Мёна „Чинъёк юги", в которой излагалась древняя история Кореи. Написанное в конце периода Корё отшельником из Чхонпхёна (этот топоним стал псевдонимом Ли Мёна), это сочинение принадлежало к числу сокровенных книг даосов и приверженцев культа сингё, его направленность существенно отличалась от тенденции „Самгук юса" и других исторических трудов, касавшихся периода до Трех государств [107, с. 295]. Другим важным источником „Кювон сахва" была летопись „Чхонхак джип", принадлежащая кисти даоса XVI в. Чо Нёджока. Вобрав идеи даосских идеологов нескольких поколений, „Кювон сахва" выражала характерную для своего времени враждебность „садэджуый" и антияпонские настроения, а также стремление обеспечить безопасность Кореи [107, с. 296].

Но Пукэ разделял не только близкие корейскому народу взгляды даосов. Хан Ёнъу предполагает, что Пукэ мог быть примкнувшим к даосам представителем разорившихся (или оттесненных от власти) янбанов. Он несомненно имел представление о странах Западной Европы. В частности, он располагал сведениями об иезуите М. Риччи, познакомившем китайцев с некоторыми достижениями европейской математики и астрономии. Этот факт, по мнению Хан Ёнъу, подкрепляет мнение о влиянии „Кювон сахва" на формирование концепций корейской буржуазно-националистической историографии XX в.

Как уже отмечалось, общей чертой корейской конфуцианской историографии XVII – XVIII вв. являлось восприятие ею чжусианских канонов исторического повествования (канмок), пристальное внимание к вопросу о легитимной преемственности корейских государств от легендарного Ки Джа, выходца из Китая; приверженность „садэджуый", несмотря на некоторые оговорки, а также концепции „Корея – маленький Китай" [107, с. 297]. Хан Ёнъу напоминает, что вопрос о легитимной преемственности приобрел особую актуальность для Кореи после падения Минской династии и прихода к власти Цинов. Таким образом, в Китае воцарились „варвары"-маньчжуры, поэтому корейские государственные деятели-чжусианцы стали утверждать, что отныне истинно легитимным государством остается только Корея, не только воспринявшая китайскую культуру, но и восходящая к китайцу Ки Джа, получившему инвеституру еще от древней китайской династии Чжоу. Именно по мере внедрения этих концепций в корейскую историографию, по мнению современных южнокорейских историков, стали пренебрегать исконной и самобытной корейской культурой, стали отвергать и всякую связь Кореи с Древним Чосоном Тангуна. В итоге, несмотря на отдельные глухие упоминания о Тангуне, история Древнего Чосона оставалась „белым пятном" в корейской историографии XVII в. Правда, как замечает Хан Ёнъу, даже некоторые конфуцианские историки, подобно Пукэ, обращались к этому сюжету. Например, Хо Мок в сочинении „Тон са" создал концепцию древней истории, в центре которой был Древний Чосон во главе с Тангуном, а не с Ки Джа. Ли Ик, несмотря на приверженность догмам неоконфуцианства, проявлял активный интерес к культуре „восточных ый" периода Древнего

Чосона, признавал ведущую роль сингё в идейной жизни той давней поры. Ан Чонбок в „Тонса канмок" также подверг критике историографическую традицию относить Древний Чосон Тангуна в раздел „Вэги". Другой ученый-конфуцианец, Ли Чонхви, свой труд также начал с истории Древнего Чосона, основанного Тангуном, проследив на всем протяжении исторические судьбы непосредственно восходящих к Древнему Чосону северных корейских племен и их союзов – Пуё, Когурё, Емэк, Окчо и даже Пальхэ. Южнокорейским союзам племен, возводимым к Древнему Чосону Ки Джа и Махану, Ли Чонхви уделил существенно меньше внимания [107, с. 298]. Отмечая этот факт, Хан Ёнъу подчеркивает также, что из конфуцианских историков XVIII в. Ли Чонхви наиболее объективно изучил культ сингё, хотя и считал ее абсурдным „поклонением демонам" [107, с. 300].

Приписывая очевидное изменение концепций конфуцианских летописцев влиянию современной им даосской историографии, Хан Ёнъу усматривает такое влияние даже и в произведениях двух выдающихся представителей корейской буржуазно-националистической историографии начала XX в. – Пак Ынсика и Син Чхэхо. Оба эти историка, напоминает Хан Ёнъу, принадлежали к религиозно-реформаторской организации „Тэджонгё", которая открыто придерживалась исторических концепций, изложенных в „Кювон сахва". От имени „Тэджонгё" было опубликовано произведение одного из членов этой организации – „Танги коса". В целях возбуждения патриотических чувств труд был стилизован под древнюю летопись. Авторство его приписывалось Тэ Ябалю – брату Тэ Чоёна, основателя правящей династии в государстве Пальхэ[14]. Содержание „Танги коса", в том числе и перечень правителей-тангунов Древнего Чосона, полностью совпало со списком „Кювон сахва". Весьма примечательно, что предисловие к этой публикации написал Син Чхэхо. Хотя влияние традиций даосской историографии на Син Чхэхо было, видимо, опосредовано творчеством конфуцианских ученых (Ли Чонхви, Ан Чонбока, Хан Чхиюна, Лю Дыкхона), все же выдающийся корейский историк начала XX в. вполне осознал сущность разногласий между двумя направлениями традиционной корейской историографии. Сам Син Чхэхо, по мнению Хан Ёнъу, разделял историографические концепции летописцев-даосов. Недаром он подвергал ожесточенной критике „Самгук саги" и лично Ким Бусика за пренебрежительное отношение к древней и самобытной корейской культуре. Подобно автору „Кювон сахва", Син Чхэхо помещал столицу Древнего Чосона не на Тэдонгане, а на р. Пхэсу. Он возводил также традиционную корейскую религию сингё к культу Тангуна. С сингё многим связана и концепция „национальной сущности", развивавшаяся Син Чхэхо [107, с. 301].

Несомненно влияние даосской историографии Хан Ёнъу усматривает и в мировоззрении и творчестве Пак Ынсика. Последний признавал, например, родство между населением Древнего Чосона и маньчжурскими племенами, происходившими якобы от Тангуна. К традиционному культу сингё в конечном счете восходили представители Пак Ынсика о „духе нации" [107, с. 301 – 302]. Взгляды даосских историографов разделяли и другие корейские историки буржуазно-националистического направления. Например, ядром теории „неуниверсальности культуры" (*пульхам мунхварон*) Чхве Намсона (1890 – 1957) явились элементы сингё. Чхве Намсон утверждал даже, что сингё оказала влияние на формирование основополагающих концепций древнекитайской культуры, в частности, идеи глобального регулирующего начала – Неба, концепции

Сына Неба и др. [107, с. 302]. Ким Гван, автор труда „Тэдон саган", опубликованного сразу после установления в Корее японского колониального господства, полностью воспроизвел генеалогию правителей-тангунов Древнего Чосона, изложенную в „Кювон сахва" [107, с. 303].

Излагая мнения Син Чхэхо об одном из направлений идеологической борьбы в старой Корее, между конфуцианцами и хваранами, Хан Ёнъу отверг утверждения основоположника корейской буржуазно-националистической историографии, будто после подавления Ким Бусиком мятежа Мёчхона в 1135 – 1136 гг. организация и идеология хваранов якобы пришли в полный упадок. Ее влияние, по мнению Хан Ёнъу, сохранялось в идеологии конца периода Корё и начала правления династии Ли; сказывалось оно и после Имджинской войны (1592 – 1598). Причисление Тангуна к официальному пантеону в конце XIV в., включение мифа о нем в „официальные" исторические сочинения, возрождение древнего наименования государства (Чосон) в правление династии Ли – все это, по мнению Хан Ёнъу, свидетельствовало о росте „исторического национального сознания" в стране, причем агентами этого процесса были якобы даосы, сохранившие в своих сочинениях миф о Тангуне и мифологическую историю Древнего Чосона. Он считает исполненным глубокого смысла появление именно в конце периода Корё даосского исторического сочинения „Чинъёк юги", <отличавшегося по сравнению с „Самгук юса" бо́льшим проявлением духа самостоятельности. В этом произведении тысячелетняя история Древнего Чосона не сводилась к личности полубога, а персонифицировалась в множестве правителей> [107, с. 303]. Огромной заслугой даосов Хан Ёнъу признает не только историографическую обработку мифа о Тангуне и создание концепций об историческом приоритете Древнего Чосона, но и сохранение национального культа сингё. Хан Ёнъу подчеркивает, что под влиянием даосских летописцев „дух национальной самостоятельности проявился и в произведениях конфуцианской историографии" [107, с. 304]. В то же время, хотя историографы-чжусианцы и выступали против династии Цин, противоборствовали маньчжурским нашествиям и даже выступали сторонниками внешней экспансии на Северо-Восток при ванах Хёнджоне (1660 – 1674) и Сукчоне (1675 – 1720), все же, по мнению Хан Ёнъу, историографические концепции и внешнеполитические планы неоконфуцианских государственных деятелей „были совершенно иллюзорны и служили только целям сохранения и укрепления существующих порядков. Они не имели целью адаптировать страну к изменившемуся миру" [107, с. 305].

Превознося даосское направление корейской традиционной историографии, Хан Ёнъу вынужден все же отметить его методологическую ограниченность, явное несоответствие требованиям современной исторической науки. Если историографы-конфуцианцы искажали исторические факты или умалчивали о них вследствие узкого рационализма или приверженности превословутому „садзджуый", то даосские летописцы почти неизменно прибегали к таким фантастическим преувеличениям, что приводимые ими „факты" не выдерживают никакой научной критики. Так, автор „Кювон сахва" разрозненные политические образования „восточных ый" (аналогичных, по мнению Хан Ёнъу, городам-государствам) считает областями или уделами большого централизованного государства, т. е. Древнего Чосона Тангуна. „В наши дни, – признает Хан Ёнъу, – было бы большой ошибкой некритически использовать эту книгу в качестве важнейшего источника по истории [Древнего]

Чосона" [107, с. 306]. Однако южнокорейская буржуазно-националистическая историография в целом совершенно не склонна отказаться от намерения и далее использовать и „развивать" мифологические концепции древней истории Кореи. Это и понятно, поскольку историки-националисты пытаются легендарный период, соотносимый, вероятно, с различными этапами развития первобытнообщинного строя, представить „истоком национальной истории", берущей начало от мифического Тангуна[15].

Становление буржуазно-националистической историографии. Пак Ынсик и Син Чхэхо

Выше в основных чертах освещена трактовка южнокорейскими историками-националистами важнейших проблем традиционной историографии, господствовавшей в Корее вплоть до последней четверти XIX в. Начало собственно новой историографии (соответствующей эпохе капитализма) относится ко времени после „открытия" этой страны империалистическими державами, которые покончили с изоляцией феодальной Кореи от внешнего мира и навязали ей серию неравноправных договоров (1876 – 1886). Постепенно страна превратилась в полуколонию, а затем, после поражения царизма в русско-японской войне, стала с 1905 г. протекторатом, а с 1910 г. – колонией империалистической Японии. Национально-освободительная борьба корейского народа против агрессии империалистических держав и японского колониального режима за независимость страны определила основные направления исторического развития Кореи в первой половине XX в. Она обусловила и характер корейской историографии – на смену старому феодальному летописанию пришла новая историография, проникнутая идеями буржуазного национализма, отражающего интересы независимого капиталистического развития страны.

Процесс зарождения и развития антиимпериалистической национально-освободительной борьбы и становления новой, буржуазной историографии современные южнокорейские ученые стремятся истолковать с точки зрения „теории модернизации", которую они противопоставляют марксистскому учению о социально-экономических формациях. Так, историк Ким Ёнсоп характерной чертой исторического развития Кореи во второй половине XIX в. считает не только противостояние колониальной экспансии капиталистических держав, но и становление „нового современного общества, получившее толчок только благодаря проникновению западной капиталистической цивилизации, поставившей перед странами Востока задачу модернизации и европеизации" [53, с. 421]. При этом Ким Ёнсоп явно затушевывал реакционную роль империализма и колониализма в сохранении феодальных порядков. Зарождение современной (т. е. буржуазной) историографии южнокорейский ученый связал лишь с вызреванием „национального сознания, необходимого для защиты национальной независимости и осуществления модернизации" [58, с. 422]. Миссию этой новой историографии Ким Ёнсоп видел в том, чтобы разработать новую методологию исторических исследований, новый динамичный подход к прошлому Кореи, основанный на объективном восприятии фактов, их аналитическом и критическом истолковании. Именно такая историография и в целом историческая наука нового времени сложилась благодаря трудам Пак Ынсика и Син Чхэхо [98, с. 423].

Утверждению буржуазно-националистической историографии как орудия идейной борьбы против японского колониального ига предшествовала, однако, стадия постепенного складывания элементов новой буржуазной идеологии, сменившей отжившее неоконфуцианство. Предысторию буржуазно-националистической историографии (последняя четверть XIX – первое десятилетие XX в.) Ли Усон, например, подразделяет на два периода – ранний и поздний. Первый из них может быть охарактеризован как этап историографии „движения за реформы" (*кэхва ундон*), а второй – как этап историографии патриотического просветительского движения, деятели которого стремились предотвратить утрату Кореей независимости [105, с. 120].

После насильственного „открытия" корейских портов для империалистических держав страна была поставлена перед настоятельной необходимостью преодолеть феодальную отсталость, покончить с отчужденностью от внешнего мира. Этим далеко идущим переменам, по мысли Ли Усона, должна была содействовать „новая историография, призванная пробудить нацию, насаждать просвещение, распространять знания об окружающем мире" [105, с. 121]. Именно такие мотивы Ли Усон приписывает историкам – приверженцам „кэхва ундон". Истоки новой историографии он относит к последним десятилетиям перед „открытием" Кореи, когда „идеология преобразований", по его мнению, уже шла на смену учению сирхаков. Еще в труде Чхве Ханги (1803 – 1879) „Чигу чонъё", составленном на основе данных переводных источников, содержались сведения о европейских странах, и отдельные корейские ученые середины XIX в., а также все, кто отвергал неоконфуцианскую ортодоксию, могли познакомиться с достижениями капиталистической цивилизации. Разумеется, у сторонников „кэхва ундон" знания о странах Запада стали более конкретными и систематическими, поскольку они имели возможность посещать иностранные государства. Перед ними, подчеркивает Ли Усон, встала проблема „определить место Кореи в окружающем мире, соотнести ее историю с историей человечества" [105, с. 122]. Впервые этот вопрос был затронут в книге Ю Гильчуна (1856 – 1914) „Сеге тэсерон", написанной в 1883 г. (т. е. за год до попытки государственного переворота, совершенного сторонниками „кэхва ундон"). Названные проблемы подробнее были разработаны в другом труде Ю Гильчуна, „Сою кёнмун", созданном на основании впечатлений автора, посетившего в 1888 г. в составе официальной корейской делегации некоторые страны Европы и Америки[16]. В одном из разделов этой книги, посвященном всемирной истории, Ю Гильчун выделяет четыре стадии развития человечества: дикость (*яман*), варварство (*мигэ*), полуварварство (*пангэ*) и цивилизацию (*мунмён*). К полуварварским Ю Гильчун причислил народы Восточной и Западной Азии. Соответственно, по его мнению, задача таких стран, как Корея или Китай, состояла в том, чтобы как можно скорее достигнуть стадии цивилизации [105, с. 121]. Поскольку историографы – приверженцы „кэхва ундон" перешли к всеохватывающей критике институтов традиционного корейского общества, то, как отмечает сеульский историк Ли Гваннин, стала существенно расширяться тематика их исторических трудов. Объектом изучения стала не только политическая история, но и экономическая жизнь (сельское хозяйство, промышленность и торговля), различные стороны культуры и быта народа – вплоть до женских причесок. Примером такого многопланового исследования может служить книга „Тонгук саряк", созданная в начале XX в. ученым Хён Чхэ.

Современные южнокорейские историки отмечают также, что стремление выяснить место истории своей страны во всемирном историческом процессе отличало участников „кэхва ундон" от сирхакских мыслителей, которые ограничились отказом от китаецентристских представлений о мире [105, с. 118]. Возникшим интересом к внешнему миру и всемирной истории объясняется, видимо, появление таких книг, как „Мангук саряк", которая была издана министерством образования Кореи в 1896 г. Откликнувшись на идейные запросы корейского общества, Хён Чхэ в 1906 г. завершил и издал компилятивный труд по всемирной истории под названием „Мангук саги". В работах Хён Чхэ проявилась тенденция к проблемному, а не анналистическому изложению исторических событий, причем за приверженность летописному стилю он критиковал своего современника Ким Тхэёна, автора „Ёкса чипяк", упрекая его за незнание „современных методов исторического исследования" [58, с. 428].

По утверждению сеульского ученого Син Ёнха, историки „кэхва ундон" продолжали разрабатывать концепции национальной истории, созданные еще якобы историографами-сирхаками. В частности, истоки истории Кореи они, подобно сирхакам, относили к эпохе Древнего Чосона Тангуна, который, по их мнению, „находился на том же уровне социального развития, что и современный ему Китай" [105, с. 121][17]. Стремление утвердить самобытность корейской истории на основе современных методов научных исследований, подчеркивает Син Ёнха, на этапе патриотического просветительского движения превратило корейскую историографию в духовное оружие борьбы за восстановление государственного суверенитета. „Обращаясь к славному прошлому Родины, историки того периода пробуждали в народе национальное сознание. Вот почему Пак Ынсик, Син Чхэхо, Чан Джиён даже на страницах газет и журналов воспевали подвиги героев отечественной истории: Ыльчи Мундока, Чхве Ёна, Ли Сунсина и др. Отнюдь не случайно, обращаясь к европейской истории, они освещали биографии Жанны д'Арк и деятелей итальянского Рисорджименто. Их внимание закономерно привлекала и война североамериканских колоний за независимость от Англии, и исполненная трагизма борьба вьетнамского народа против французских колонизаторов в 50 — 80-х годах XIX в. Все эти события отечественной и мировой истории могли быть поучительными для корейцев, стремившихся предотвратить полное закабаление страны японскими захватчиками" [105, с. 127]. Той же патриотической цели служила и печатная пропаганда творческого наследия сирхакских мыслителей. Так, историко-географическое сочинение Чон Якъёна „Абан канёкко" неоднократно переиздавалось в начале XX в. большими для своего времени тиражами. Многие произведения ученых-сирхаков печатались на страницах газет „Хвансон синмун", „Тэхан мэиль синбо". В годы, непосредственно предшествовавшие колониальному порабощению Кореи, благодаря усилиям просветителей в общественном мнении страны резко возрос престиж исконной и самобытной корейской цивилизации, более глубоко было осознано непреходящее значение национального культурно-исторического наследия. Соответственно пропаганда просветителей зачастую приобретала боевой характер, присущий скорее произведениям историков буржуазно-националистического направления, которое получило преимущественное развитие уже в годы японского колониального режима. В качестве примера такой эволюции историографических воззрений Син Ёнха приводит „Токса синнон",

труд Син Чхэхо, опубликованный в 1908 г. [105, с. 119]. В предисловии к своему сочинению Син Чхэхо подчеркивал, что главным действующим лицом истории является не царствующая династия, а нация. Понять же суть истории, продолжал он, можно, лишь глубоко изучив все подробности жизни нации – политические институты, развитие экономики, войны и международную политику, народные обычаи и традиции. Тем самым удается „проследить проявления национального сознания, изыскать новые факты древней истории и определить место [корейской] нации в многотысячелетней истории Востока" [105, с. 128]. Сам Син Чхэхо, как явствует из его статьи в „Тэхан мэиль синбо" (1908 г), считал сутью исторического процесса антагонизм между „нами" и „иенами", т. е. между единой нерасчлененной нацией (в данном случае корейской) и соседними нациями, также рассматриваемыми вне рамок классового анализа. Представления о межнациональных конфликтах как движущем факторе мировой истории, по мнению современных южнокорейских исследователей, сложились под влиянием концепций „социального дарвинизма" Г. Спенсера, с которыми Син Чхэхо мог познакомиться в изложении Ляи Цичао [105, с. 123 – 124].

Выделяя вклад историографов патриотического просветительского направления в иовую интерпретацию древней истории Кореи, сеульские ученые (Ли Усон, Син Ёнха) отмечают прежде всего полный разрыв с китаецентристскими представлениями конфуцианских историков. Вместе с тем примечательно расширение историко-географических рамок древней истории Кореи. К исконным корейским землям историки этого направления помимо Корейского п-ова до Амноккана и Тумангана относят также и Северо-Восточный Китай, прежде всего Ляодун. Придерживаясь этой концепции, корейские историки первого десятилетия XX в. много внимания уделили историографической разработке мифа о Тангуне, поскольку „основанный" им Древний Чосон территориально приурочивается именно к Ляодуну.

Своими же непосредственными идейными предшественниками современные буржуазно-националистические историки Южной Кореи справедливо считают Пак Ынсика и Син Чхэхо. Наиболее плодотворным в этом смысле этапом их творчества называют период после 1910 г., когда оба эти историка вынуждены были эмигрировать из Кореи и за ее пределами активно включились в национально-освободительное движение. Исторические исследования Пак Ынсика и Син Чхэхо всецело подчинены интересам борьбы за независимость, стали нераздельной ее частью.

Основными историческими трудами Пак Ынсика являются „Хангук тхоиса" (издана в Шанхае в 1915 г.) и „Хангук тоннип ундон хёльса", впервые также опубликованная в Шанхае в 1920 г. Посвященные событиям недавиего прошлого, оба труда сразу же приобрели актуальное политическое звучание. „Хангук тхоиса" состоит из трех частей; первая содержала описание географических условий страны и сжатый обзор истории Кореи; вторая посвящена периоду с 60-х годов XIX в. до 1896 г., когда в результате бегства короля в русскую дипломатическую миссию пал прояпонский режим. В третьей части освещена история Кореи от провозглашения империи в 1897 г. до захвата страны японскими колонизаторами. Автор решительно отверг летописное изложение событий. Все содержание книги Пак Ынсика и ее структура подчинены единой исторической концепции (разумеется, националистической), четко прослеживаются причинно-следственные связи между приводимыми авто-

ром фактами. „Хангук тоннип ундон хёльса" в определенной мере служила продолжением первого из упомянутых трудов Пак Ынсика. Она была посвящена описанию Мартовского народного восстания 1919 г. и кровавой расправе японских колонизаторов над корейским народом. В книге содержится также обзор откликов за рубежом на события 1919 г. [58, с. 429].

Цель своих исследований Пак Ынсик видел в том, чтобы возбудить в читателях патриотические чувства, необходимые для успешной борьбы за восстановление независимости Кореи. Любопытно, что при этом корейский историк опирался на концепцию „интуитивного знания", выдвинутую китайским философом Ван Янмином (1472 – 1528). Такое „интуитивное знание", согласно Ван Янмину, якобы присуще человеческой природе, оно может проявиться под воздействием извне и в определенных условиях становится стимулом к действию. Пак Ынсик, отвергая догмы чжусианства, считал эту концепцию Ван Янмина наиболее подходящей для решения задач национального освобождения Кореи [179, 1981, N 3, с. 27]. Он отождествлял „интуитивное сознание" с „духом [корейской] нации" [58, с. 430]. „Ведь если жива бессмертная душа, – писал Пак Ынсик, – то возродится и умершее тело. Государство – форма существования нации, история – ее дух. Сейчас форма – корейское государство – разрушена, но дух нации бессмертен" [84, с. 209]. Бессмертие это зиждилось на самобытности культуры нации. Уточняя свой тезис, Пак Ынсик указывает: „Проявлениями телесного начала являются финансы, войско, крепости, военные корабли, машины и техника, а воплощением бессмертного духа – национальная религия, язык, письменность, история и литература. Если японская агрессия уничтожила воплощение телесного начала, то бессмертный дух можно сохранить и, опираясь на него, восстановить телесное начало" [84, с. 134] [18]. Пак Ынсик намеревался „упорядочить национальную историю", с тем чтобы на примерах славного прошлого воспитывать молодежь. Такая „исправленная" в патриотическом духе история, по мысли Пак Ынсика, должна была способствовать возрождению „духа нации" и в конечном счете восстановлению государственной независимости Кореи. В достижимости этой цели Пак Ынсик никогда не сомневался. В предисловии к „Хангук тоннип ундон хёльса" Пак Ынсик писал: „Именно потому, что я полон веры в неизбежное возрождение нашего государства и в столь же неизбежное поражение Японии, я никогда не терял оптимизма, несмотря на все невзгоды, изгнание, голод и холод, болезни и страдания. Вопрос только во времени – когда именно [это произойдет]" [14, с. 134 – 135].

Суверенитет и силу государства Пак Ынсик связывал с „духом самостоятельности", который считал результатом всеохватывающего нравственного воспитания. В силу этого он ратовал за учреждение общегосударственного культа (на основе реформированного конфуцианства), „воплощающего дух нации, служащего возвеличению государства" [84, с. 435]. Такой государственный культ, по мысли Пак Ынсика, служил бы не интересам правителей и знати, а распространению в массах идеи равенства и народного верховенства, популяризовал бы концепцию Мэнцзы о праве подданных на свержение тирана. Превращению реформированного конфуцианства в мировую религию, по его мнению, должно было способствовать развертывание широкой миссионерской деятельности. При кажущемся новаторстве подхода Пак Ынсика к проблемам „национальной идеологии" весьма характерна связь его теоретиче-

ских построений с конфуцианством. Эта связь находившегося в процессе становления национализма с отжившей конфуцианской идеологией, на наш взгляд, отражает тесное переплетение зарождавшегося класса национальной буржуазии и феодалов-землевладельцев.

В преодолении известной ограниченности идей Пак Ынсика и в создании теоретических основ буржуазно-националистической историографии южнокорейские ученые подчеркивают первостепенную роль Син Чхэхо. После 1910 г. он эмигрировал и за пределами Кореи (в России, а затем в Китае) продолжал заниматься историческими исследованиями. Одновременно Син Чхэхо принимал активное участие в деятельности национально-освободительных организаций[19].

Серьезное исследование научной и общественно-политической деятельности Син Чхэхо предпринял сеульский ученый Ким Ёнсоп. Он проанализировал такие основополагающие работы основоположника корейской националистической историографии, как „Чосон сангоса" [100], „Чосонса ёнгучхо" [101], а также написанный им „Манифест корейской революции".

„Чосон сангоса" была завершена Син Чхэхо в 1926 г., в 1931 г. была опубликована как серия статей в газете „Чосон ильбо"; отдельным же изданием вышла в свет только после 1945 г. В первой части этого сочинения[20] подробно изложены исторические воззрения и методологические принципы Син Чхэхо. Другой его труд, „Чосонса ёнгучхо" (написан в начале 20-х годов, опубликован в 1925 г. в газете, а затем – отдельной книгой, под редакцией Хон Мёнхи), также в основном посвящен вопросам методологии. Ким Ёнсоп видит основную заслугу Син Чхэхо именно в создании методологических принципов корейской буржуазно-националистической историографии.

Исторический процесс Син Чхэхо определяет как «запись состояния умственной деятельности человеческого общества в борьбе между „нами" и „не-нами", развивающейся во времени и расширяющейся в пространстве, поэтому мировая история представляет собой запись этого состояния, пережитого всем человечеством, а история Кореи – запись пути, пройденного корейской нацией» [58, с. 439]. И далее: «„Мы" – это любое лицо, занимающее позицию субъекта, а все остальные являются „не-нами", так что кореец называет Корею „мы", а Англию, Францию, Америку и т. д. – „не-мы"... класс пролетариата называет пролетариев „мы", а помещиков, капиталистов и прочих – „не-мы"; помещики и капиталисты называют своих „мы", а пролетариев – „не-мы". По мере расширения контактов „не-нас" с „нами", борьба „нас" против „не-нас" становится все более ожесточенной, она не прерывается ни на день» [84, с. 440].

Таким образом, Син Чхэхо, как и Пак Ынсик, рассматривает исторический процесс через призму противоборства между „нами" и „не-нами", которое он объявляет „движущей силой истории". При этом, однако, Син Чхэхо оговаривается: такое противоборство „применительно к историографии означает утверждение духа самостоятельности, а вовсе не проповедь вражды со всеми" [84, с. 441].

Проанализировав наследие корейской традиционной историографии, Син Чхэхо, по мнению Ким Ёнсопа, заключил, что история станет подлинной наукой лишь после научной критики источников, лишь после перехода к объективному изложению фактов. Существенный недостаток старого корейского летописания он видел в намеренном игнорировании целых эпох (в частности, древнейшей истории), в порочном под-

ходе к проблемам исторической географии („Вся история Кореи, – негодует Син Чхэхо, – загнана на Корейский полуостров!" [84, с. 442]), в невнимании к деятельности многих выдающихся личностей. Эти пороки, по мнению Син Чхэхо, присущи произведениям как китайской, так и корейской традиционной историографии. Особенно пагубную роль, согласно Син Чхэхо, сыграла китайская историография ввиду ее преобладающего влияния на всю конфуцианскую летописную традицию, на принципы и методы старого корейского историописания; она „сделала субъектом истории царей, а не жизнь нации и деятельность народных масс" [84, с. 441 – 442]. Син Чхэхо требовал от корейских историков первой трети XX в. расширить круг используемых источников (например, привлекал эпиграфические данные), существенно повысить доказательность источниковедческого анализа: „Не просто пересказывать старинные летописи, а выявлять подлинные события, скрытые за сообщениями источников, за деяниями отдельных личностей увидеть движение эпохи и общества" [84, с. 442 – 443].

Излагая эти взгляды Син Чхэхо, Ким Ёнсоп подчеркивает, что последний „субъектом исторического процесса признавал нацию, прежде всего народные массы, поскольку именно народ нес на своих плечах основную тяжесть борьбы за независимость страны, против японского империализма"[84, с. 444]. Такая позиция обусловила определенные выводы и в сфере социальной политики. Так, в „Манифесте корейской революции" Син Чхэхо не только открыто призывал к политической революции, к насильственному свержению разбойничьего японского колониального режима, к наказанию коллаборационистов, но и ставил задачу социальных преобразований [84, с. 445].

Идейно-политические воззрения Син Чхэхо, его взгляды на историю анализировал также другой южнокорейский ученый – Ан Бёнджик. Свою работу Ан Бёнджик предваряет важным замечанием: „Если до 1919 г. революции в угнетенных империализмом странах равнялись на образцы буржуазных революций в западноевропейских странах, то революция в России (Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. – *М. П.*) дала пример нового типа революции, направленной также и на освобождение угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран" [52, с. 450]. Таким образом, по мнению Ан Бёнджика, к 1919 г. международное положение, на фоне которого развивалось корейское национально-освободительное движение, благодаря Октябрьской революции в России коренным образом изменилось. Старая (т. е. буржуазная) демократия не являлась более единственным ориентиром развития колониальных стран, поэтому в Корее „зародился новый демократический национализм народных масс, который, сплачивая союз рабочих и крестьян с национальной буржуазией, ставил задачу построения нового демократического государства" [52, с. 452]. При этом Ан Бёнджик явно преувеличивал революционную роль корейской национальной буржуазии, ее значение в жизни корейского общества, игнорировал тот факт, что корейская буржуазия как класс еще была крайне слабой. Но, так или иначе, обращает на себя внимание стремление автора рассмотреть все этапы идейной эволюции Син Чхэхо (от просветителя, сторонника конституционной монархии до буржуазного революционера) в связи с коренными изменениями в международном положении, происшедшими под могучим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Степень и глубина этого влияния на взгляды Син Чхэхо обусловливались тем, что в его жизни и творчестве доминировали интересы борьбы за национальное освобождение Кореи. Изучая историю Мартовского восстания 1919 г., в котором принимали участие самые широкие слои населения, он пришел к выводу, что народные массы являются ведущей силой антияпонского сопротивления. Как отмечает Ли Маннёль, для Син Чхэхо, „абсолютного противника компромиссов", выступавшего под боевым девизом „железом и кровью" [82, с. 454], единственным принципом и методом движения за независимость являлась революционная борьба при участии широких народных масс. Син Чхэхо называл свое время эпохой империализма и национализма. При этом он трактовал империализм как одну из форм националистической политики, следуя которой западные державы и Япония осуществляли территориальные захваты. В странах, которые стали объектами колониальной экспансии империализма, согласно Син Чхэхо, в свою очередь, формируется „антиимпериалистический национализм". Неуклонное следование принципам этого „антиимпериалистического национализма" Син Чхэхо считал наиболее эффективным методом защиты независимости каждой данной страны перед лицом империалистических поползновений [82, с. 455][21].

Уточняя понятие „нации", Син Чхэхо определял ее прежде всего как „расу, основанную на кровном родстве" [52, с. 455]. Поскольку борьба „наций-рас" была для Син Чхэхо движущей силой всемирно-исторического процесса, его неравномерность он объяснял именно перипетиями этой борьбы. Ее исход, как усиленно подчеркивает Ан Бёнджик, обусловливали только случайности географического положения и исторической ситуации, а отнюдь не отвергавшийся Син Чхэхо фактор расового и национального превосходства. Впрочем, Син Чхэхо был далек от вполне материалистического объяснения исторического процесса. „Процветание национального государства, – писал он, – зависит прежде всего от состояния духа нации, который определяет силу ее внутреннего единства, ее способность бороться с агрессией извне" [52, с. 457]. Ан Бёнджик, однако, пытается затушевать столь очевидно идеалистический подход к проблеме исторического развития, подчеркивая, что Син Чхэхо все же считал необходимым исследовать материальные условия жизни общества для установления закономерностей его эволюции. В частности, Син Чхэхо писал: „Основную часть исторического повествования должны занимать описание национальной одежды и жилища, местной кухни, уровня развития сельского хозяйства и ремесел, системы землепользования, денежной системы, фискальной политики, принципов организации экономической жизни, а также демографический очерк" [52, с. 455]. Син Чхэхо утверждал даже, что отдельная личность – это продукт социального развития, тесно связанный с реальными условиями общественной жизни [52, с. 456], в связи с чем уровень развития нации зависит и от удельного веса и степени влияния определенных общественных групп внутри данной нации. Развивая эту мысль, Син Чхэхо приходил к выводу, что общество делится на классы [52, с. 457 – 458]. Однако Ан Бёнджик признавал, что понятию „класс" Син Чхэхо придавал смысл, отличающийся от значения этого термина в марксистской общественной науке. Да и сами противоречия между классами занимали в мировоззрении Син Чхэхо явно подчиненное место по сравнению с противоречиями национальными, по сравнению с задачами борьбы за национальную независимость. Действительно, „ведущим классом" он считал „ту часть общества, которая в данный момент наибо-

лее полно и верно отражает интересы нации и тем самым является основным носителем и выразителем ее духа" [52, с. 459]. Эти особенности социально-политических взглядов Син Чхэхо не могли не сказаться на его интерпретации экономического и политического развития Кореи в предколониальный и колониальный периоды.

Южнокорейские историки выделяют два этапа эволюции общественно-политических взглядов Син Чхэхо, связывая ее с изменением целей и путей корейского национально-освободительного движения: 1905 – 1919 гг. и 1919 – 1936 гг. До Мартовского восстания 1919 г. Син Чхэхо считал, что корейская национальная буржазия еще не достигла достаточной степени зрелости, поэтому „делью национального движения мог быть лишь компромисс с феодальными силами и установление конституционной монархии, после чего становилось возможным строительство общества, соответствующего начальной стадии западного капитализма" [52, с. 452]. Анализируя такие явления данного этапа освободительного движения, как „кэхва уидон", монархическое движение „Ыйбён", Син Чхэхо видел их слабость в отсутствии достаточной опоры в массах. Тем более эта слабость была свойственна террористическим группам, действовавшим в первое десятилетие XX в. (боевые организации Ан Чунгына, Ли Джэмёна и др.). Отсутствие массовой базы у национально-освободительных организаций в тот период Син Чхэхо непосредственно связывал с незрелостью национальной буржуазии, которая тем не менее претендовала на гегемонию в освободительном движении с бо́льшим основанием, чем другие классы и прослойки корейского общества.

После 1919 г. положение изменилось, изменилась и точка зрения Син Чхэхо. „Феодальные силы, – писал он, – не только не поддержали (в марте 1919 г. – *М. П.*) и не поддерживают национально-освободительное движение, но и превратились в союзника японского колониального режима" [52, с. 453]. Отрицая возможность „строительства демократического государства в условиях колонии и полуколонии" [52, с. 465] главным образом ввиду невозможности развития капитализма исключительно в интересах угнетенной нации, Син Чхэхо утверждал, что в связи с этим буржуазия утратила ведущее положение в национально-освободительном движении. Он разоблачал также несостоятельность автономистских лозунгов, выдвигавшихся компрадорской верхушкой, так как при сохранении экономического господства империализма невозможны были ни подлинная самостоятельность, ни беспрепятственное развитие национальной культуры [52, с. 468 – 469].

В таких условиях право на гегемонию в национально-освободительном движении Син Чхэхо отдавал народным массам. „Во главе национального движения, – писал он, – теперь (после 1919 г. – *М. П.*) встали народные массы, которые самостоятельно и последовательно борются за свержение империалистического господства и создание национального государства на новой, демократической основе" [52, с. 466]. Комментируя этот тезис Син Чхэхо, Ан Бёнджик отмечает, что для идеолога корейского буржуазного национализма не имело значения, «какой класс из среды „народных масс" станет руководящей силой революции – рабочий класс или национальная буржуазия. И тот, и другой класс для Син Чхэхо являются частью единого национального лагеря» [52, с. 467]. Ан Бёнджик высоко оценивает демократизм общественно-политической позиции Син Чхэхо, его боевой, бескомпромиссный лозунг „прямой антиимпериалистической революции народных масс". Вместе с тем он отмечает отсутствие у Син Чхэхо конкретной программы ликвида-

ции многочисленных и глубоко укоренившихся феодальных пережитков. Ан Бёнджик объясняет это обстоятельство как общей слабостью корейской буржуазии, тесно связанной с помещиками, неспособной собственными силами покончить с феодализмом, так и безусловным для Син Чхэхо приматом задач национального освобождения.

Идейно-теоретическое наследие Син Чхэхо подвергается сеульскими политологами тенденциозной трактовке применительно к современным условиям Южной Кореи. Например, „ведущим классом" страны (в духе Син Чхэхо), как уже отмечалось, объявлен „средний класс, идеальный носитель духа нации". Таким образом, пропаганда идей Син Чхэхо служит ныне насаждению националистических настроений. В его трудах особо выделяют высказывания об исключительности корейской нации, „призванной к великим свершениям, нации, которой под силу то, чего не достигнут другие нации" [52, с. 458]. Кроме того, современные южнокорейские политологи претендуют на роль преемников революционных традиций Син Чхэхо и корейского национально-освободительного движения в целом.

Японская колониалистская историография

В современной южнокорейской исторической литературе значительное место занимает критика японской колониалистской исторической школы, которая с самого начала была призвана оправдать политику колониальной администрации, укрепить колониальный режим. С начала 20-х годов она также противостояла влиянию корейской националистической историографии [82].

Активность японских ученых-корейстов колониалистского направления возросла после Мартовского восстания 1919 г. и в связи с патриотической общественной и научной деятельностью Пак Ынсика и Син Чхэхо. Сознавая недостаточность одних полицейских репрессий или запретов на чтение корейской исторической литературы, японские колонизаторы вознамерились противопоставить ей поток „исследований", фальсифицирующих историю Кореи, вызывающих у корейских читателей разочарование в исторических судьбах страны, неверие в ее лучшую будущность. Для этого была создана сеть исследовательских учреждений, в том числе „Общество по составлению истории Кореи" (*Тёсэн си хэнсюкай*) при аппарате японского генерал-губернатора. В трудах этого центра превращение Кореи в японскую колонию представлялось закономерным итогом ее исторического развития, а Япония выдавалась за благодетельницу, которая силой вещей призвана осчастливить корейцев своим „культурным управлением".

Наиболее монументальной публикацией „Общества" стала 37-томная „История Кореи", издававшаяся в 20 – 30-х годах. Уже в ее проспекте откровенно и цинично были определены цели авторов – опорочить корейскую историю, принизить корейский народ. „В отличие от варварских и полудиких народов других колоний, – говорилось в проспекте, – корейцы, издавна привыкшие читать и писать, не отличаются от цивилизованных людей (!). У них не только есть старая историческая литература, но и создается немало новых книг. Однако первым недостает связи с современностью, они лишь вызывают горечь, порождая иллюзорные мечтания о независимости. Авторы же вторых ограничиваются освещением японо-китайской и русско-японской борьбы за Корею в

новое время. Что касается сочинений, написанных одним корейцем за границей (т. е. Пак Ынсиком, – *М. П.*), то они искажают истинное положение дел и сеют сумятицу. Однако вместо того, чтобы запрещать вредоносные старые и новые книги, видимо, будет более целесообразно в противовес им создать правильные (?) исторические исследования" [82, с. 507].

Характеризуя изданную японскими колонизаторами „Историю Кореи", сеульский ученый Ким Ёнсоп отмечает: «Видимо, для большей „убедительности" авторы и редакторы этого труда замыслили его как собрание документов и первоисточников. „История Кореи", изданная японскими колонизаторами, явно рассчитана на последующее использование в качестве источника при написании других исторических книг, особенно за рубежом Кореи, там, где не могут пользоваться первоисточниками. При этом документы и иные материалы для „Истории Кореи" были подобраны столь тенденциозно, что она не могла не внести вклад в идейное обоснование и укрепление японского колониального режима. Разумеется, изучению подлинной истории страны эта книга служить не может» [82, с. 508].

В наиболее обобщенном виде колониалистская концепция истории Кореи была представлена в анонимной брошюре „На историческом пути Кореи", изданной в 1936 г. по случаю 25-летия японского колониального режима в стране[22]. Суть ее такова. Во-первых, отрицается самостоятельный характер корейской истории, проводится идея вечного колониального положения Кореи (ее придерживались Инаба Ивакити и другие японские историки). Так, первые корейские государства представлены ханьскими колониями, а легендарным „основателем" Древнего Чосона признается не Тангун, а выходец из древнекитайского царства Инь Ки Джа. Вместе с тем в брошюре подчеркнуто много внимания уделено „культуртрегерской миссии" Мимана (Имна), японской общины в южной части Кореи; муссируются утверждения о вассальной зависимости корейских государств Пэкче и Силла от Японии. Для обоснования указанной концепции начисто отрицается факт существования в Корее палеолитических культур, а возникновение государств Силла и Пэкче отнесено к очень поздним датам. При этом древние корейские источники преднамеренно игнорируются автором брошюры, который обращается только к китайским летописям.

Во-вторых, в брошюре отрицается самобытный характер корейской культуры, которая якобы всегда равнялась на иностранные образцы, а потому являлась неполноценной. В-третьих, явно преувеличивается роль военного давления со стороны императорского Китая, значение принципа „садэджуый" в корейской внешней и внутренней политике, замалчиваются факты героической борьбы против войск Суйской, Танской и Юаньской династий, против японских агрессоров в 1592 – 1598 гг. В-четвертых, обходятся вниманием проблемы социального, экономического и культурного развития страны в угоду колониалистскому тезису о „застойном характере" корейской истории. Наконец, нарочито пунктуальное изложение на страницах брошюры всех перипетий придворных интриг, борьбы клик и междоусобий призвано было представить Корею „больным человеком на Дальнем Востоке", изобразить ее страной, обреченной стать японской колонией.

Ли Маннёль, анализируя наиболее типичные концепции корейской истории, выдвинутые японскими учеными колониалистского направления, особо выделяет утверждения о несамостоятельности исторического процесса в Корее и о его застойном характере. Его обусловлива-

ют, согласно этой концепции, военное давление или культурное влияние извне – ханьцев, монголов, маньчжуров, японцев, – а вовсе не закономерные внутренние факторы развития. Тезис о несамостоятельности корейской истории обосновывался ссылками на то, что якобы издавна север Кореи представлял собой ханьскую „колонию", а на юге преобладало влияние японского государственного образования Мимана. Эта концепция наиболее детально разработана в книге японского историка Ода Сёго [133]. Корея, таким образом, в работах японских историков колониалистской школы предстает неким извечным „совладением" Китая и Японии. Вариантом этой концепции был тезис о „единой, нерасчлененной маньчжуро-корейской истории". Выдвигавшие его реакционные японские ученые преследовали цель „растворить" самобытную корейскую историю в истории ряда народов и племен, взаимодействовавших в обширном регионе Северо-Восточной Азии на протяжении тысячелетий. По словам современного японского историка Хатада Такаси, эта концепция „стала плодом прямой организационной связи японских востоковедов с милитаристскими силами, осуществлявшими территориальную экспансию Японии на Азиатском континенте, хозяйничавшими и в Корее, и в Маньчжурии" [139, с. 188]. Именно в период активного военно-политического проникновения японского империализма на Северо-Восток Китая, в 1908 г., при Управлении ЮМЖД был создан Комитет по изучению Маньчжурии и Кореи. В его работе участвовали такие японские ученые, как Сиратори Куракити, Сэннай Ватару, Мацуи Хитоси, Инаба Ивакити, Икзути Хироси, Цуда Сокити, создавшие серию работ по истории, географии и исторической географии Кореи и Маньчжурии. Сам термин „маньчжуро-корейская история", введенный Инаба Ивакити, с одной стороны, подводил „научную базу" под попытки Японии оторвать Северо-Восток от остального Китая, а с другой стороны, подтверждал тезис о „несамостоятельности" истории Кореи[23].

К теории „несамостоятельности" корейской истории примыкает концепция о ее „периферийном" характере, обусловливаемом якобы исключительно географическим положением Корейского п-ова, который „на протяжении тысячелетий воспринимал волны всесторонних внешних влияний" [137а, с. 103]. Эту концепцию сформулировал и развивал Мисина Сёзй, утверждавший, будто «Корея постоянно служила объектом военного, политического и идейного воздействия извне. В этих условиях принцип „садэджуый" помогал сохранять хотя бы ограниченную суверенность корейского государства. Однако в силу этого принципа перемены в [правящих верхах] любого соседнего государства порождали и на Корейском п-ове междоусобную борьбу политических сил, ориентировавшихся на внешние силы» [117, с. 190]. Мисина утверждал также, что „корейская нация постоянно нуждается в опоре на иностранную державу, т. е. в условиях XX в. – на Японию" [75, с. 188]. Комментируя эти тезисы Мисина, Ли Маннёль считает, что они продиктованы не только стремлением оправдать агрессивную политику японского империализма, но и подорвать „дух самостоятельности" корейской нации, привить ей комплекс неполноценности [82, с. 518].

Другая основополагающая концепция колониалистской историографии – теория „застойности" корейской истории – сводится к утверждению, что никакие политические перемены в Корее на протяжении тысячелетий не затрагивали ее социально-экономического строя, который так и не достиг якобы уровня зрелого феодализма и соответственно не породил предпосылок современного (т. е. капиталистического –

М. П.) общества. Эту концепцию начал разрабатывать в первом десятилетии XX в. японский экономист Фукуда Токудзо. Еще до русско-японской войны он совершил путешествие в Корею и на основе своих „путевых записок" опубликовал в журнале „Кэйдзайгаку кэнкю" в 1907 г. статью „Экономическая единица и экономическая организация в Корее"[24]. Фукуда утверждал, что уровень социально-экономического развития Кореи конца XIX – начала XX в. соответствовал уровню развития, достигнутому Японией в период до Камакурского сёгуната (1192 – 1333) [82, с. 520]. Выводы Фукуда „углубил" и усугубил другой японский историк, Кида Садаёси (автор превословутой теории об „общих предках японцев и корейцев"), который писал: „Обычаи и образ жизни современных корейцев напоминают Японию периода Хэйан [794–1185]" [82, с. 521]. Точку зрения о „застойности" корейской истории разделял также Иннаба Иваките. Эти фальсификации корейской истории сопровождались восхвалением империалистической политики Японии, которая якобы самой судьбой призвана „спасти гнилое, гибнущее общество, привнести здоровую культуру, осуществить модернизацию отсталого государства, которое само не в состоянии сделать этого" [82, с. 519].

Колониалистские концепции корейской истории, к сожалению имевшие хождение до и в период второй мировой войны, не исчезли и после освобождения Кореи. Например, вернувшийся в 1945 г. на родину бывший профессор Сеульского университета Сиката Хироси в 1952 г. повторял старые тезисы о „полуостровном характере" корейской истории, о принципе „садэджуый" как основе корейской внешней политики, о „застойности" структуры корейского общества в период правления династии Ли, „незрелости" корейского феодализма. Из этих предпосылок Сиката Хироси делает закономерный вывод, что лишь благодаря японскому колониальному господству Корея смогла встать на капиталистический путь развития [172, 1952, № 3, с. 36].

Историографические концепции ученых японской колониалистской школы разделялись и теми корейскими историками, которые находились в стороне от освободительного движения или изменили ему, – Ли Нынхва, Чхве Намсоном, Ан Хваком и другими исследователями. Некоторые их работы, на наш взгляд, представляют определенный источниковедческий интерес, но основное внимание эти историки уделяли популяризации фальсификаторских версий корейской истории.

Наибольшей известностью среди этих историков пользовался Чхве Намсон. Видный просветитель, основатель издательства „Кванмунхве", публиковавшего памятники корейской классической литературы, Чхве Намсон принимал участие в Мартовском восстании 1919 г. С 1920 г. он отошел от национально-освободительного движения, стал сотрудничать с японскими колонизаторами. Будучи членом японского Общества по составлению истории Кореи, он толковал историю страны в выгодном для захватчиков духе. Чхве Намсон, по мнению Ким Ёнсопа, не смог ни дать правильной трактовки основных черт корейской культуры, ни оценить исторического пути, пройденного Кореей. «Неудивительно, что он пришел к пессимистическим заключениям о судьбах нации, – продолжал Ким Ёнсоп. – Призывая к пробуждению национального самосознания и не осмеливаясь в то же время осудить агрессию японского империализма, Чхве Намсон фактически объяснял современную ему [мрачную] корейскую действительность „пороками" самого корейского народа. Странная логика, в соответствии с которой ответственность за агрессию японского империализма возлагается в конечном счете

на жертву агрессии!» [57, с. 448]. „Разновидностью идейного капитулянтства перед японскими колонизаторами" Ким Ёнсоп считает и уже упоминавшуюся „теорию преобразования нации", которая на деле дублировала колониалистские фальсификации корейской истории[25].

Развитие корейской национальной историографии в 30 – 40 годах. Концепции „нового национализма"

Колониалистской историографии японских империалистов и их приспешников противостояла корейская национальная историография. С начала 30-х годов в ней различались три основных течения: „школа социально-экономической истории"[26], позитивистское и националистическое направления. К этим трем течениям примыкали представители академической интеллигенции, преимущественно преподаватели сеульских колледжей (Ёнсе, Посон и др.).

Современные южнокорейские историки буржуазно-националистического направления, многие из которых отдают дань антикоммунизму, как правило, не в состоянии дать объективную научную оценку значения Великой Октябрьской социалистической революции в России для коренного изменения исторических судеб корейского народа, для подъема массового национально-освободительного движения в стране. Марксистско-ленинские идеи открыли перспективу борьбы корейского народа за национальную независимость и социальное раскрепощение, одухотворили коммунистическое движение в Корее. Однако овладение корейскими коммунистами революционной теорией марксизма-ленинизма представляло собой длительный исторический процесс. На первых порах молодое корейское коммунистическое движение, развивавшееся в условиях жесточайших репрессий и коварных маневров японского колониализма, не подошло к теоретическому обобщению исторического опыта освободительной борьбы, к созданию обобщающих трудов по истории Кореи. Неизбежные слабости коммунистического движения усугублялись молодостью и незрелостью корейского пролетариата. Первые научные труды по истории Кореи, написанные на основе марксистской методологии, относятся к 30-м годам и связаны со „школой социально-экономической истории". На зарождение этого направления существенное влияние оказало развитие марксистской общественной мысли в Японии. Именно в токийском издательстве „Кайдзо" были изданы главные труды основоположника „школы социально-экономической истории" Пэк Намуна (1894 – 1983): в 1933 г. „Социально-экономическая история Кореи" [135], а в 1937 г. „Социально-экономическая история феодальной Кореи" [136], оказавшие заметное воздействие на последующую корейскую историографию. Эти труды, положив начало применению марксистской методологии к анализу исторического процесса в Корее, не только покончили с пережитками феодальной историографии (в частности, с „династийным" подходом к периодизации истории), но и способствовали появлению новых тенденций в корейской буржуазно-националистической исторической науке. Ученые-националисты стали уделять значительно больше внимания социально-экономическим проблемам, в то время как прежде традиционной темой их исследований были вопросы политической истории и культурологии. Однако об этом влиянии современные южнокорейские авторы предпочитают умалчивать, чтобы избежать даже упоминания о видных корейских ученых-марксистах, хотя косвенно полемизируют с ними непрерывно.

Касаясь первой из названных работ Пэк Намуна, сеульский историк Син Ёнха отмечал, что ее автор „позаимствовал формулу Моргана для объяснения проблем первобытного общества в Корее. Разве это не было проявлением – в условиях нашей страны – модной тогда во всей Азии идеологической тенденции?" [105, с. 143]. Как видим, южнокорейские историки вынуждены признать, что закономерный процесс распространения марксистских идей затронул и Корею, хотя и третируют его всего лишь как „модную идеологическую тенденцию"!

Некоторые южнокорейские историки отмечали, что для корейской публики книга Пэк Намуна, изданная на японском языке в Токио, была далеко не столь доступна, как, например, произведения Син Чхэхо, печатавшиеся в корейских ежедневных газетах. Все же Ли Усон подчеркивал огромное влияние творчества Пэк Намуна на корейскую интеллигенцию. Многие концепции ученого эффективно нейтрализовали шовинистические тенденции буржуазно-националистической историографии [105, с. 144][27].

Позитивистское течение корейской национальной историографии в предвоенные годы было представлено научным обществом „Чиндан хакхве", основанном в 1934 г. Ли Бёндо, Сон Джинтхэ, Ли Санбэком и другими историками. Деятели „Чиндан хакхве" излагали свои взгляды в издании общества – „Чиндан хакпо", стараясь, по словам Ли Гваннина, „объективно и достоверно осветить факты корейской истории" [105, с. 145]. Конечно, такое стремление к объективности было чрезвычайно важным в условиях, когда японские историки-шовинисты бессовестно фальсифицировали прошлое Кореи. Другой заслугой ученых данного направления сеульский историк Ли Гибэк считает вклад в дело разработки научной критики исторических источников. Тем самым историки-позитивисты, по его мнению, много сделали для того, чтобы превратить корейскую историографию в подлинную науку. Примечательно, что именно к этой школе довоенной корейской историографии Ли Гибэк возводит методологию современной южнокорейской исторической науки. Ли Гибэк отмечает, с другой стороны, что историки-позитивисты, обращая основное внимание на исследование отдельных фактов, „прилагали мало усилий к системному обобщению крупных пластов корейской истории" [105, с. 146]. В целом ни позитивистская историография, ни тем более наследие школы „социально-экономической истории" не стали предметом глубокого историографического изучения южнокорейских историков, которые направили все свои усилия на пропаганду идей националистической историографии 30 – 40-х годов. Рассмотрению идеологических концепций наиболее видных ее представителей посвящена, например, пространная работа Ким Ёнсопа [58].

Непосредственным преемником идей и дела Пак Ынсика и Син Чхэхо, типичным представителем националистического направления корейской историографии считается Чон Инбо (род. в 1893 г.). Конфуциански образованный человек, Чон Инбо после 1910 г. эмигрировал в Китай, где примкнул к национально-освободительному движению. После многолетнего изучения произведений сирхакских ученых (в частности, Чон Инбо обработал и издал полное собрание сочинений Чон Якъёна) в начале 30-х годов он сам написал несколько трудов по истории Кореи. На страницах газеты „Тонъа ильбо" была тогда опубликована его работа „Пятитысячелетняя душа Кореи", посвященная древней истории страны – от Древнего Чосона вплоть до периода Трех государств (исключительно). Чон Инбо категорически отметал, например, утверждения

японских историков колониалистского направления, будто „четыре ханьских округа"[28] якобы располагались к югу от р. Амнокканг [123, с. 376]. Глубоко изучив древние источники, Чон Инбо сделал более убедительной концепцию Син Чхэхо, согласно которой в древности корейская государственность простиралась далеко за пределы Корейского п-ова [58, с. 481].

На основе идеалистической методологии Чон Инбо создал концепцию национальной истории, основанную на вечных категориях нации и национального сознания. Он писал: „Несмотря на сложность и многогранность человеческого общества, его сущность составляет человеческий дух (*инсим*), т. е. сознание человека. Бесчисленные превратности истории в конечном счете соответствуют этапам подъема или упадка человеческого духа. Его стержнем, в свою очередь, является душа (*оль*), благодаря присутствию души на всей протяженности истории можно проследить основную линию ее развития, которая подобна телу дракона, выступающему из облаков. Наше бережное отношение к историческим достопримечательностям и наша любовь к истории объясняется только тем, что история является порождением души нации, соединяющей воедино тысячи и десятки тысяч поколений" [123, с. 27 – 28]. Короче говоря, согласно Чон Инбо, не дух является порождением материи (в данном случае истории), а материя – творение духа или души. Исследование исторических памятников, изучение исторических фактов, если они не подчинены выявлению души нации, Чон Инбо считал бессмысленным занятием. Душа нации, согласно Чон Инбо, является и хранительницей исторической преемственности: „Прошлое не исчезает навеки, но живет в нашей (т. е. корейской. – *М. П.*) нации." [123, с. 31]. Одним словом, изучение истории у Чои Инбо подчинено задачам современности, призвано на деле утвердить „самостоятельность" корейской истории и в конечном счете – независимость страны (хотя прямо эту цель ученый не формулирует).

Другим видным представителем националистической историографии был Ан Джэхон (1891 – 1965), участник Мартовского восстания 1919 г., позднее – известный историк. В 30-х годах принимал активное участие в издании сочинений сирхакских ученых, на страницах редактируемой им „Чосон ильбо" печатались произведения Син Чхэхо. Вклад Ан Джэхона в изучение древней истории Кореи Ким Ёнсоп видит в том, что „линию преемственности нашей истории от Древнего Чосона Тангуна до периода Трех государств он научно осмыслил как процесс социальный, как процесс развития древнекорейского общества. Достойно внимания, что Древний Чосон Ки Джа он считает легитимным преемником Древнего Чосона Тангуна, а не уделом китайца Цзи Цзы. Древний Чосон Ки Джа для Ан Джэхона это и очередной этап социальной эволюции древней Кореи. Такой взгляд, – утверждает Ким Ёнсоп, – и сегодня без всяких дополнений может служить основой строго научного изучения древнекорейского общества" [57, с. 480 – 481]. На методологии Ан Джэхона, по мнению Ким Ёнсопа, сказалось и влияние „школы социально-экономической истории", поскольку ученый внес в свой анализ древнего общества категории социальных противоречий [57, с. 482]. Разумеется, Ан Джэхон отвергал проповедуемую этой школой классовую точку зрения на исторический процесс. Он обвинял историков указанного направления в „догматическом и формалистическом взгляде" на корейскую историю. Тем не менее, понимая значение классовой борьбы и опасаясь ее, он стремился свести к минимуму и притупить

классовые противоречия в корейском обществе. Плодом этих усилий стала выдвинутая Ан Джэхоном концепция „нового национализма", призванная, по словам Ким Ёнсопа, „утвердить внутри страны демократию и ликвидировать взаимную конфронтацию и вражду между различными социальными слоями, составляющими нацию, а вовне – укрепить независимую позицию по отношению ко всем нациям" [57, с. 482].

Единомышленником Чон Инбо и Ан Джэхона был другой представитель националистической историографии – Мун Ильхён (1888 – 1939). Участник национально-освободительного движения, политический эмигрант, по возвращении в Корею он занимался педагогической и журналистской деятельностью. На страницах издававшейся им газеты „Чосон ильбо" было опубликовано большинство его исторических работ. Развивая националистические идеи Син Чхэхо о борьбе между „нами" и „не-нами" как основной движущей силе исторического процесса, он стремился проанализировать современную ему действительность колониальной Кореи. Источником силы нации он, как и Син Чхэхо, считал идеологические факторы, поэтому считал актуальным возрождение национальной культуры и „духа нации" [57, с. 484]. Яркий публицистический дар, простота и ясность стиля, доступность для широких масс его произведений, противостоящих колониалистской японской историографии, придавали, по мнению Ким Ёнсопа, историческое значение сочинениям Мун Ильхёна. Но, чтобы достаточно разработать научные аргументы против фальсификаторских версий японских колонизаторов, потребовались усилия последующих поколений историков националистического направления. Так, ученик Мун Ильхёна, воспитанник колледжа Ёнсе[29] Хон Исоп (1914 – 1974) еще в 40-х годах приступил к созданию первой обобщающей работы по истории одной из отраслей национальной культуры. Его „Чосон квахакса" [121], по словам Ким Ёнсопа, выходила за рамки собственно истории науки и систематически освещала различные стороны многовекового развития всего корейского общества. В своем труде Хон Исоп связывал процесс развития корейской истории как с социальной эволюцией нации, так и с мировой историей в целом. Хон Исоп отмечал, в частности, что история науки должна изучаться в тесной связи с жизнью народных масс и процессом изменения социальной структуры, „составляющим фундамент ее собственного изменения и развития" [121, с. 3][30].

Определенная идейная эволюция историков буржуазно-националистического направления в предвоенные годы и в период второй мировой войны, на наш взгляд, явно свидетельствует об их стремлении приспособиться к изменяющимся историческим условиям и учесть, в частности, возрастающую роль народных масс в национально-освободительном движении. Эта эволюция отражала также факт растущего влияния идей марксизма-ленинизма на корейское общество. Косвенным отражением этого влияния наряду с появлением школы „социально-экономической истории" являлось и возникновение историографического направления „нового национализма". Его концепции первым сформулировал Ан Джэхон, а затем их развил Сон Джинтхэ (1900 – 1950).

Преподаватель колледжа Ёнсе, известный своими исследованиями в области этнографии и древней литературы, Сон Джинтхэ после начала войны на Тихом океане приступил к написанию обобщающих работ по истории Кореи в духе идей „нового национализма" [101б, с. 18]. В предисловии к „Чосон минджокса кэрон" Сон Джинтхэ отвергал „старый национализм феодального и капиталистического периодов,

рассчитанный лишь на то, чтобы именем нации замаскировать захват и удержание власти и богатства правящим классом". В то же время, по мнению Сон Джинтхэ, „истинный национализм единственно призван служить счастью всех слоев нации" [57, с. 490]. И далее: „Когда все представители нации в политическом, экономическом, социальном и культурном отношениях будут обладать одинаковыми правами, обязанностями, социальным положением, будут жить счастливо, лишь тогда могут быть осуществлены идеалы подлинного национализма, только тогда будут достигнуты согласие и сплоченность нации. О том, что при фальшивом национализме все это невозможно, ясно свидетельствуют и история, и сегодняшняя действительность. Без единения нации невозможны ни полный суверенитет, ни независимость нации, невозможен никакой вклад нации в развитие мировой истории и культуры" [57, с. 491 – 492]. „Открытый" в отношении других народов, „дружественный" ко всем социальным слоям, такой „новый национализм" Сон Джинтхэ называл также „демократическим национализмом". Оборотной стороной указанной концепции является отрицание классовой борьбы, неприемлемой для Сон Джинтхэ не потому, что она не устраивала имущие классы, а оттого только, что „жизнь класса короче, чем долгая жизнь нации". Незамысловатой софистикой он пытался скрыть глубокие корни таких основополагающих социальных явлений, как классы и классовая борьба. Признавая заслуги Пэк Намуна в идейном развенчании феодальной историографии, Сон Джинтхэ упрекал его в том, что <он чрезмерно усердно выискивал эксплуатируемые классы, но пренебрегал насущными проблемами нации; интересовался только одной стороной „нас самих", игнорировал нацию в целом> [57, с. 493].

Творческую оригинальность Сон Джинтхэ как историка Ли Гибэк усматривал в том, что этот исследователь, по его мнению, не разделял идеалистических трактовок корейской истории, господствовавших в националистической историографии предшествовавших десятилетий, а стремился разработать новый, критический взгляд на прошлое Кореи. Он обогатил националистическую историографию достижениями позитивистской школы (поскольку объективно рассматривал факты) и школы „социально-экономической истории" (так как серьезно относился к вопросу о классах). Концепция „нового национализма", в создании которой Син Джинтхэ внес решающий вклад, предусматривала „спасение нации посредством предотвращения классовых трений и борьбы за власть в стране" [77, с. 533], хотя утопичность подобных методов, недостижимость таких целей вполне очевидны. Однако именно идея примирения интересов классов во имя национального единства, пронизывающая теорию „нового национализма", делает это направление буржуазно-националистической историографии особенно привлекательным как для сеульских властей, так и для многих современных южнокорейских историков. Понятна соответственно и популярность в Южной Корее имени Сон Джинтхэ, который, по признанию Ли Гибэка, „все исторические факты, связанные со всеми национальными битвами, классовой борьбой и событиями политической и культурной жизни, подвергал критике и оценивал с точки зрения интересов нации" [73, с. 527].

Концепция „нового национализма" была развита в трудах историка Ли Инъёна [81а]. Критикуя и чисто эмпирическое изучение истории, и так называемое „стремление подогнать историю под готовые схемы", он призывал тщательно изучать факты, соотнося их с ходом мировой

истории и социальных процессов внутри нации. В работах его учеников история Кореи рассматривалась даже в контексте развития и смены социально-экономических формаций [57, с. 495].

Однако успех и признание пришли к историкам „нового национализма" уже в послевоенной Южной Корее. В условиях жесточайших репрессий со стороны японских империалистов историки-националисты не решались открыто выступить против колониалистской историографии. Все же ими были поставлены такие важные задачи, как изучение истории Кореи в контексте всемирно-исторического процесса, исследование отдельных этапов социальной эволюции корейского общества и т. д.

Попытку подвести итоги развития националистической историографии в колониальный период, сформулировать ее сегодняшние задачи предпринял Кан Мангиль [55]. Он пишет, что в первой половине XX в. самой важной задачей, стоявшей перед Кореей, было восстановление государственной независимости. Достижению этой цели, по его мнению, весьма способствовала деятельность историков-националистов. Ныне первоочередная цель корейской нации — объединение страны. Решить эту задачу, согласно Кан Мангилю, можно, также опираясь на идейный потенциал националистических историков 20 — 40-х годов, на концепции „нового национализма" [55, с. 545 — 546].

На наш взгляд, Кан Мангиль явно преувеличивает роль историков-националистов в корейском освободительном движении. Ведь националистическая историография представляла собой не какое-то самостоятельное явление, будучи лишь одной из сфер общественной деятельности корейской национальной буржуазии, всячески приспосабливавшейся к японскому колониальному режиму. Национальная буржуазия оказалась неспособной возглавить национально-освободительное движение и привести его к победе. Она не сумела внести сколько-нибудь заметный вклад в дело освобождения Кореи, а после 1945 г. привела Южную Корею в зависимость от империализма США. Эту незрелость и слабость национальной буржуазии неизбежно отражала и корейская буржуазно-националистическая историография. В современной Южной Корее она является идейным оружием буржуазного национализма и антикоммунизма. Интерпретация творческого наследия основоположников националистической историографии подчинена и политическим целям сеульского режима — борьбе против КНДР, против социализма на корейской земле.

Глава 3

ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

Специфические условия соревнования двух социально-политических систем на Корейском п-ове не могут не привлекать внимание к развитию буржуазно-националистической исторической науки в Южной Корее, кореведческим исследованиям в странах Запада. Наблюдаемый в последние десятилетия „бум" в области буржуазного кореведения (прежде всего в сфере истории Кореи) связан со стремлением защитников современного капитализма использовать эту отрасль общественных наук в целях идеологической борьбы против сил социализма на корейской земле и во всем мире, для оказания влияния на выбор пути социально-экономического развития молодыми государствами Азии и Африки. В течение ряда лет многомиллионные ассигнования фонда Рокфеллера, фонда Форда и других идеологических центров американского империализма отпускались на организацию различных исследований и публикаций по общественным наукам в Южной Корее. Благодаря этим субсидиям были осуществлены переиздания письменных памятников корейской культуры (в том числе таких монументальных произведений, как хроника династии Ли „Чосон ёктэ ванджо силлок" опубликованы 30-томная „История Кореи" [114], многотомная „История Кореи", написанная членами исторического общества „Чиндан" [115], созданы крупные исследовательские институты при Сеульском университете, при университетах Корё, Ёнсе и др. Сотрудники этих центров широким фронтом изучают не только вопросы корейской истории и традиционной культуры, но и самые злободневные внутри- и внешнеполитические проблемы, стоящие перед Южной Кореей и другими странами Азии.

В 70-х годах развернулась подготовка специалистов по кореведению, а также соответствующая научно-исследовательская работа в США и других капиталистических странах. Подобные исследования ведутся почти во всех крупных университетах США – Гарвардском, Принстонском, Пенсильванском, Колумбийском, Мичиганском, Калифорнийском университете в Беркли и др. Крупный научный и учебный центр при Гавайском университете в Гонолулу координирует исследовательскую деятельность по кореведению не только в США, но и в других странах Запада. Этот кореведческий центр обменивается информацией, профессорами и студентами с университетами ряда стран (Японии, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Швеции), где издавна велись или вновь налаживаются исследования в области социально-политических, экономических и других проблем Кореи[1]. К исследовательской работе в США широко привлекаются ученые из Южной Кореи, которые также активно участвуют в соответствующих научных конференциях, симпозиумах и семинарах. Совместный Американо-южнокорейский координационный орган по кореведческим исследованиям (ILCORK) призван обеспечить согласованную деятельность американских и южнокорейских научных учреждений.

С 1971 г. в США ведутся работы по организации „Информационной системы для преподавания и исследования по Корее" (Information system for teaching and research on Korea; INSTROK), которая призвана „облегчить ученым, преподавателям и правительственным учреждениям доступ к возрастающим по объему материалам о Корее" [178, 1971, № 1, с. 155].

Обратимся к основным проблемам современной буржуазной южнокорейской историографии. Прежде всего внимание южнокорейских историков обращено на изучение различных аспектов национализма и идеологии национальных движений в Корее и других азиатских странах, на обоснование современных националистических концепций, на оправдание антикоммунистической политики правящих кругов Южной Кореи. Выявлению самобытности корейской истории и культуры была посвящена, например, научная конференция Института национальной культуры при университете Корё, проходившая в 1971 г. под девизом „Настоящее и будущее в изучении национальной культуры" [112]. По мнению участников конференции, превознесению корейской самобытности должно быть подчинено изучение истории не только Кореи, но и сопредельных с ней стран — Китая и Японии [174, 1972, № 1, с. 48]. Именно с этой целью в том же году были организованы „Востоковедные чтения" при университете Тангук. Целям изыскания „самобытности", разработке „научных основ" идеологии южнокорейского буржуазного национализма служили и такие мероприятия, как первый международный семинар по корееведению (сентябрь 1969 г.), проведенная совместно Институтом по изучению азиатских проблем при университете Корё и Американской ассоциацией общественных наук международная научная конференция в Гонолулу (июнь 1971 г.) [119, с. 239]. Работа многих научных конференций в Южной Корее направлялась в русло откровенной антикоммунистической пропаганды, служила повышению международного престижа сеульского режима.

Одной из первых мер кампании по внедрению принципа „национального субъективизма" (подробнее см. гл. 1) в историческую науку стало учреждение комитета по составлению национальной истории при министерстве культуры и просвещения. Именно под эгидой этого комитета издавались многочисленные собрания исторических источников, пятитомная „История движения за независимость Кореи" [113], а также упомянутая многотомная „История Кореи". В числе первых обобщающих трудов, освещающих историю Кореи с точки зрения „национального субъективизма", следует назвать книгу Ли Гибэка „Новая трактовка истории Кореи" [78] и „Историю Кореи" Хан Угына [110]. Своей заслугой Ли Гибэк считает, например, очищение истории Кореи от фальсификаторских наслоений. „История Кореи, — указывает Ли Гибэк, — есть история самой корейской нации, развивавшейся, конечно, не в вакууме, а в обстановке внешнего давления и культурных влияний, на которые нация непрерывно реагировала" [78, с. 5]. Один из рецензентов книги Хан Угына отмечал, что „рассмотрение автором хода национальной истории подчинено принципу национального субъективизма", благодаря чему решительно отметаются навязанные извне колониалистские концепции „застойного, зависимого характера корейской истории" [172, 1971, № 60, с. 150—152]. Достоинством труда Хан Угына является также попытка периодизации истории страны по определенным этапам ее социально-экономического развития, подробное рассмотрение социальных перемен и крупнейших народных движений.

Последние десятилетия отмечены ростом числа периодических и других изданий, разрабатывающих проблемы истории Кореи. Наряду с историческими журналами „Чиндан хакпо" (основан в 1934 г.), „Ёксa хакпо" (выходит с 1952 г.) появился ряд новых журналов общеисторической тематики – „Сахак ёнгу", „Асеа ёнгу" (в 1958 г.), „Хангукса ёнгу" (в 1968 г.), – и специализированных изданий по археологии, этнографии, истории искусства и др. Несколько журналов (в том числе „Journal of Korean studies") издается на иностранных языках[2].

Выяснение разностороннего влияния всех оттенков и направлений идеологии буржуазного национализма на южнокорейскую историографию, отразившегося во всех этих изданиях, потребовало бы изучения громадного фактического материала (остающегося, как правило, недоступным для советских ученых), многолетних коллективных усилий многих историков. Поэтому в настоящей главе мы поставили крайне ограниченную задачу – рассмотреть некоторые черты националистических концепций по вопросам истории, изложенных в наиболее известных южнокорейских изданиях: „История Кореи", изданная обществом „Чиндан", „История корейской культуры", „История движения за независимость". Основное внимание мы уделим сформулированным в названных работах трактовкам таких проблем, как сущность нации и „национальной истории", роль внешних факторов в истории Кореи, зарождение, развитие и цели национально-освободительного движения в стране.

Нация и „национальная история"

Для буржуазно-националистического подхода к трактовке категории нации характерно стремление представить ее однородной массой, объединенной общностью исторических судеб и культуры. Характерно, однако, что, превознося „самобытность" и иные достоинства корейской нации, многие буржуазные историки все же избегают крайних форм национализма, граничащих с расизмом и нацизмом. Более того, эти расистские крайности подвергаются осуждению. Один из авторов „Истории корейской культуры", Ким Чонхвак, например, пишет: «В течение долгого времени человечество (?) придерживалось догм о превосходстве одних наций и неполноценности других. Нации, создавшие древнюю цивилизацию, уже в незапамятные времена выражали чувства национального превосходства. Так, например, было с греками, римлянами и китайцами. Но подобные догмы национального превосходства можно наблюдать не только у древних народов... В самом недавнем прошлом родилась „теория" нацистов о превосходстве германской нации и расистская версия о происхождении японцев от богини Аматэрасу. Но ведь вплоть до V века н. э. римляне называли германцев варварами, точно так же как китайцы и корейцы вплоть до нового времени презирали японцев. И если проблема нации становилась объектом исторических изысканий, то делалось это ради подкрепления именно таких догм национального превосходства. Так, до второй мировой войны даже японские ученые утверждали, что Япония – божественная страна, а японцы – божественная нация. При этом запрещались любые исследования, которые могли бы противоречить этой версии происхождения японской нации» [63, т. 1, с. 318]. Отметив, что перелом в трактовке этого вопроса произошел лишь после разгрома империалистической Японии во второй мировой войне, Ким Чонхвак критикует также и мифологи-

ческие концепции корейского национализма начала XX в.: «Когда прежние корейские историки рассматривают проблему нации, они нередко обращаются к мифу о Тангуне, „предке" корейцев. Но ведь это совершенно равнозначно мифу о происхождении японцев от Аматэрасу. Утверждение, будто Тангун был родоначальником корейской нации и основал 4200 лет назад [Древний] Чосон, это, несомненно, миф. Но миф не был истолкован с научной точки зрения, поскольку существовала также жгучая, не терпящая отлагательств проблема национального самосознания корейцев. Именно поэтому мифы о Тангуне стали интерпретировать как исторический факт» [63, т. 1, с. 320–321]. Ссылаясь на свою статью „Миф о Тангуне и тотемизм" [170, 1954, № 7, cl 26], Ким Чонхвак напоминает, что мифы могут служить лишь материалом для изучения, источником знаний о воззрениях древних, ибо, „как показывает пример Японии, интерпретация мифа как исторического факта, тем более в националистическом духе, может стать серьезным препятствием для научного изучения вопроса о происхождении нации; кроме того, миф легко может быть истолкован в расистском духе, с целью подтверждения превосходства своей нации, как это было с Японией. Миф о [корейской] нации, происходящей якобы от небожителя Тангуна, воплощает идею национального превосходства. Между тем любая расистская идея, преувеличивающая преимущества или недостатки любой нации, антинаучна. Человечество в целом находится ныне на приблизительно одинаковой фазе развития; существующие различия в уровне культуры разных народов обусловлены исторически, а не вызваны неким сверхъестественным национальным превосходством или неполноценностью. Изучая историю формирования корейской нации, мы не стремимся к каким-либо расистским выводам" [63, т. 1, с. 322].

Конечно, можно только приветствовать такую позицию Ким Чонхвака, если только за нею не скрывается более утонченная проповедь национализма. Хотя автор и отмечает недостаточность археологических и антропологических данных о предках современных корейцев, в его работе намечена общая линия буржуазно-националистических историков – представить корейскую нацию единой общностью, непрерывной и без коренных изменений существующей с древнейших времен.

Ким Чонхвак, подобно своим единомышленникам, расширительно интерпретирует термин „нация", применяя его к таким неадекватным явлениям, как „народ", „народность" и собственно „нация". Попытку расчленить всеобъемлющий термин „нация" и выделить из него такое исторически определенное понятие, как „народность", впервые в Корее предприняли историки-марксисты в обобщающем труде, созданном Институтом истории АН КНДР [28]. Что же касается южнокорейских буржуазных ученых, то лишь немногие из них трактуют понятие „нация" в качестве термина для обозначения этносоциальной категории определенной исторической эпохи. Так, историк Ли Санбэк пишет: „Часто говорят, что нация является порождением экономических отношений нового времени. Полагают, что на Западе она сложилась одновременно с ликвидацией феодального строя и зарождением капитализма, а в Азии – более специфическим путем. Так, например, в Индии гнет иностранного капитала превратил различные племена в нацию, а в Китае, где очень давно сложилась этническая общность ханьцев, только последствия опиумных войн и рост национального капитала породили национальное движение, и в результате огромное 400-миллионное население сформировалось в нацию. А что касается Кореи, то здесь на небольшой

территории уже очень рано без всякой связи с зарождением капитализма сложилась единая ячейка совместной общественной жизни, поэтому надо полагать, что вопрос этот требует более тщательного исследования" [115, т. 3, с. 21]. Не отрицая прямо историческую обусловленность формирования нации, Ли Санбэк тем не менее пытается обосновать „исключительность" исторического пути Кореи и, следовательно, неприменимость по отношению к ней общих критериев всемирно-исторического развития, в том числе и критериев определения нации.

Для исторических работ, издающихся в Южной Корее, более характерно истолкование нации как категории надклассовой и даже внеисторической. В некоторых работах можно обнаружить слабые следы расистских концепций нации. Так, авторы „Истории Кореи" значение изучения истории первобытного общества, например, определяют тем, что „еще в доисторическую эпоху достигли известной зрелости язык и обычаи [корейской] нации, а также ее характерные национальные черты" [115, т. 1, с. 3]. Указывая на северное происхождение далеких предков корейского народа, эти авторы особо отмечают, что те отличались крепким телосложением (не в пример южанам), „обладали большой физической и интеллектуальной силой, позволившей выдержать длительные испытания на протяжении веков" [115, т. 1, с. 4]. Отмечая, что многие народы Азии, когда-то прославившиеся обширными завоеваниями, уже давно исчезли бесследно, а корейцы продолжают существовать, эти авторы подчеркивают: „Тот факт, что только наша корейская нация, непрерывно продолжая развивать свою культуру, сегодня занимает место, которое никто не может игнорировать, объясняется ее выдающимся расовым происхождением" [115, т. 1, с. 8]. На этой же позиции стоит автор специальной работы по антропометрии древних корейцев На Седжин. Он полностью присоединился к расистской концепции Чхве Намсона – о некоем „белом народе", предке корейцев, – пропагандировавшейся ее автором до второй мировой войны [88, с. 209–210].

Расширительное толкование понятия „нация" закономерно приводит многих южнокорейских историков к признанию ее существования с древнейших времен. Поскольку авторы „Истории Кореи" распространяют понятие „нация" практически на всю историю страны, то вопрос о времени ее возникновения отождествляется этими учеными с проблемой этногенеза корейцев. Признавая, что, „как и все развитые современные нации, корейская нация не возникла на базе только одной расовой группы, а вобрала в себя различные элементы – китайские, монгольские и японские", авторы данного труда подчеркивают: „Это вовсе не означает, что она (корейская нация. – *М. П.*) представляла собой простую смесь многих неоднородных элементов. Среди них всегда преобладал главный, коренной компонент, занимавший господствующее положение при смешении с другими элементами этногенеза" [115, т. 1, с. 7]. Таким „коренным элементом" корейской нации считаются племена мэк или емэк, упоминавшиеся в древних китайских источниках. Происхождение этого общего названия древних корейских племен связывается со словом *кома* или *кэма* (ср. с яп. *ками*), первоначально обозначавшим тотемного животного, вероятно медведя (*ком* – „медведь" на современном корейском языке). Это обстоятельство нашло отражение и в мифологии. Так, согласно легенде, матерью Тангуна была медведица, преображенная небожителями в женщину [115, т. 1, с. 8]. Авторы „Истории Кореи" в соответствии с лингвистическими дан-

ными приходят к заключению о том, что предки корейцев принадлежали к племенам урало-алтайской языковой семьи, родственным древним монголам пратунгусам и древним тюркам. Заселение емэкцами территории Корейского п-ова, по их мнению, произошло в нижнем или среднем неолите [115, т. 1, с. 10]. Первоначальной формой общественной организации емэкцев эти ученые считают матрилокальный род. В процессе роста и дробления родов возникли клановые союзы и племена. Распад родового строя составители данного труда связывают с появлением института частной собственности и соответствующими социально-политическими переменами [115, т. 1. с. 13–15]. Формирование государства, возникновение которого по времени в основном совпало с переходом к применению металлических орудий, они объясняют не процессами классового расслоения общества в результате внутреннего развития древнекорейского общества, а агрессией извне, прежде всего экспансией древнекитайских государств. Авторы „Истории Кореи" в качестве первичной формы корейской государственности выделяют „государство кланового типа". При такой форме государственности сохраняются и проявляют огромную живучесть народное собрание и другие пережитки родо-племенного строя [115, т. 1, с. 15]; постепенному их исчезновению, по мнению авторов, в немалой степени способствовали влияния извне. Согласно „Истории Кореи", государство Когурё образовалось в результате восстания против ханьского владычества коренного населения Хёнтхо (Сюаньту), одного из ханьских округов, образованных на землях Древнего Чосона. Подчеркивается, что „государство Когурё в течение трех веков борьбы постепенно вытеснило ханьцев с Корейского п-ова и Ляодуна, объединило земли Древнего Чосоиа и стало на время могущественной державой" [115, т. 1, с. 16]. В целом восстание местного населения Хёнтхо против ханьских завоевателей трактуется как „первый случай национальной борьбы, первое движение сопротивления нашего народа против иностранного господства" [115, т. 1, с. 163].

С позиций признания „вечности" нации оценивается факт объединения страны в VII в. и образования Объединенной Силла. Авторы „Истории Кореи" отрицательно характеризуют заимствование этим государством китайских образцов политической и культурной жизни: „Территориальный рост Объединенной Силла открыл и сухопутный, и морской пути в Китай, привел к быстрому внедрению китайской культуры в корейское общество. Таким образом, Силла, сначала разгромив с помощью Танской империи государства Когурё и Пэкче, а затем изгнав войска Танов, в конце концов превратилась в гегемона на полуострове, достигла великой цели объединения страны. Однако Объединенная Силла стала первым корейским государством, вполне испытавшим трагедию изоляции в географических пределах полуострова. С нею связано и формирование централизованной государственной организации, базирующейся на земельной системе, заимствованной от империй Суй и Тан. Можно полагать, что именно факт такого заимствования стал важной причиной того, почему в старой Корее не развивался феодальный строй обычного (западноевропейского – *М. П.*) типа. С другой стороны, в Объединенной Силла не были устранены исторические корни влияния аристократии. Длительное засилье столичной, придворной аристократии постоянно порождало тенденции к фракционным раздорам. Непрекращающаяся борьба клик, периодическое правление временщиков в Корё и при династии Ли связаны именно с этой истори-

ческой традицией Объединенной Силла" [115, т. 1, с. 16]. Таким образом, авторы „Истории Кореи" отрицательно оценивают внешние влияния на процесс развития корейской народности. Однако они еще не провозглашают стержнем корейской истории пресловутую „национальную самобытность". Так, в „Истории Кореи" говорится: „Один факт существования нации еще не создает национальной истории в собственном смысле слова. Для этого необходимо, чтобы жизнь нации, материальная и духовная, была деятельной, яркой и богатой по содержанию. Благодаря целенаправленной деятельности в области государственного права, религии, экономики, искусства и литературы посредством многообразных контактов с другими государствами историческая нация обогащает свое историческое существование и непрерывно прогрессирует. Национальная историческая наука призвана изучать именно процесс такого роста и развития нашего национального сообщества" [115, т. 1, с.1]. Таким образом, хотя авторы „Истории Кореи" пытаются интерпретировать историю страны как составную часть всемирной истории, они не отрещились от ультранационалистических и расистских идей об „исторических" и „неисторических" нациях. Расширительное понимание сущности нации вне связи с социально-экономическими условиями определенной эпохи вынуждает составителей данного труда определять эту категорию, исходя из столь туманных понятий, как „национальная культура" и „национальный дух", которые, в свою очередь, нуждаются в определениях и уточнениях. Подчеркивая, что развитие национальной культуры „происходит одновременно и в одинаковых формах со сложением нации", южнокорейские ученые отмечают восприимчивость этой „национальной культуры" к внешним влияниям, ее способиость „адсорбировать инородные элементы и непрерывно изменяться в соответствии с эпохой, экономическими условиями и вкусами народа. По сравнению с феноменом нации национальная культура, несомненно, обладает бо́льшей сложностью и изменчивостью" [115, т. 1, с. 17]. Действительно, корейская культура на протяжении долгого времени вобрала множество пришедших извне элементов – маньчжурских, монгольских, китайских. Авторы выделяют также „южные" включения (прежде всего японские), „северные" (скифские), индийские (преимущественно пришедшие с буддизмом) и, наконец, западноевропейские и американские. Все эти элементы, по их мнению, могли оказать влияние на первооснову корейской культуры лишь в том случае, если они соответствовали местным условиям и вкусам, а также „духу времени". «Все разнородные компоненты национальной культуры, – говорится в „Истории Кореи", – заполняют большую рамку, называемую национальными условиями или национальной спецификой. Поэтому для понимания сущности нашей культуры нельзя не принимать во внимание эту рамку» [115, т. 1, с. 18][3].

Авторы „Истории Кореи" выделяют следующие определяющие, по их мнению, моменты национальной специфики. Во-первых, это географические условия Кореи, ее промежуточное расположение между материком и океаном, которое якобы создавало условия для возникновения собственной формы культуры, сочетающей оба – материковый и океанический – фактора. По мнению авторов „Истории Кореи", влияние этих факторов можно проследить в повседневной жизни корейцев, оно отражается на национальной кухне, одежде и жилье. Отмечается и политический аспект географического положения: „Расположение территории Кореи между Азиатским материком и океаническими островами (Япо-

нией. – *М. П.*) нельзя считать лишь неблагоприятным (в связи с агрессией и нажимом со стороны окружающих сильных государств). Такое полуостровное положение пробуждало в гражданах национальное самосознание и дух сопротивления, укрепляло их патриотизм" [115, т. 1, с. 6].

Второй основополагающей чертой национальной специфики „История Кореи" называет „реалистический характер" корейской нации, сочетающий „миролюбие и жизнерадостность, упорство и выдержку". Его негативными последствиями авторы данного труда считают „элементы застойности общественной структуры, неспособность к ее решительной ломке". Проявлением этого „реалистического характера" являются, по их мнению, также „унылые народные песни, чинные традиционные церемонии". Националистически настроенные ученые указывают, что корейцы, „часто подвергаясь агрессии со стороны иноплеменников, не осмеливались, однако, на захватнические действия против других наций" [115, т. 1, с. 20]. „Реализм" национального характера проявился и в религиозной области, отчего якобы в Корее не было ни одного великого религиозного деятеля или религиозного реформатора. „Даже агитация тонхаков была направлена на достижение счастья в реальной, а не в потусторонней жизни", – подчеркивает „История Кореи" [115, т. 1, с. 21][4].

Третьей важнейшей чертой национальной специфики, по мнению авторов „Истории Кореи", является сохранение пережитков патриархального уклада как в семейном быте, так и в общественном строе. „Усиленное внедрение конфуцианской идеологии, вполне подходившей к исконным жизненным принципам корейской нации, еще более укрепило черты патриархальности" [115, т. 1, с. 27], – подчеркивают южнокорейские ученые. С патриархальными традициями они связывают и принявшую бедственный характер борьбу за власть между янбаискими кликами, сложившимися в первую очередь на основе клановых связей.

В качестве четвертой черты корейской национальной специфики отмечается двойственный характер корейской культуры, одновременно и самобытной, и подражательной. Согласно парадоксальному тезису авторов „Истории Кореи", „подражание является матерью самобытности; не бывает чистой самобытности, свободной от влияния чужой культуры или подражания ей" [115, т. 1, с. 22]. В подтверждение этого парадокса авторы ссылаются на такие выдающиеся достижения корейской культуры, как корёский фарфор, подвижной металлический шрифт, слоговой алфавит *хангыль*, изобретенный в XV в., дождемер, бронированные корабли – *кобуксоны* знаменитого корейского флотоводца Ли Сунсина, разрывные снаряды и „огненные колесницы". Эти примеры, как отмечают южнокорейские ученые, „ясно свидетельствуют о самобытном таланте и одаренности [корейской] нации, о свойственных ей интеллекте и эмоциональности. Проявлению этих прекрасных качеств иногда препятствуют неблагоприятные социальные обстоятельства, и тогда культура переживала упадок" [115, т. 1, с. 23]. Однако авторы „Истории Кореи" не уточняют, какие именно социально-экономические причины мешали прогрессу корейского народа, так как свою задачу они видят в том, чтобы представить внеисторическую „вечную" нацию единым целым, а историю Кореи – единым потоком.

По мнению одного из авторов „Истории Кореи", Ли Санбэка, существеннейшая черта этого издания – преимущественное внимание не

к политической истории, а к истории национальной культуры. Данная тенденция заставляет авторов этого труда относиться крайне ревниво ко всякой недооценке значения любого этапа истории корейской культуры. «Некоторые утверждают, — говорится в „Истории Кореи", — будто в период династии Ли культура нашей страны находилась в состоянии упадка. Подобные утверждения, по существу, идентичны тезисам японских историков колониалистского направления, стремившихся принизить или даже уничтожить нашу культуру. Корейская культура XV—XIX вв., несомненно, имела свои достижения. Находясь по соседству с Минской и Цинской империями, испытывая их политическое и культурное давление, постоянно подвергаясь нашествиям захватчиков, Корея все же проявила в этой обстановке неукротимую и неистребимую жизненную силу, сохраняла свою независимость. Явно поверхностно поэтому суждение, будто наша культура была несамостоятельной, будто над ней тяготел принцип „садзэджуый". Несостоятельно и мнение о ее упадническом и консервативном характере» [115, т. 3, с. 19].

Перейдем к проблеме социально-экономического и политического развития страны в освещении „Истории Кореи". Для авторов этого труда очевидно, что корейские ваны „защищали лишь интересы царствующей фамилии, части правящей бюрократии и верхушки привилегированных сословий"; что главной задачей войска „была не оборона страны, а защита привилегий правящего дома" [115, т. 3, с. 5]. Описан в труде также и весь механизм эксплуатации народных масс. Весьма характерно стремление авторов выделить моменты своеобразия социально-политической и социально-экономической структуры корейского общества, их попытки представить его совершенно исключительным, непохожим на западноевропейские общества соответствующих исторических эпох. „Если типичной формой рабочей силы в Европе при рабовладельческом строе были рабы, — говорится в труде, — при феодализме преобладали крепостные, а современное общество (т. е. капитализм. — *М. П.*) строится на применении наемной рабочей силы, то при династии Ли в корейском обществе применялся труд и рабов, и крепостных, и полукрепостных" [115, т. 3, с. 9][5]. И далее: «Корейское общество периода династии Ли часто называют феодальным, но если сравнить его с европейским, то, действительно, в отношении крупной земельной собственности привилегированных сословий, эксплуатации крепостных и полукрепостных определенное сходство существует. Однако политические формы резко различны. Корейский „феодализм" в этом смысле ближе европейскому абсолютизму» [115, т. 3, с. 10]. Нетрудно заметить, что для южнокорейских ученых, как и для многих других буржуазных историков, понятие „феодализм" сводится к политической раздробленности, а особенности социально-экономического строя (которые, собственно, и определяют неодинаковые формы государственной организации) явно остаются в стороне.

Много внимания историки Южной Кореи уделяют поиску проявлений „духа нации", „исторического национального сознания" на всем протяжении многовековой истории страны. Касаясь переговоров, которые корёский полководец Со Хый вел с киданями (начало XI в.), авторы „Истории Кореи" пишут: „Со Хый не только явил образцы красноречия в дипломатической борьбе с агрессорами, но и убедительно обосновал права нашей нации на земли Когурё, захваченные киданями. Это факт, свидетельствующий о силе национального исторического сознания в нашей стране" [115, т. 2, с. 300]. Описывая другой эпизод борьбы

за наследство Когурё, когда в конце XIV в. государство Корё объявило территории к востоку от р. Ляохэ „древними землями нашего государства", авторы восклицают: „Что же это, как не еще одно проявление национального исторического сознания?" [115, т. 2, с. 3]. По их мнению, „историческое национальное сознание" весьма выпукло проявилось и при составлении Ким Бусиком „Самгук саги", когда ван Инджон выражал озабоченность тем, что „нынешние ученые мужи, часто хорошо знающие и способные разъяснить [китайские] классические книги, сочинения мудрецов, историю династий Цинь и Хань, когда речь заходит о делах нашего государства, оказываются полными невеждами, не знают ни их начала, ни их конца" [31, с. 61]. Вообще, историческое значение династии Корё авторы „Истории Кореи" видят в том, что она „создала и передала потомкам объединенное государство, сплоченную территорию. В этом нашли проявление величественная идея строительства государства, могучее стремление к объединению нации, ее неукротимый боевой дух" [115, т. 2, с. 5]. Любопытно отметить, что среди отрицательных факторов, подрывавших „сплоченность нации и ее боевой дух накануне монгольского нашествия", фигурирует и классовая борьба народных масс, „внесшая беспорядок в земельные отношения, обусловившая упадок культуры" [115, т. 2, с. 421].

Борьба против монгольских нашествий рассматривается в „Истории Кореи" лишь как величественная эпопея национального духа: „Блистательное сопротивление народа на протяжении тридцати лет большим и малым вторжениям монголов свидетельствует, что в прошлом корейская нация никогда не капитулировала без сопротивления даже перед самым могущественным внешним врагом, а, напротив, держалась до полного истощения сил. И хотя все же был заключен унизительный мир и пришлось на протяжении целого столетия переносить гнет монголов, но боевой дух и боеспособность корейского народа вполне проявились как в вооруженных схватках, так и в дипломатической борьбе" [115, т. 2, с. 526]. Вместе с тем весьма отрицательно оцениваются вытекающие из подчинения монголам потеря правящим классом политической самостоятельности, установление брачных связей с династией Юань и утрата „чистоты крови" правящего дома Корё. Однако „История Кореи" признает и якобы происшедшее в XIII–XIV вв. обогащение корёской культуры в результате передачи монголами культурных достижений других завоеванных ими народов [115, т. 2, с. 527].

Постепенный политический упадок Кореи при династии Ли авторы данного труда объясняют не какими-либо социально-экономическими закономерностями, а прежде всего „кризисом духа нации", вызванным вредными последствиями господства в стране идеологии конфуцианства, а также принципа „садэджуый". К числу же непосредственных причин этого упадка отнесены не только коррумпированность и злоупотребления правящих придворных клик, но и сопротивление народных масс, „поднимавшихся на восстание в условиях страшной нищеты и отчаяния (!)" [115, т. 4, с. 3][6]. Пагубное влияние конфуцианства один из авторов „Истории Кореи", Ли Сонгын, усматривает в «укоренении во всех областях политической и общественной жизни расслабляющего преклонения перед пустыми догмами, пресловутого принципа „садэджуый". В результате этого пришел в упадок независимый и непреклонный воинственный дух самостоятельности и самообороны. Конфуцианство усиливало антагонизм между старшими и младшими, между гражданскими и военными чиновниками, между янбанами и простолюдинами,

порождало братоубийственный антагонизм. Оно лишало простолюдинов всякого стимула к производственной активности или к техническим усовершенствованиям, резко ухудшало жизнь народа, ставило в опасность и правящую династию» [115, т. 4, с. 6]. По мнению автора, с принципом „садзджуый" можно было бы примириться, если бы он диктовался внешнеполитическими факторами (например, необходимостью урегулирования отношений с Минской империей в начале правления династии Ли). Однако конфуцианство превратилось в „непреложный руководящий принцип государственной политики, регулировало все стороны повседневной жизни и в конце концов ускорило гибель государства" [115, т. 4, с. 7]. Коифуцианской идеологией, по мнению Ли Сонгына, была порождена гибельная для Кореи междоусобная борьба придворных клик; конфуцианцы жестоко преследовали прогрессивные идейные течения (сирхак, тонхак), по их вине не были приняты меры для обороны страны от вторжений иностранцев, из-за них „Корея превратилась в арену соперничества между могущественными соседними государствами — Китаем, Японией и Россией. И на Западе, и на Востоке немного таких примеров, чтобы непримиримые раздоры внутри господствующего класса продолжались столь долго, принимали бы столь сложный оборот и привели бы в конце концов к гибели нации" [115, т. 4, с. 2]. Рассуждая таким образом, Ли Сонгын даже не поднимает вопроса о классовой сущности „погибавшего" корейского государства.

Господство конфуцианства в идеологической жизни Кореи на протяжении 500 лет правления династии Ли рассматривается авторами „Истории Кореи" как насилие над „духом нации", который, по их мнению, в предшествующий период находил выражение в идеологии хвараноз, в народных верованиях сингё в период Объединенной Силла и буддизме в государстве Корё. „Конфуцианцы бесповоротно и бездоказательно отвергали любые, самые знаменитые идеи и выдающиеся учения, если только они не основывались на конфуцианских канонах и чжусианских догмах", — подчеркивают авторы данного труда [115, т. 4, с. 118]. Однако среди „национальных сил", по мнению южнокорейских историков, нарастало „недовольство произволом конфуцианцев. Национальные силы были склонны к самостоятельным поискам новых принципов и новых путей. Этим объясняется большая восприимчивость страдающих масс к проникавшим извне идеям христианства. Простой народ стремился найти нравственный оплот против прогнившего конфуцианства в условиях наступившего общенационального кризиса" [115, т. 4, с. 119]. Однако вновь воспринятое христианство зачастую служило оправданию вмешательства западных держав и подрыва суверенитета Кореи. Поэтому новая религия не нашла широкой поддержки в народе, и поиски новой национальной идеологии продолжались. И такой идеологией, по мнению авторов „Истории Кореи", стало „восточное учение" Тонхак, проповедником которого в начале 60-х годов XIX в. стал Чхве Джеу. „В обстановке усиливавшегося идеологического и политического хаоса нация вновь пробудилась к поискам нового, отчаянно искала спасения, но не чужими, а своими силами, не на Западе, а на Востоке. Именно в такое время и в такой обстановке в конце правления вана Чхольджона зародилось новое вероучение тонхак, которое нашло поддержку среди угнетенных крестьянских масс. Это национальное религиозное движение стало стимулом к созданию в конечном счете современного корейского государства" [115, т. 4, с. 120].

Стараясь установить истоки учения Тонхак, Ли Сонгын указывает на близость его идеям хваранов, но отмечает вместе с тем и различия между ними. „Вера хваранов, – пишет он, – являлась аристократической и служила формой национализма прежних эпох, в то время как учение тонхаков воплощало национализм нового времени, стало идейной основой массового революционного движения. Его проповедники выступали за равноправие людей и даже за равенство человека богу" [115, т. 4, с. 127]. Для Ли Сонгына Чхве Джеу – великий философ и религиозный деятель, революционный писатель, решительно модернизировавший национальную традицию [115, т. 4, с. 136]. Касаясь крестьянского восстания, поднявшегося под знаменем этой „современной национальной религии", авторы „Истории Кореи" подчеркивают, что движение тонхаков «не было похоже на местные волнения и бунты против корыстолюбивых и продажных местных чиновников. Оно стало крестьянской войной за преобразование всего социального порядка и государственного устройства, потрясло до самого основания пятисотлетнюю династию Ли. Выдвинув лозунги „долой японцев, долой иностранцев", повстанцы высоко подняли знамя современного национализма» [115, т. 5, с. 102]. Это восстание, ставшее предлогом для японской интервенции в Корее и японо-китайской войны 1894–1895 гг., рассматривается также как причина „масштабных изменений в международных отношениях" [115, т. 5, с. 103]. Ли Сонгын обходит полным молчанием глубинные социально-экономические причины восстания тонхаков, ничего, по существу, не говорит о социальном идеале повстанцев. Это вполне закономерно. Рассматривая прошлое страны с идеалистических позиций, авторы „Истории Кореи" отрицают факт закономерной смены социально-экономических формаций, намеренно игнорируют классовое деление корейской народности, а затем и нации.

Идеалистический подход к трактовке исторических процессов и националистический субъективизм авторов рассматриваемого труда ярко отразился в их отношении к проблеме периодизации истории Кореи. Они решают этот вопрос не в соответствии с качественными изменениями в объективном и закономерном процессе общественного развития, а лишь в связи с удобством изложения фактологического материала (!). Уже на первых страницах первого тома „Истории Кореи" находим тезис о том, что „история течет непрерывно, поэтому противоестественна всякая попытка выделить ее периоды" [115, т. 1, с. 21]. Справедливо отвергая периодизацию по династиям, южнокорейские ученые относят к древней истории Кореи период от первобытности до Объединенной Силла включительно, к средневековью относят государство Корё, к новой истории – время правления династии Ли до царствования вана Чхольджона включительно (1863 г.). После этой даты, согласно их мнению, и начинается период новейшей истории. «Не существует каких-либо явных и несомненных признаков конца одного периода и начала другого, – утверждают авторы „Истории Кореи". – По обе стороны этих условных временных границ корейцы участвовали в одних и тех же формах гражданской жизни. Так, история периода династии Ли не являет сколько-нибудь внезапных перемен по сравнению с периодом Корё. Более того, воцарение дома Ли не было результатом революционной деятельности, а представляло собой бескровную замену старой династии новым правящим домом, вследствие того что династия Корё, утратив внутренние устои, не соответствовала требованиям действительности. День за днем, в ходе повседневной жизни корейского народа,

понемногу возникали и накапливались незаметные для глаз изменения, которые со временем привели к установлению новой правящей династии. Но смена династии не привела к каким-либо переменам в жизни народа» [115, т. 3, с. 1–2].

Доказывая несостоятельность любой периодизации, один из авторов „Истории Кореи", Ли Санбэк, ссылается на несовпадение во времени важных перемен в политической, социальной и культурной жизни. „Что же должно стать критерием периодизации! – восклицает ученый. – Если в одном случае за ее основу берется политическое положение, в другом – перемены в принципах организации общества, а в третьем – состояние культуры, то разве не очевидна, в таком случае, бессмысленность всякой периодизации?" [115, т. 3, с. 3]. Разумеется, Ли Санбэк a priori отвергает такой решающий критерий, как социально-экономические формации, смена которых является стержнем объективно развивающегося исторического процесса. Собственно, доводы Ли Санбэка свидетельствуют скорее именно против принятой авторами „Истории Кореи" периодизации прошлого страны. Например, начальный рубеж новой истории (воцарение дома Ли в 1392 г.) избран совершенно произвольно. Ведь в конце XIV в. не могло быть и речи о каких-то элементах капитализма (пользуясь собственной терминологией Ли Санбэка, „период модернизации Кореи относится к гораздо более позднему времени" [115, т. 3, с. 4]). Этот ученый, впрочем, сам сознает надуманность предложенной им схемы и извиняется перед читателями за предложенную их вниманию „смесь традиционной китайской династийной периодизации с современными западноевропейскими моделями" [115, т. 3, с. 5].

Уточним, правда, что авторы „Истории Кореи" прибегают и к более дробной периодизации. Эпоху средневековья (по их схеме, соответствует государству Корё) они подразделяют на 6 периодов, а „новое время" (1392–1863) – на 5 периодов. Разумеется, временные рамки и в данном случае определяются событиями исключительно политической истории. Сходным образом аргументируется южнокорейскими историками и выделение „новейшей истории" в качестве особого периода. Этот рубеж связан с началом регентства Ли Хаына (тэвонгуна) в 1864 г., которое, по мнению авторов „Истории Кореи", „стало важнейшим этапом утверждения национального государства. Несмотря на проводившуюся тэвонгуном узколобую политику изоляции страны и совершенное непонимание международных отношений и положения во всем мире, его реформаторская деятельность все же имела некоторые современные черты и оставила глубокие следы во всех областях государственного управления. Власть тэвонгуна можно даже рассматривать как форму современной диктатуры" [115, т. 4, с. 163]. Остается, разумеется, неясной классовая сущность этой диктатуры. Что же касается „современного" периода, то его начальным рубежом авторы „Истории Кореи" произвольно избрали начало крестьянской войны 1894 г.[7]

В целом, несмотря на многочисленные попытки, южнокорейским ученым не удалось разработать и согласовать периодизацию истории Кореи. Об этом свидетельствуют, например, итоги дискуссии, проводившейся в декабре 1967 г. сеульским Обществом экономической истории. Примечательно, что в ходе этого форума данная проблема рассматривалась также и в связи с процессами социально-экономического развития страны. Среди спорных вопросов, обсуждавшихся южнокорейскими историками, был вопрос о характере древнекорейского общества, его

временных границах, о рубеже между древностью и средневековьем. Многие южнокорейские ученые в отношении трактовки этих проблем встали на точку зрения Ким Чхольджуна. Относя всю историю Кореи от Древнего Чосона до Объединенной Силла включительно (т. е. до первой трети X в. н. э.) к периоду древности, Ким Чхольджун подверг критике тех исследователей, которые склонны признать начальной точкой средневековой эпохи период Трех государств или время существования Объединенной Силла (VII–X вв.). Хотя, по его мнению, Древний Чосон и был рабовладельческим государством, это вовсе не свидетельствует о переходе к феодализму в период Трех государств, поскольку, согласно Ким Чхольджуну, между Древним Чосоном и последним периодом отсутствует историческая преемственность. Ученый утверждал, что стадиально общества Пуё и Когурё относились к тому же типу, что и общество Древнего Чосона. Ввиду значительного влияния аристократии во всех указанных обществах, как полагает Ким Чхольджун, государственная власть была крайне слаба, а отдельные племена пользовались весьма широкой автономией.

Южнокорейский исследователь отмечает большое влияние аристократии на государственные дела не только в Древнем Чосоне, Пуё и Когурё, но также и в Объединенной Силла. Ким Чхольджун экономической основой господства аристократии в VII – X вв. считает унаследованные от союзов племен жалованные наделы с многочисленными рабами. Это обстоятельство, по мнению Ким Чхольджуна, свидетельствует о родстве общества Силла с обществами времен племенных союзов древности. Различия между ними были чисто количественными. Качественные изменения государственный и социально-экономический строй Кореи претерпел, по мнению Ким Чхольджуна, только в последние десятилетия существования Объединенной Силла и в начале периода Корё (171, 1968, № 1, с. 105]. Последний вывод Ким Чхольджуна оспаривают другие южнокорейские историки, полагающие, что все еще не выяснен ряд основополагающих проблем древней и средневековой истории Корё и Силла (например, относительная численность простолюдинов и выходцев из „подлых" сословий) [56, с. 106], и окончательные выводы пока преждевременны.

Другую точку зрения на периодизацию древней истории Кореи высказал Ким Бёнха. На основании проведенного им анализа социальной сущности различных прослоек эксплуатируемого населения, исходя из теоретической предпосылки о возможности перехода от первобытного общества непосредственно к феодализму, он пришел к заключению, что в Древнем Чосоне, Самхане и Пуё существовало „раннефеодальное общество", а в период Трех государств утвердилось „феодальное общество". Считая, что феодализм существовал в Корее на протяжении двух тысячелетий, Ким Бёнха подразделяет его на ранний и поздний, причем первый период он относит к „ древнему обществу", а второй – к средневековому [56, с. 110]. Оппоненты Ким Бёнха указывают на большое сходство его взглядов с концепцией японского историка Мория Кокки, считавшего Древний Чосон раннефеодальным государством, а общественный строй Трех государств – бюрократически организованным феодализмом [56, с. 111].

В свою очередь, историк Кан Джинчхоль высказал мнение, что только со второй половины XII в. начался двухсотлетний переходный период, когда „структура корейского общества постепенно переходила от древности к средневековью" [56 с. 112]. Окончательное

же становление средневекового (феодального) общества он относил лишь к началу правления династии Ли. Свои соображения Кан Джинчхоль обосновывал тем, что для средневековья характерны эксплуататорские отношения, опосредованные землей, ставшей частной собственностью, и наличие чисто территориальной сельской общины. Что же касается общества Корё, то там, по мнению ученого, майоратная система наследования земли фактически маскировала коллективную собственность братьев и сестер. В сельских общинах Корё, по его мнению, сохранялись кровнородственные связи, тяжесть эксплуатации непосредственных производителей возрастала в зависимости не от величины земельной собственности, а от наличия тяглых в данной податной единице. В силу изложенного выше, Кан Джинчхоль считал корёское общество древним. Слабая сторона концепции этого исследователя состояла в том, что он так и не исследовал господствовавшую в государстве Корё систему иерархического крупного землевладения *чонсиква*, не дал он ответа и на другие спорные вопросы аграрной истории средневековой Кореи. Кроме того, оппоненты отмечали зависимость концепции Кан Джинчхоля от взглядов его предшественников – японских ученых Маэда Наоиори и Хатада Такаси [56, с. 112].

В ходе дискуссии активно дебатировался и вопрос о рубеже нового времени, который буржуазно-националистические историки отождествляют с началом так называемого процесса модернизации (что, видимо, равнозначно началу включения Кореи в мировую систему капитализма). При трактовке этого вопроса ясно проявился националистический подход, в силу чего отвергается какое-либо значение внешних факторов в истории Кореи. На первый взгляд такой подход имеет антияпонскую и антиколониальную направленность. В наши дни, однако, отрицание внешних влияний на ход исторического процесса в Корее имеет антикоммунистическое звучание, поскольку сторонники такого взгляда стремятся представить неизбежное воздействие со стороны мирового социализма, международного коммунистического движения как чуждое и пагубное для корейской „самобытности". В соответствии с таким взглядом участники дискуссии отвергли также и установку южнокорейского министерства просвещения о признании датой начала „модернизации" Кореи заключение Канхваского договора (1876 г.). По мнению южнокорейских ученых, „такая интерпретация договора противоречит историческим фактам, свидетельствующим о том, что вторжение японского империализма было главной причиной, помешавшей нашему самостоятельному развитию и модернизации на самобытной основе. Подобное превознесение Канхваского договора означает идеализацию колониализма, грозит исказить всю картину новой истории Кореи" [56, с. 107]. Такой точки зрения придерживался, в частности, Ли Сонгыи. По его мнению, „было бы правильным принять за исходный момент модернизации Кореи 60-е годы XIX в., когда наша страна ощутила непосредственную угрозу со стороны западных держав и, чтобы противостоять ей, сама стала прилагать отчаянные усилия к преобразованиям в идеологии, политике, а также в военном деле" [56, с. 109]. Ли Сонгын полагает, что именно эта опасность вызвала к жизни национальное религиозное учение тонхаков. В условиях национального кризиса, продолжает ученый, „современный характер приобрели политика тэвонгуна, и проводимые им реформы". Ли Сонгын, конечно, явно переоценивал значение деятельности тэвонгуна Ли Хыына.

Другой историк, Ким Ёндок, вносит некоторые поправки и уточнения в периодизацию, предложенную Ли Сонгыном. Так, Ким Ёндок обращает внимание на проповедь равенства людей, содержащуюся в учении тонхаков: „Она (проповедь. – *М. П.*) не столько отвечала чисто религиозным нуждам учения, сколько отражала устремления крестьянских масс и национальные чаяния. В условиях второй половины XIX в. в такой форме проявилось движение за модернизацию, направленное на достижение всеобщего равенства и национальной независимости страны. Движение тонхаков отражало насущные потребности эпохи, потребности нации, порожденные всеми социальными переменами последнего периода правления династии Ли" [56, с. 110]. Ким Ёндок отметил явные преувеличения, допущенные Ли Сонгыном в оценке роли тэвонгуна как проводника „модернизации". Ким Ёндок полагал, что призывы тэвонгуна к „искоренению ереси и защите истины" (*виджон чхокса*) были направлены на защиту традиционных (т. е. докапиталистических) идеалов, а его реформаторская деятельность имела целью преодолеть кризис монархической власти. Соответственно во всей политике тэвонгуна и его мировоззрении не было каких-либо антифеодальных элементов. Но как руководитель и организатор борьбы за независимость страны, подчеркивает Ким Ёндок, тэвонгун явился пионером антииностранной борьбы и завоевал влияние в народных массах.

Определенное повышение к концу 60-х – начала 70-х годов уровня „научного обоснования" националистической трактовки проблем периодизации истории Кореи, общих вопросов ее исторического развития отразилось на ряде исторических трудов. К числу лучших из них относится, например, „История Кореи", написанная профессором Сеульского университета Хан Угыном [110]. Руководствуясь принципами „национального субъективизма", автор дает следующую схему периодизации исторического процесса в Корее: становление родо-племенного общества, создание союзов племен; древняя государственность периода раздробленности (т. е. период Трех государств); „древнее объединенное государство" (Объединенная Силла и Бохай)[8]; средние века (государство Корё); „новые века"[9] (века правления династии Ли до 1876 г.); новое время[10] (1876–1905); современный период (с 1905 г.; изложение доведено до свержения режима Ли Сынмана в 1960 г.).

Несмотря на несомненный прогресс исторической мысли, связанный с бо́льшим вниманием к изучению социальных процессов и массовых народных движений, а также с попыткой обусловить периодизацию этапами социально-экономического развития Кореи, практическое решение Хан Угыном последнего вопроса мало чем отличается от попыток, предпринятых в этом направлении авторами „Истории Кореи". По существу, и Хан Угын предлагает лишь вариант традиционной периодизации по династиям. Так, период средневековья у Хан Угына полностью совпадает с временем существования государства Корё. Как и большинство других южнокорейских историков, Хан Угын считает конечным рубежом древности распад Объединенной Силла. Половинчатое решение получил у него и вопрос о начальном рубеже нового времени.

Новые веяния в трактовке истории Кореи проявились также в коллективной работе южнокорейских историков, изданной в 1970 г. под эгидой ЮНЕСКО [166]. По утверждению ее авторов, „именно народ играл наибольшую роль в историческом развитии, поэтому исторические проблемы рассматриваются в книге через призму социальных норм и ценностей" [166, с. 111]. Трудно представить, однако, что

имеется в виду под словами „социальные нормы и ценности". Данный труд имеет чисто фактологический характер, авторы не предпринимают никаких попыток теоретического обобщения имеющихся данных.

Таким образом, несмотря на определенную тенденцию к изучению конкретных социально-экономических проблем, несмотря на громкие декларации о „выдающейся" роли народных масс в истории Кореи, южнокорейские буржуазные историки не способны дать подлинно научную трактовку пути развития корейской нации. Этот процесс может быть понят и раскрыт лишь как часть всемирно-исторического процесса, как история борьбы общественных классов, которая происходит в соответствующих социально-экономических, политических и идеологических условиях.

Внешние факторы в истории Кореи

Движущую силу исторического прогресса буржуазно-националистические историки видят не в борьбе классов, вырастающей из всей совокупности общественных отношений, а в развитии мифического „национального духа", который рождается и крепнет в борьбе с внешними, инонациональными силами. Неизбежность столкновения с этими внешними силами обусловливается, по их мнению, географическим (или геополитическим) положением Корейского п-ова. В предисловии к четвертому тому „Истории Кореи", например, указывается: „Геополитическое положение нашей страны, занимающей важнейшие стратегические позиции в северо-восточной части Азии, несравнимо с географическим положением какой-либо другой страны. Весьма благоприятны и природные условия Кореи. Именно поэтому каждый родившийся и живущий в нашей стране должен любить и защищать ее, ибо Корея легко может стать объектом нападения соседей, которые смотрят на нее с вожделением" [115, т. 4, с. 1]. Географическим фактором, как видим, авторы „Истории Кореи" пытаются объяснить превратности исторических судеб страны и, в частности, отставание Южной Кореи от других капиталистических стран. Указывая на взлеты и падения в истории таких стран, как Греция и Италия, они выдвигают тезис, что и „корейская нация, будучи пионером восточной цивилизации, может гордиться своей самобытной историей и самобытной цивилизацией" [115, т. 1, с. 6]. Однако, с тех пор как западноевропейские страны во главе с Англией направили свою экспансию на Восток, геополитическое положение Кореи привело к крайне неблагоприятным последствиям, продолжают южнокорейские ученые. Эти последствия, по их мнению, заключались в том, что Корея оказалась в стороне от магистральных путей „больших морских судов" западноевропейских стран. Эти корабли, следуя попутному ветру, достигали берегов Японии. В результате этого Корея, „являвшаяся одной из основательниц восточной цивилизации и опережавшая в экономическом и культурном развитии Японию, превратилась в отсталое государство, оторванное от международного сообщества" [115, т. 1, с. 2]. Подобная апелляция к внешним факторам, конечно, не может вскрыть глубинные, прежде всего внутренние, причины задержки социально-экономического развития Кореи, равно как и причины политики изоляции от внешнего мира, проводившейся правителями феодальной Кореи.

Наряду с географическими факторами отрицательную для судеб страны роль, по мнению авторов „Истории Кореи", сыграли также кон-

фуцианство и основанные на нем социальные институты. «Эти институты в какой-то степени получили бо́льшее развитие и отстаивались последовательнее, чем в самом Китае, что обрекло Корею на горькую участь „государства-отшельника", оторвало ее от современной науки и цивилизации. Когда же Корее поневоле пришлось столкнуться с могучим потоком современной цивилизации, не имея времени на усвоение ее достижений, она тотчас же подверглась агрессии со стороны своего восточного соседа, молодого капиталистического государства" [115, т. 4, с. 3]. Разумеется, при такой постановке вопроса совершенно не затрагиваются коренившиеся в социальном строе самой Кореи причины, обусловившие необычайную прочность позиций конфуцианства в стране.

Из географического положения страны, по мнению южнокорейских историков, неизбежно вытекает односторонняя направленность внешних связей, ожесточенность борьбы с внешним миром, „в ходе которой не только отстаивается, но и развивается национальное общество" [115, т. 1, с. 4]. Знаменательно, что эту фатальную неизбежность ожесточенной борьбы с внешним миром, жесткую заданность направления внешнеполитической активности, обусловленные географическим положением страны, авторы „Истории Кореи" проецируют также и на сегодняшний день, и на обозримое будущее [115, т. 1, с. 5].

Что же касается прошлого Кореи, то наиболее тесными существенными и важными южнокорейские ученые считают отношения с Китаем и Японией. Поставив вопрос, чего желали от Кореи ее соседи, чего сама Корея добивалась от своих соседей, авторы указанного труда подчеркивают, что в противоположность материковым нациям (прежде всего китайцам), „которые зачастую предъявляли политические и экономические требования и нередко прибегали к захватническим и насильственным действиям, у корейцев всегда преобладали стремления обеспечить целостность национальной территории и мир. Корейцы стремились также восстановить суверенитет над утраченными владениями, за счет внешних связей они удовлетворяли и некоторые культурные потребности" [115, т. 1, с. 2]. По сравнению с Кореей Китай обладал высокой культурой, и корейцы, преклоняясь перед нею, быстро заимствовали и усваивали ее достижения. Одновременно корейцы распространяли свою культуру на восток, в Японию, поэтому принцип „садзджуый", по существу, свидетельствовал об активной и творческой позиции Кореи в отношении Китая [115, т. 1, с. 4]. Только будучи перенесен из культурной сферы в политическую, принцип „садэджуый", по мнению авторов „Истории Кореи", приобрел крайне отрицательный характер, особенно после маньчжурских нашествий на Корею. „В любой области – политической, дипломатической, военной и экономической – Цины оказывали давление и осуществляли вмешательство на протяжении нескольких столетий. Их политика не только наносила ущерб международному авторитету Кореи, но и была самым большим препятствием на пути ее модернизации. Не случайно даже в период правления тэвонгуна и рода Мин дипломаты великих мировых держав спекулировали на вопросе вассалитета Кореи по отношению к Китаю. И сегодня нельзя забывать о том, насколько глубоким и вредным было влияние маньчжурских нашествий на нашу страну" [115, т. 4, с. 15].

Говоря об истории корейско-японских отношений, авторы указанного труда подчеркивали, что на протяжении многих веков они развивались прежде всего в сфере экономики и культуры, хотя нередко японцы прибегали к захватническим действиям. В то же время Корея неизменно

дружественно и добрососедски относилась к Японии, куда даже переселилось немало корейцев. Однако „в этой политике дружественных отношений с Японией преобладало пассивное начало, что особенно стало заметно в новейшее время, когда Япония, внедрив быстрыми темпами европейскую культуру, прибегла к империалистическим методам и сначала захватила Корею, а затем превратила ее в плацдарм агрессии на материке" [115, т. 1, с. 3]. Авторы „Истории Кореи" подчеркивают, что решающее преимущество японскому империализму над Кореей дал именно ускоренный процесс „модернизации" Японии. В Корее же движение за модернизацию (собственно, „кэхва ундон". – *М. П.*) тормозилось вмешательством со стороны как Японии, так и Китая. Решительно противодействовали этому процессу и мощные консервативные силы в правящих кругах Кореи. В итоге „в водовороте бурных событий восстания тонхаков, японо-китайской войны и реформ 1894 года дело модернизации было фактически монополизировано внешними силами и поставлено на службу колониальному закабалению Кореи" [115, т. 3, с. 23]. Этот процесс был довершен итогами русско-японской войны 1904–1905 гг., установлением японского протектората в стране в 1905 г., а затем аннексией Кореи Японией в 1910 г. Таким образом, сводя сложнейшие и многообразные процессы к односторонне интерпретируемой „модернизации", южнокорейские историки смешивают два близких, но качественно различных вопроса – внутреннюю проблему ликвидации феодального строя ради обеспечения возможностей развития более прогрессивного капиталистического общества и внешнюю проблему колониального порабощения империалистическими державами отсталых стран, превращения их (в „модернизированном" виде) в эксплуатируемый придаток метрополии. При этом подлинно научный анализ обеих проблем приносится в жертву призрачным идеалам „национальной самобытности" и „национального единства в борьбе с враждебными внешними силами". Остановимся, например, на трактовке южнокорейскими буржуазно-националистическими учеными важнейших событий в истории Кореи последней четверти XIX в. – „открытия" Кореи, попытки переворота 1884 г. и реформ года *кабо* (1894 г.), а также проблем разделяющего последние два события „мирного десятилетия".

Авторы „Истории Кореи" видят весь трагизм событий, связанных с „открытием" страны, в пассивности ее правящих кругов, которые не сумели разработать самостоятельный политический курс [115, т. 4, с. 342]. В результате полезный для Кореи процесс заимствования достижений цивилизации стали направлять империалистические державы в своих корыстных интересах. Характерно, однако, что, осуждая экспансионистский курс Японии, гегемонистские притязания Цинов, всячески черня и искажая политику России на Дальнем Востоке, авторы „Истории Кореи" в то же время явно идеализируют внешнеполитический курс США. Так, характеризуя содержание корейско-американского договора от 22 мая 1882 г., южнокорейские ученые расценивают этот неравноправный договор как более благоприятный для Кореи, чем договоры с другими капиталистическими государствами, на том лишь основании, что в нем содержался пункт о „добрых услугах" [115, т. 4, с. 706][11]. Ссылаясь на факты торжественного приема первого американского посланника ваном Коджоном, отправки большого корейского посольства в США, на широко развернувшуюся в стране религиозную пропаганду американских миссионеров, авторы „Истории Кореи" стремятся под-

черкнуть большую роль США в процессе модернизации страны. <Именно от США, – восклицают они, – нация узнала о свободе и демократии, именно тогда нам открылись понятия „равенство" и „милосердие"> [115, т. 4, с. 745].

„Дружественность" американской политики в отношении Кореи авторы указанного труда аргументируют тем, что США (как, впрочем, и Япония) оспаривали сюзеренитет Китая над Кореей, выступали за независимость последней. Однако хорошо известно, что, „отстаивая" независимость Кореи, Япония, США и другие империалистические государства рассчитывали вырвать Корею из сферы влияния феодального Китая и превратить страну в свою собственную полуколонию или колонию. Неспособность проанализировать неоднозначные процессы начавшейся в конце XIX в. ломки традиционных социально-экономических структур и вместе с тем колониального закабаления Кореи привела южнокорейских историков к апологетике капиталистической цивилизации и даже, по существу, насильственных методов ее насаждения в стране. Они не сумели выявить и социальные корни „кэхва ундон". Указывая на солдатское восстание 1882 г., на неудачную попытку государственного переворота, предпринятую сторонниками „кэхва ундон" в 1884 г., авторы „Истории Кореи" делают лишь общий вывод о неподготовленности условий „модернизации", о преждевременности самих реформ. <Для осуществления революции или реформ, направленных на создание современного государства, – читаем в „Истории Кореи", – должно стать законом самостоятельное участие в них простонародного класса или по крайней мере должна быть обеспечена твердая поддержка с его стороны. Что же касается планов „кэхва ундон", то эти условия не были выполнены. Хотя эксплуатация и гнет на протяжении многих веков превратили жизнь народа в кромешный ад, народные массы тогда все еще находились в тенетах старых, феодальных привычек и представлений; у них не было ни духа гражданственности, ни национального самосознания, ни привычки самим решать свою судьбу. Насущной потребностью в конце XIX в. были просвещение и организация народа. Однако деятели „кэхва ундон", сами принадлежавшие к янбанам, далекие от народных масс, проявили крайнюю близорукость и пренебрегли просвещением народа. В результате невежественные массы не только не могли понять или поддержать их, но и наоборот, стали орудием в руках противников реформ. Деятельность „кэхва ундон" в глазах простого народа всецело отождествлялась с традиционной борьбой придворных янбанских клик. Положение осложнилось еще и вмешательством со стороны Японии. Поражение сторонников „кэхва ундон" было предрешено непониманием ими значения народа в политической жизни, тем, что все их планы были связаны исключительно с захватом верховной власти> [115, т. 4, с. 663–664].

Как отмечают авторы „Истории Кореи", несмотря на желание подражать Японии, несмотря на искреннее увлечение идеями Великой французской революции и войны за независимость США, корейские заговорщики 1884 г. не представляли себе, что революции являются плодом „длительной подготовки, а не скороспелого заговора"[12], что для их успеха „необходимы огромные и длительные усилия для пробуждения и подъема национального сознания и сплочения национальных сил" [115, т. 4, с. 665].

Другой роковой ошибкой „кэхва ундон" южнокорейские историки считают его опору на внешние силы. Не отрицая в принципе возмож-

ности прибегать к внешней помощи (например, к такой, как помощь Франции восставшим североамериканским колониям), авторы „Истории Кореи" упрекают реформаторов в том, что они «допустили непростительную ошибку, поставив осуществление важнейшего плана, касавшегося судеб государства, в зависимость от финансовой и военной поддержки японского империализма. Разумеется, следовало избрать для выступления более подходящее время, упорно и терпеливо накапливать силы, более трезво оценивать внутреннее и международное положение Кореи. Целиком положившись на внешние силы, они вполне закономерно испили горькую чашу поражения, подобно тем, кто „взобрался на башню, откуда затем убрали лестницу". К сожалению, заговорщики 1884 года превратились в орудие японской политики. Выступив против китайского засилья в нужный для Токио момент, они затем были преданы Японией, которая считала еще нежелательным конфликт с Китаем из-за Кореи» [115, т. 4, с. 668]. Вместе с тем, оценивая значение „кэхва ундои" в целом, авторы „Истории Кореи" называют его деятелей „провозвестниками современного национализма. Они были первыми корейцами, провозгласившими идеи народного суверенитета и равноправия граждан, они попытались осуществить реформы во имя независимости страны" [115, т. 4, с. 670]. Основным же уроком неудачной попытки государственного переворота 1884 г. южнокорейские историки считают необходимость опираться на собственные силы ради утверждения национальной независимости; необходимость избегать пагубной опоры на иностранные государства. Под тем же углом зрения освещается история „мириого десятилетия" (1884–1894), характеризовавшегося усиленным проникновением капиталистических государств и попытками Цинской империи установить безраздельное господство над Кореей. Тем ие менее, по мнению „Истории Кореи", поскольку каждая из империалистических держав стремилась помешать своей сопернице установить исключительный контроль над Кореей, международная обстановка была сравнительно благоприятной для сплочения национальных сил и достижения самостоятельности, для модернизации страны. „Приходится констатировать, – с сожалением заключают авторы этого труда, – что исключительно благоприятная возможность для строительства независимого современного государства была утрачена. Корее, иесмотря на заинтересованность в этом многих западных держав, ие удалось стать нейтральным, независимым государством, добившимся безопасиости перед лицом могущественных соседей" [115, т. 4, с. 768]. Отмечается, что „мириое десятилетие" оказалось потерянным также и для реформ политического и социального строя Кореи: „Если бы корейцы из высших и низших сословий осознали блага современной цивилизации и сплотились воедино, то, пусть позже, чем в Китае и Японии, Корея собственными силами осуществила бы модернизацию, и тогда, возможно, удалось бы предотвратить гибель государства" [115, т. 4, с. 911].

Рассматривая политику соседних государств – Китая, Японии и России – по отношению к Корее, южнокорейские ученые выделяют прежде всего гегемонистский курс государства-сюзерена, Цинской империи. Отмечается, что генеральный резидент Цинов Юань Шикай стремился поставить под свой контроль всю внутреннюю и внешнюю политику корейского правительства, не гнушаясь и такими авантюрами, как организация заговора в целях свержения Коджона. Вместе с тем, однако, указывается, что притязания Цинской империи объяснялись не

столько реальными экономическими интересами, сколько исторической традицией китайского сюзеренитета над Кореей. В силу этого Цинская империя не препятствовала установлению Кореей договорных отношений с Японией, США и другими государствами, не пресекала экономического проникновения иностранных держав в Корею при условии соблюдения традиционных отношений „сюзерен – вассал" [115, т. 4, с. 842]. И хотя, по мнению авторов „Истории Кореи", Цинская империя явно превышала свои традиционные прерогативы, с ее стороны не приходилось ожидать серьезной угрозы независимости страны. В обоснование такого мнения южнокорейские историки ссылаются и на крайне тяжелое внутреннее и международное положение самого Цинского государства. „Китаю со всех сторон грозила агрессия западных держав, а внутри страны и после поражения тайпинов повсеместно продолжались восстания. У Китая по одной только этой причине не могло быть никаких серьезных планов вооруженного вмешательства в дела Кореи. Конечно, некоторые цинские сановники отстаивали абсурдную идею аннексии Кореи, но более дальновидные деятели, такие, как Ли Хунчжан, проводили гораздо более осторожную политику. Хотя Ли Хунчжан санкционировал произвол Юань Шикая, однако он не одобрял, например, планов свержения Коджона" [115, т. 4, с. 912]. Словом, политика Цинской империи в отношении Кореи во многом сводилась к сохранению декорума китайского сюзеренитета. В свою очередь, верхи феодальной Кореи, сохраняя узы вассалитета, в дальнейшем могли рассчитывать на вмешательство Цинов в случае событий, подобных восстанию 1882 г., или попытке государственного переворота 1884 г. При этом, по мнению южнокорейских ученых, перед Кореей сохранились перспективы самостоятельной модернизации и превращения в сильную, независимую страну – ведь держава-сюзерен по собственному почину способствовала установлению дипломатических отношений своего вассала с западными государствами. Представляется, однако, что буржуазные историки Южной Кореи, исходя из националистической концепции „самостоятельной модернизации", явно идеализируют политику Цинской империи. Эта политика была отнюдь не только оборонительной, она воплощала и великодержавные захватнические устремления правящих кругов феодального Китая.

Анализируя политику Японии в отношении Кореи, буржуазно-националистические исследователи выделяют ее экспансионистские планы на материке. После событий 1882 и 1884 гг., продемонстрировавших враждебность корейского народа японскому империализму, после заключения в 1885 г. японо-китайского Тяньцзиньского договора Япония сознавала невозможность прямого вмешательства. В силу этого Токио часто действовал в Корее под вывеской „совместных" с Китаем акций против якобы распространявшегося в стране русского влияния. Япония также сосредоточила усилия на приобретении экономических привилегий в Корее. Кроме того, отмечается, что вплоть до начала 90-х годов в Токио не разработали четкий политический курс в отношении Кореи. В силу всех этих причин, по мнению авторов указанного труда, Япония в течение „мирного десятилетия" еще не представляла реальной опасности для Кореи [115, т. 4, с. 913].

Наконец, указывается, что в тот период не было никаких оснований опасаться и северного соседа – России. Могуществу России, отмечают авторы „Истории Кореи", правящие круги страны искали противовес, пытаясь сблизиться с Великобританией. „Было бы лучше, – восклицают составители труда, – если бы правители Кореи не домогались под-

держки внешних сил, а проводили бы реформы, которые только и могли бы способствовать возрождению страны" [115, т. 4, с. 915]. К тому же, продолжают они, Великобритания имела собственные экспансионистские планы на Дальнем Востоке, затрагивавшие также и Корею. О них свидетельствуют, в частности, оккупация британским флотом о-вов Комундо в 1885–1887 гг. [115, т. 4, с. 916]. Заметим, кстати, что ни о какой угрозе Корее со стороны России в 1884–1894 гг. не могло быть и речи, поскольку российское правительство строжайшим образом придерживалось принципа невмешательства в корейские дела [33, с. 93].

Развивая свой тезис об „упущенных возможностях мирного десятилетия", авторы „Истории Кореи" цитируют высказывание известного английского политического деятеля лорда Дж. Керзона. „Корея находится сейчас в таком положении, – писал Керзон в начале 90-х годов XIX в., – что, появись в корейском правительстве сильный политик, этой стране, несомненно, удастся взаимно сдерживать притязания всех трех соседних с Кореей государств, играя на противоречиях между ними. Однако своими слабыми силами Корея не может противостоять ни одному из соседей" [144, с. 916].

Рассматривая политику правящих кругов (во главе с кланом правительницы Мин Мёнсон) в критический период, когда определялись судьбы страны, авторы „Истории Кореи" отмечают, что „правители предавались лишь низменным интригам и борьбе за власть, в то время как приходила в упадок административная система Кореи, истощалась ее казна, разрушалась экономика и повсеместно поднималось народное возмущение" [115, т. 4, с. 918]. Хотя авторы „Истории Кореи" критикуют политику правящей янбанской клики, они все же избегают вдумчивого, подлинно научного анализа ситуации, сложившейся в Корее в конце XIX в., ситуации, грозившей подрывом самих внутренних устоев феодального режима. Вполне закономерно поэтому, что и положительная оценка авторами данного труда крестьянской войны под знаменем Тонхак (1894 г.) основана лишь на том, что повстанцы „высоко подняли знамя современного национализма", что „восстание открывало путь самостоятельной модернизации в борьбе против пагубных внешних влияний" [115, т. 5, с. 2]. Следует, однако, отметить, что авторы „Истории Кореи" совершенно правильно подчеркивают патриотизм руководителей тонхаков, которые решили оставить занятый ими г. Чонджу не столько по военным соображениям, сколько учитывая возможность интервенции Китая и Японии. Таким образом, тонхаки жертвовали своими интересами ради интересов государства [115, т. 5, с. 104]. Южнокорейские исследователи в связи с этим критикуют не только таких современных апологетов японского колониализма, как Х. Конрой, но и тех иностранных авторов, которые добросовестно заблуждались в оценке деятельности тонхаков.

Так, американский кореевед Ф. Маккензи, например, признавая достаточно высокое патриотическое сознание повстанцев 1893–1894 гг., тем не менее писал: „Когда движение [тонхаков] достигло определенной степени зрелости, Япония насадила среди тонхаков своих марионеток; в результате у повстанцев появилось современное оружие, часть их прошла военную выучку, почему они и продемонстрировали явные военные способности" [159, с. 44]. Ф. Маккензи даже считал, что антияпонские лозунги повстанцев, по существу, служили внешнеполитическим целям Японии, поскольку, выдвигая их, тонхаки якобы стре-

мились спровоцировать китайскую интервенцию в Корее. Эта интервенция, по мнению Ф. Маккензи, в свою очередь, дала бы Японии повод для вторжения в Корею.

Примерно в таком же духе писал о тонхаках и другой американский историк, Ф. Харрингтон: „Поскольку руководители тонхаков получали помощь от Японии и прояпонски настроенных высокопоставленных корейцев, они казались и виновниками [иностранного] вмешательства во внутренние дела Кореи. В этом состояла основная ошибка тонхаков, так как [японская] интервенция была бедствием для всего народа. Когда же Китай потерпел поражение от Японии, японцы изменили свое отношение к тонхакам и варварски расправились с ними" [147, с. 245].

Процитировав этих явно непредвзятых американских ученых, авторы „Истории Кореи" объясняют их ошибки только недостаточно тщательным изучением истории движения тонхаков. На деле правящие круги Японии вознамерились использовать тонхаков в своих корыстных целях не раньше, чем началась крестьянская война. Практически японское влияние стало некоторым образом сказываться на действиях тонхаков только после начала японо-китайской войны 1894—1895 гг. [115, т. 5, с. 110]. Что же касается деятельности „благородных рыцарей" (группы добровольцев из японской шовинистической организации „Черный океан"), которых превозносит современный прояпонски настроенный американский историк Х. Конрой [143, с. 231], то их „подвиги", по мнению авторов „Истории Кореи", носили мифический характер. Небольшая группа из 7—8 террористов (во главе с неким Такэда), перед которой была поставлена задача спровоцировать столкновение с Китаем, уже в середине июня 1894 г. покинула лагерь тонхаков и присоединилась к японским войскам в Сеуле. Истина же состоит в том, что японцы активно боролись против тонхаков, а вовсе не оказывали им какую-либо помощь. <Именно из-за нападения японских интервентов, — говорится в „Истории Кореи", — значительные отряды тонхаков не смогли предпринять поход на Сеул и в конце концов потерпели поражение> [115, т. 5, с. 112]. Что же касается привлечения японскими империалистами на свою сторону какой-то части тонхаков, то подобные факты имели место десятью годами позже, во время русско-японской войны; в 1894 г. ничего подобного не произошло.

Исходя из анализа деятельности повстанцев, выработавших целую социально-политическую программу, которая легла в основу соглашения о перемирии между повстанцами и правительством, авторы „Истории Кореи" признают первенствующую роль тонхаков в деле „модернизации" страны. Они отмечают, что примерно половина повстанческих требований нашла воплощение в правительственных реформах 1894 года [115, т. 5, с. 122].

Однако неспособность корейского правительства самостоятельно справиться с тонхакским восстанием, обращение его за помощью к цинскому Китаю повлекли за собой высадку японских интервентов, которые вскоре начали хозяйничать в стране. Они свергли правительство клана Мин и вернули к власти тэвонгуна, которого сделали проводником реформ. Именно такая „навязанная внешней силой скоропалительная модернизация не только серьезно воспрепятствовала истинному обновлению, но и вызвала национальную трагедию" [115, т. 5, с. 124].

Авторы „Истории Кореи" отвергают версию, будто всесторонняя слабость Корен фактически спровоцировала японо-китайскую войну

1894–1895 гг. „Если обратиться к фактам, – пишут они, – то важнейшей причиной войны можно считать политику цинского Китая, который, упиваясь своим призрачным величием, произвольно вмешивался во внутренние дела [Кореи], а к иовой силе – японскому империализму – относился с безосновательным пренебрежением. Итогом этих просчетов явилась война, пагубная и для Кореи, и для Китая" [115, т. 5, с. 136].

Отвергая заявление японских государственных деятелей (например, тогдашнего министра иностранных дел Муцу Мунэмицу), пытавшихся представить японо-китайскую войну как „столкновение современной европейской цивилизации со старой восточноазиатской культурой", южнокорейские исследователи считают ее столкновением двух милитаризмов, причем „Цинская империя олицетворяла технически отсталый милитаризм, который, однако, осмелился спровоцировать войну, в которой совершенно закономерно понес тяжелые поражения от молодого и энергичного японского милитаризма" [115, т. 5, с. 224].

Переходя к оценке реформ 1894 года авторы „Истории Кореи" подвергают резкой критике точку зрения американского ученого Х. Конроя, который, стремясь доказать отсутствие у Японии агрессивных намерений, пытается представить японского посланика Отори Кэйсукэ „бескорыстным инициатором преобразований, подлинным основателем Высшего военного совета" [143, с. 628]. «Этот совет разработал реформы, сравнимые по своим масштабам и последовательности с преобразованиями знаменитых „ста дней реформ" в Китае. Реформы 1894 г. в Корее вовсе не были порождением империалистических замыслов Японии», – утверждает Х. Конрой [143, с. 629]. Оспаривая это сравнение, авторы „Истории Кореи" уподобляют „сто дней реформ" в Китае событиям 1884 г. в Корее. „Невозможно не заметить сходства между обоими событиями, – пишут они. – Пак Ёнхё, Ким Оккюн и другие реформаторы, убедившись в слабости Кореи во время событий 1882 г., предприняли попытку государственного переворота, старались привлечь на свою сторону молодого вана Коджона, покончить с засильем клана Мин и внедрить в Корее достижения цивилизации, обеспечить иезависимость страны. Подобно этому Кан Ювэй, Лян Цичао и их сподвижники после поражения Китая в войне с Японией попытались привлечь на свою сторону императора Гуансюя и устранить влияние упорствующей в своем консерватизме императрицы Цыси, чтобы быстро осуществить крупные преобразования" [115, т. 5, с. 261]. Однако южнокорейские авторы отмечают и существенную разницу между реформаторскими движениями в Китае и в Корее. В Китае еще до 1898 г. предпринимались определенные попытки заимствования европейских новшеств в военном деле и промышленности; соответственно у китайских реформаторов была какая-то база для самостоятельных преобразований. В Корее же это условие отсутствовало, и „кэхва ундон" якобы „было использовано лишь силами японского империализма, препятствовавшими достижению независимости Кореи и ее реальной модернизации" [115, т. 5, с. 262].

Сравнение „ста дней реформ" в Китае с преобразованиями 1894 г. в Корее, по мнению авторов данного труда, невозможно также и потому, что к 1894 г. Корея фактически утратила свободу действий. «Реформы года кабо, – продолжают они, – были подчинены интересам японского империализма. Не случайно активным их проводником выступал японский посланник Отори Кэйсукэ. Преобразования 1894 г. способствовали проникновению в Корею внешних врагов, а в дальнейшем и утрате

ее независимости, тогда как „сто дней реформ" в Китае служили укреплению мощи страны» [115, т. 5, с. 263]. Одним из результатов реформ, проведенных под внешним давлением, по мнению авторов „Истории Кореи", стали „боязнь перемен, неприятие модернизации. Таким образом, реформы фактически задерживали действенную модернизацию" [115, т. 5, с. 264].

Южнокорейские ученые полагают, что для Кореи был закрыт и путь революционного обновления (наподобие Синьхайской революции 1911 г. в Китае): „Малая страна, где едва только пробились первые ростки современного национального капитала, оказалась под мощным давлением со стороны опасного империалистического соседа. Это лишило Корею свободы действий и вплоть до середины XX в. обрекло на горькую участь японской колонии" [115, т. 5, с. 263]. Положение осложнялось обскурантизмом правящих кругов, неспособных даже играть на межимпериалистических противоречиях. Вместо этого ван Коджон и правительница Мин лишь беспорядочно меняли китайскую ориентацию на японскую, а японскую — на русскую, и обратно. В итоге Корея стала пешкой в своекорыстной игре империалистических держав, а связанные с нею события „могут быть поняты лишь в контексте экспансионистского курса этих держав в конце XIX — начале XX в." [115, т. 5, с. 459].

Действительно, в результате подписания Симоносэкского договора Корея стала независимой только от Китая, что же касается Японии, то последняя сделала все от нее зависящее, чтобы покончить с корейским суверенитетом и независимостью. Достичь этой цели японский империализм намеревался именно в ходе экспансии на Азиатском континенте, развернутой им после победоносной для Японии войны с Китаем в 1894—1895 гг.

В этих условиях в массах корейского народа стали нарастать националистические настроения, стремление к мести империалистическим захватчикам. Однако, по словам авторов „Истории Кореи", „начавшееся в первом десятилетии XX в. национальное движение современного типа за суверенитет и независимость страны было обречено на поражение вследствие жесточайших репрессий со стороны японского империализма. Некоторые борцы эмигрировали, а другие ограничились отстаиванием национального самосознания и национальной культуры, развернув религиозно-реформаторскую или светскую просветительскую деятельность" [115, т. 5, с. 889]. В противовес последней форме национального движения „История Кореи" высоко оценивает акцию корейского патриота-террориста Ан Чунгына, убившего первого японского генерального резидента Ито Хиробуми в 1909 г. „Выстрелы Ан Чунгына, — пишут авторы труда, — продемонстрировали исключительно высокий национальный дух корейцев, они отозвались в сердцах китайцев и других угнетенных народов Востока, предрекли крушение японского империализма" [115, т. 5, с. 970]. О непреклонности корейских патриотов свидетельствует и цитируемое в „Истории Кореи" послание корейских политических эмигрантов Тэраути Масатакэ[13] после аннексии страны: „Вы присоединили Корею к Японии, безжалостно прибегнув к силе, но это — начало крушения [самой] Японии. Чего бы нам это ни стоило, мы, корейцы, никогда не покоримся вам. Мы ответим на ваш гнет выстрелами и ударами сабель" [115, т. 5, с. 979]. Воспевая акции террористов-одиночек, буржуазно-националистические авторы, однако, обходят молчанием массовое движение против установления япон-

ского колониального гнета в самой Корее. Вполне очевидно и явное преувеличение международного значения этих акций.

Национально-освободительное движение

Отсутствие у буржуазных исследователей четкого исторического критерия нации как социальной общности, связанной с данной социально-экономической формацией, идеалистическая трактовка ее как производного от „национального духа" обусловливают ряд противоречивых определений характера национального движения в Корее в новое и новейшее время. Многие недомолвки и оговорки объясняются прежде всего пристрастным стремлением буржуазное по своему классовому и историческому содержанию национально-освободительное движение представить в качестве общенародного надклассового движения, выражающего интересы всей нации в целом. Эти трудности начинаются с определения начальной даты национально-освободительного движения, ибо борьба против инонациональных элементов велась еще в глубокой древности. Ссылаясь на этот факт, буржуазно-националистические историки делают понятие „национально-освободительное движение" вневременным. Вот их аргументы: политические образования эпохи Трех государств, например, „в расовом и культурном отношении были крайне близки друг другу, они стояли у истоков корейской нации; мы, будучи их наследниками в культурном, географическом и этническом отношении, естественно, рассматриваем борьбу населения Трех государств против других наций как историю нашего национального сопротивления" [112, т. 1, с. 551]. Тем не менее авторы „Истории Кореи" оговариваются, что факты политической истории предков корейской нации „не являются предметом изучения историков корейского национального движения" [112, т. 1, с. 552]. Причина в том, что национально-освободительного движения нет без „нации" и „национального сознания"; между тем эти компоненты возникают не одновременно. Формирование корейской нации историк Чо Чихун, например, относит к первой половине XV в. Что же касается национального сознания, его формирование растянулось на века. Появление первых его зачатков в массах корейского народа этот ученый относит к концу XVI – первой трети XVII в., времени японского и маньчжурских нашествий. Именно тогда, по мнению Чо Чихуна, „простой народ начал осознавать ту истину, что урон от иноземных захватчиков намного тяжелее эксплуатации и гнета, вызванных пороками существующей экономической системы!" [112, т. 1, с. 553]. Однако даже и в конце XIX в., по мысли исследователя, становление нации и национального сознания еще не завершилось. Соответственно и выступления антияпонских партизанских отрядов „Ыйбён" не являются для Чо Чихуна подлинно национально-освободительными. „Эти выступления, – подчеркивает ученый, – объяснялись не столько возросшим национальным сознанием, не столько даже верностью царствующей династии, сколько традиционными чувствами верности и покорности своим праведным господам и государственным учреждениям. Строго говоря, вплоть до аннексии страны Японией корейский народ представлял собой лишь толпу нерассуждающих и бесправных подданных; корейский народ до тех пор еще не осознал общность судеб, превалирующую над классовыми интересами" [112, т. 1, с. 541].

Касаясь этой же проблемы, Ким Чунъён и Ким Чхансун, авторы труда по истории корейского коммунистического движения, следую-

щим образом характеризуют положение в стране накануне ее насильственного „открытия": „Правящий класс, поглощенный междоусобной борьбой и беспощадным обиранием крестьянства, не обладал и крохами знаний о внешнем мире, а простой народ до крайности обессилел и оскудел, не мог и думать о социальных реформах. В Корее не было даже ростков национального самосознания, направленного на отражение внешней опасности. Хотя корейская нация стихийно, но довольно четко отделяла себя от всех иноплеменных, следуя ксенофобскому инстинкту, все же современные националистические представления еще не созрели" [64, с. 6].

Игнорирование вопроса о стадиальных изменениях в развитии корейского общества в конце XIX в., особенно вопроса о классовой структуре, ведет современных южнокорейских буржуазных историков к принижению роли феодального национализма, представлявшего в идеологической сфере первый этап сопротивления стран Востока агрессии капиталистических держав. Преклонение перед капиталистической цивилизацией обусловило также и явную переоценку цивилизаторской роли иностранных „культуртрегеров". Мы видим, что не обоснованные научно поиски истоков „национального сознания", не связанного с идеологией определенного класса, не дали сколько-нибудь определенных и согласованных результатов. В пределах длительного периода – с конца XVI в. до начала XX в. – то или иное событие в политической (Имджинская война, маньчжурские нашествия в XVII в., японо-китайская война 1894–1895 гг.), идеологической (формирование группировки сирхаков, распространение христианства и учения тонхаков), социальной (восстание Хон Гённэ в 1812 г., крестьянские бунты 1862 г., тонхакское восстание 1893–1894 гг.) областях выдается, с неодинаковым успехом, за решающий признак начала становления „современного общества" и пресловутой „модернизации". Характерно при этом явное преувеличение значения западноевропейских влияний. Так, зарождение сирхакского направления общественной мысли связывается с появлением в Корее первых иностранцев, европейских технических новинок, а с распространением христианства – первые ростки идей „демократии" и „народных прав" на корейской земле [112, т. 1, с. 554].

О противоречивости взглядов южнокорейских историков на эту проблему свидетельствует, например, точка зрения Чо Чихуна. В качестве начального рубежа нового времени в истории Кореи он выделяет события тонхакского восстания и реформ 1894 года. Правда, Чо Чихун оговаривается, что еще инициаторы попытки государственного переворота 1884 г. намеревались провести далеко идущие преобразования, а „ворота в новое время открыл перед Кореей Канхваский договор 1876 г." [112, т. 1, с. 555]. Окончательно запутывает точку зрения автора по вопросу о начальном рубеже периода нового времени в истории Кореи его утверждение, что „началом национального движения в современном смысле слова, т. е. борьбы за независимость, можно считать лишь Первомартовское движение 1919 г." [112, т. 1, с. 556]. Под „национальным движением в современном смысле" Чо Чихун, очевидно, имеет в виду буржуазное национально-освободительное движение, хотя всячески избегает раскрытия его классового содержания. Этому понятию, однако, не соответствовали ни „кэхва ундон", ни стихийное крестьянское восстание 1893–1894 гг.

«Инициаторы попытки государственного переворота 1884 г., – пишет Чо Чихун, – собирались установить независимый, современный

режим, но, свергая власть раболепствующей перед Цинами клики, заговорщики рассчитывали на влияние Японии (что было неизбежно при тогдашних условиях) и потерпели поражение. В конечном счете оказалось, что они прокладывали пути для агрессии японского империализма. Государственный переворот 1884 г. не мог положить начало национальному движению современного типа еще и потому, что его руководители-аристократы не имели никакой массовой опоры. Все же события декабря 1884 г. явились первым политическим выступлением против принципа „садзджуый". Оно открыло первую страницу движения за модернизацию страны» [112, т. 1, с. 556]. В противоположность попытке государственного переворота 1884 г. тонхакское восстание 1894 г. было движением широких народных масс, „вдохновленных революционным стремлением покончить с беззаконием и поборами чиновников, ликвидировать прогнившие порядки. Это движение было чисто национальным, оно не пользовалось никакой поддержкой извне. Историческая заслуга восстания тонхаков в том, что оно указало правильный путь современному [корейскому] национальному движению" [112, т. 1, с. 557].

Касаясь причин поражения восстания тонхаков, авторы труда по истории корейского коммунистического движения пишут: «Хотя [восстание] было направлено против продажных чиновников, против всей прогнившей политической и экономической системы, его вожди не имели какого-либо представления о буржуазном общественном строе и ие стремились к его установлению. Несмотря на лозунги „защиты справедливости, изгнания иностранцев", тонхакам недоставало единства, основанного на идеях общности национальных судеб и модернизации страны. Поэтому тонхаки в области идеологии не вышли за рамки средневековой ксенофобии, хотя, несомненно, сделали крупный шаг в сторону демократии и национализма» [64, с. 9].

Период 1895–1910 гг. был временем отчаянной борьбы за сохранение независимости страны, ожесточенного соперничества империалистических держав вокруг Кореи, временем установления японского колониальиого господства. В упомянутом выше труде по истории коммунистического движения отмечается, что именно в этот период объективные изменения, связанные с проникновением в страну иностранных товаров, разложением натурального хозяйства и развитием товарно-денежных отношений, развитием современных средств сообщения и распространением современной культуры, подготовили зарождение современного (т. е. буржуазного. – *М. П.*) национализма в Корее [64, с. 10]. Авторы весьма сдержанно оценивают вооруженную борьбу отрядов „Ыйбён", а также деятельность либеральной организации „Тонгнип хёпхве" в конце XIX – начале XX в. Отмечается, что отряды „Ыйбён" находились всецело во власти отсталой феодальиой идеологии; либеральное движение слишком опережало время, поскольку „уровень национальиого и демократического созиания народных масс был еще низок. К тому же идейно-теоретические основы этого движения были недостаточно разработаны, и оно не в силах было противостоять консервативным тенденциям правительства, опиравшегося на поддержку внешних империалистических сил" [64, с. 11]. Лишь после русско-японской войны, по мнению ряда южнокорейских ученых, курс японского империализма на превращение Кореи в свою колонию приобрел зримые черты. В результате „неясное до того момента национальиое самосознание стало превращаться в фактор активных массовых дей-

ствий. Бессознательные и разноналравленные антииностранные настроения теперь конкретизируются и развиваются в антияпонский национализм. Этот национализм приобрел возвышенные черты непрерывного, всеобъемлющего, конкретного и целеустремленного национального самосознания" [64, с. 12].

Как легко заметить, и в данном случае национализм изображается в качестве общенародной надклассовой идеологии. Именно этим, можно объяснить отсутствие четкой грани между старым, феодальным национализмом и современным, буржуазным национализмом. Уже отмечалось, что современные буржуазно-националистические историки Южной Кореи полностью отрицают всякое положительное значение деятельности Коджона и других деятелей монархического режима, предпринимавших дипломатические шаги для защиты независимости страны от японской агрессии, заявляя, что правитель и его окружение „не имели ничего общего с национализмом и национальным движением" [64, с. 14].

В трактовке вопроса об истоках современного, буржуазного национализма у ряда южнокорейских авторов можно заметить следы влияния теории марксизма и марксистской научной литературы. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, следующий пассаж из упоминавшегося нами труда по истории корейского коммунистического движения: „Объективные условия, сделавшие возможным зарождение и укрепление современного национализма, следует искать в усилении экономических связей в масштабах всей страны по мере развития товарно-денежного хозяйства, в возрастающем распространении просвещения в результате издания газет и появления различных школ, в развитии средств сообщения, главным образом железных дорог, в появлении национального капитала и развитии его идеологии. Все эти факторы соединились с фактором общности языка и традиционной культуры" [64, с. 15]. В качестве конкретных примеров проявления этого нового национализма приводятся активные выступления национальной прессы против установления в стране японского протектората, демонстративные акты самоубийства патриотов и др. Хотя подобные демонстрации, равно как и разрозненные стихийные выступления народа, оказывались малоэффективными против современной военной организации японского империализма и не в состоянии были остановить захватчиков, огромное значение их характеризуется тем, что они „формировали и усиливали сознание единства национальной судьбы, а равно и единых норм поведения, внося вклад в повсеместное утверждение в массах национализма. Подтверждая правоту национального дела, расширяя до всенародного масштаба национальное сознание, эти выступления практически заложили основы будущего национального движения" [64, с. 16].

Начальной точкой массового современного (т. е. буржуазного. — *М. П.*) национального движения большинство южнокорейских историков считают Мартовское восстание 1919 года. В „Истории корейской культуры" сталкиваемся со своего рода эталоном буржуазно-националистической оценки этого первого народного восстания против господства японского империализма. „Первомартовское движение, — говорится в указанном труде, — это первое в строгом смысле слова национальное движение. Именно к 1919 г. пробудилось одухотворявшее его современное национальное самосознание, ярко проявилась общность чувств и интересов всего народа, общность культуры и судеб нации. Обострению национальных чувств способствовал жестокий гнет японских колонизаторов,

аннексировавших страну. Этот гнет сказался во всех областях – политической, экономической, культурно-просвéтительной. Во всенародном надклассовом движении 1919 г. действительно сплелись вместе верхи и низы корейской нации, исходившие из интернациональной, демократической идеи самоопределения наций" [142, т. 1, с. 558]. Отмечается также, что руководство национальным сопротивлением с тех пор перешло от аристократов – конфуцианцев и консерваторов – к выходцам из простонародья.

В противовес этой идиллической картине Мартовского восстания, набросанной авторами „Истории корейской культуры", составители труда по истории корейского коммунистического движения отмечают существенные недостатки и слабые стороны массового движения 1919 г. „Ему не хватало духа самостоятельности и четкого, последовательного руководства. Конечно, по масштабам, числу жертв, высоте боевого антияпонского духа Первомартовское движение было поистине крупнейшей массовой акцией корейской нации, оно по праву является одной из блестящих страниц истории борьбы угнетенных народов всего мира, однако по реальным результатам Первомартовское движение трудно отнести к категории революционных" [64, с. 20]. Цитируемые южнокорейские авторы резко критикуют программу ненасильственных действий, выдвинутую националистическими руководителями, строившими иллюзии насчет помощи великих держав (в соответствии с „14 принципами В. Вильсона"). „Первомартовское движение, – указывают сеульские ученые, – убедительно продемонстрировало корейской нации, насколько пагубна тенденция к опоре на внешние силы, т. е. своеобразный принцип „садзджуый". Несмотря на общенациональные масштабы сопротивления, несмотря на убедительные проявления огненной силы патриотизма, одними лишь мирными манифестациями и здравицами национальному делу невозможно достичь священной цели [освобождения]" [64, с. 24]. После 1919 г. южнокорейские историки фиксируют изменение форм и методов национально-освободительной борьбы, зарождение новых течений в национальном движении – умеренного националистического и радикального, представленного „сторонниками Коминтерна и Москвы" [64, с. 15] [14]. При этом, однако, они не изменили своему надклассовому подходу, что резко обедняет научное содержание изысканий буржуазных ученых.

Среди методов национально-освободительной борьбы авторы „Истории корейской культуры" на первое место ставят „кровавое сопротивление". К этой категории ими причисляются такие различные по социальной направленности и классовому составу движения, как попытка государственного переворота 1884 г., крестьянская война 1893–1894 гг., движение отрядов „Ыйбён" в конце XIX – начале XX в., партизанское движение „Тоннипкун" 20-х годов XX в. Упоминаются также действия корейских националистических формирований в боях против Японии в годы второй мировой войны. Кроме того, к „кровавому сопротивлению" отнесена деятельность различных террористических организаций („Кванбокхве", „Ырёльдан"), многочисленные демонстративные акты самоубийств, совершенных корейскими патриотами в знак протеста против установления японского протектората и аннексии страны [112, т. 1, с. 560].

В качестве второй формы национально-освободительной борьбы авторы данного труда выделяют различные петиционные движения, мирные демонстрации с выражением национальных требований (в том

числе демонстрации, апеллировавшие к мировому общественному мнению). В данный разряд включены массовые манифестации в марте 1919 г., демонстрации 10 июня 1926 г.[15], манифестации студентов в 1929 г. Сюда же причислена посылка корейских делегаций на Гаагскую международную конференцию 1907 г.[16], на Парижскую мирную конференцию 1919 г., на сессии Лиги Наций, на „скандинавский рабочий конгресс" в Стокгольме[17], на съезд народов Дальнего Востока в Москве в 1922 г., а также деятельность различных национальных организаций (от „Тоннип хёпхве" до Коммунистической партии Кореи[18]) [112, т. 1, с. 36].

Наконец, к третьей форме национального движения отнесена культурно-просветительская деятельность: издание корейской прессы („Тоннип синмун", „Хвансон синмун", „Тонъа ильбо", „Чосон ильбо" и др.), развитие национальной литературы и искусства, науки (особенно корейской историографии, филологии, лингвистики), деятельность спортивных, религиозных, женских, молодежных, кооперативных организаций; создание частных корейских школ, проведение кампании за открытие национального корейского университета [112, т. 1, с. 561].

Производя такую классификацию форм национального движения, не разграничивая ни их места в истории, ни их социальной направленности, авторы „Истории корейской культуры" тем самым фактически нивелируют их. „Хотя различия между активными и пассивными [формами] антияпонского сопротивления действительно существовали, — пишут они, — и хотя временами резко проявлялись их недостатки или шатания, мы считаем, что ни первые, ни последние не могли ничего изменить в духе антияпонского сопротивления, который в конце концов стал определяющим элементом национального самосознания" [112, т. 1, с. 562].

Стремление установить истоки национально-освободительно движения лишь в соответствии с проявлением „национального самосознания" фактически затемняет классовое содержание отдельных исторических этапов этого движения. Соответственно маскируется вопрос о классе-гегемоне освободительного движения каждой данной эпохи, а также роль буржуазии как основного носителя и провозвестника идеологии национализма. Любые события национально-освободительного движения в результате оказываются производными от идеологических категорий. Утверждается, например, что «корейское национальное движение берет начало от двух противоположных идеологических концепций. Это, во-первых, концепция модернизации, которая одушевляла деятелей „кэхва ундон", стремившихся к созданию современного национального государства путем заимствования и внедрения передовой культуры. Во-вторых, охранительная концепция, на которой основывались действия консервативно-монархических сил, отвергавших всякие заимствования во имя защиты отечества от иностранцев» [112, т. 1, с. 562]. При этом оказывается, что в крестьянской войне 1893–1894 гг. под знаменем тонхаков как бы синтезировались оба начала. Выступления тонхаков против феодальных привилегий были созвучны подобным выступлениям деятелей „кэхва ундон". В то же время ксенофобия повстанцев уходила корнями в феодальную идеологию. Здесь, как и в других случаях, южнокорейские исследователи обходят молчанием вопрос, какой именно класс на каждом из этапов национально-освободительного движения играл ведущую роль, выступая носителем определенной идеологии [12, т. 1, с. 559].

На наш взгляд, одна из целей подобного подхода – оправдание национального предательства корейской буржуазии, десятилетиями мирно сотрудничавшей с японскими колонизаторами. С той же целью южнокорейские историки вновь апеллируют к „внешним факторам", приписывая ослабление размаха национально-освободительного движения (вызванное на деле капитулянтством значительной части корейской буржуазии) в основном „изменению политики Коминтерна, прекратившего сотрудничество с национальной буржуазией колониальных стран" [112, т. 1, с. 560].

Порой даже реабилитируются прямые ренегаты из числа националистических деятелей, прежде участвовавших в вооруженной борьбе с колонизаторами. О них в „Истории корейской культуры", например, сказано: „Мы стремились отмечать лишь [их] заслуги в деле служения национальному делу, обходя молчанием их дальнейшие провинности перед нацией" [112, т. 1, с. 718]. Всячески восхваляется и деятельность национал-реформистских кругов корейской буржуазии, приспосабливавшихся к политике „культурного управления", которую проводили японские колонизаторы после 1919 г. Превозносится, например, „смелость" легальной буржуазно-националистической печати, страдавшей от репрессивных мер колонизаторов, преувеличивается роль националистически настроенных ученых, писателей, деятелей искусства, которые „подводили прочную базу под национальное самосознание, побуждали гордиться традициями национальной культуры, оттачивали национальную идею кореанизма (!)" [112, т. 1, с. 724]. Деятельность же национальной буржуазии по укреплению своих позиций в экономике Кореи характеризуется как „движение за укрепление реальных сил нации" [112, т. 1, с. 734].

Что же касается классовых противоречий, то они предстают на страницах трудов южнокорейских историков лишь как противоречия между трудящимися-корейцами и эксплуатирующим их японским колониализмом. Отмечая рост числа трудовых и арендных конфликтов, авторы „Истории корейской культуры", например, подчеркивают: „В обстановке учащавшихся выступлений рабочих и крестьян (под влиянием русской революции) социалистическое и коммунистическое движение все же в большей мере служило целям национального сопротивления, чем целям классовой борьбы. В свою очередь, национальное сопротивление было неразрывно связано с этими движениями. Поскольку национальное сопротивление и коммунистическое движение сходились в главном пункте – в отрицании японской нации и японского капитала (!), – между ними закономерно складывался единый фронт во имя национальной революции" [112, т. 1, с. 735].

Отрицание самостоятельного, классового характера корейского коммунистического движения является типичной чертой работ современных южнокорейских буржуазно-националистических ученых. Не вдаваясь в подробности трактовок истории корейского коммунистического движения в антикоммунистической историографии, важно отметить, что националистические ученые стремятся представить коммунистическое движение в Корее до 1945 г. в качестве всего лишь левого крыла националистического движения. В данном случае эти ученые следуют догме, будто в колониальных странах, где первоочередной задачей является национальное освобождение, нет места самостоятельному коммунистическому движению как классовому движению пролетариата. Вот что утверждают по этому поводу авторы

„История корейской культуры": „Коммунистическое движение в Корее зародилось под прямым или косвенным влиянием большевистской революции в России. В то же время задачи освобождения страны от японского колониального гнета вплоть до 15 августа 1945 г. сдерживали чисто социалистическую активность, одновременно стимулируя социалистические тенденции в национальном движении. Последнее с самого начала было окрашено в цвета национального социализма. Коммунистическое же движение вплоть до канупа Освобождения неотделимо от национально-освободительного движения" [112, т. 1, с. 737].

В целом той же точки зрения придерживаются и авторы „Истории коммунистического движения в Корее": „В колониальных странах, чьей высшей целью было достижение национальной независимости, — пишут они, — коммунистические партии часто возникали в качестве радикальных группировок в освободительном движении. Соответственно они и воспринимались скорее как партии борьбы за независимость угнетенных народов, нежели классовые партии в собственном смысле. И в Корее компартия, как бы она ни называлась, возникла в качестве группы, борющейся против японского господства. По своей природе она не была марксистской партией, опирающейся на низшие классы" [64, с. 449].

Свой тезис о невозможности самостоятельного коммунистического движения в условиях колониальной Кореи южнокорейские буржуазные ученые стремятся подкрепить и „объективными данными" о факторах, предопределивших слабость коммунистического движения в 20—30-х годах и неподготовленность широких масс трудящихся к организованным действиям. Касаясь причин разброда и фракционности в коммунистическом движении, Пак Инхо, автор антикоммунистической книги „Возникновение и развитие Трудовой партии Кореи", объясняет их, во-первых, болезнями роста, молодостью рабочего класса. Во-вторых, вследствие социально-экономической отсталости полуфеодальной и колониальной страны руководство коммунистическим движением находилось в руках мелкобуржуазной интеллигенции, которая не имела опыта организационной работы в массах. В-третьих, в процессе подпольной деятельности возобладала мораль „героев-одиночек". В-четвертых, в условиях жестоких репрессий со стороны японского империализма коммунистическое движение неизбежно замыкалось в узком кругу немногочисленных групп, объединявшихся вокруг отдельных личностей [90, с. 51]. Однако любые ссылки на объективные и субъективные трудности в развитии коммунистического движения в колониальной Корее не могут затмить того неоспоримого исторического факта, что под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в национально-освободительной борьбе корейского народа наступил новый этап. На смену безраздельному господству буржуазного национализма пришла новая эпоха, когда решающим фактором в освободительном движении становится политическая активность рабочего класса и крестьянства во главе с коммунистами, наиболее последовательными выразителями как национальных, так и классовых интересов всех трудящихся страны.

Усилия же южнокорейских националистических историографов коммунистического движения в стране направлялись на то, чтобы в ложном свете представить значение Октябрьской революции для национально-освободительной борьбы в Корее, оклеветать и дискредитировать политику Советского Союза и Коминтерна. Южнокорейские антиком-

мунисты пытаются сконструировать свою „модель" международного значения социалистической революции в России, полностью противоречащую исторической истине. Достаточно сказать, что в официальной „Истории движения за независимость Кореи", например, влияние революции 1917 г. на Корею характеризуется как некое „несчастье", которое якобы „привиесло немало путаницы в наше национальное движение" [113, с. 4]. Подобные измышления свидетельствуют прежде всего о страхе сеульского режима перед растущим влиянием коммунистических идей, перед ширящимся размахом классовой борьбы трудящихся Южной Кореи.

* * *

Подведем некоторые итоги рассмотрения, пусть на ограниченном материале, трактовки проблем „нация и национальная история", „роль внешних факторов в истории Кореи", „характер национально-освободительного движения".

Буржуазно-националистическая историография Южной Кореи не смогла разработать научное определение понятия „нация" как исторической категории. Термин „нация" применяется универсально для обозначения таких различных общностей, как „народ", „народность", „национальность". Проблема происхождения „нации" сведена к этногенезу, а ее сущность ограничена территориальной и духовной общностью. Главными признаками нации назван „национальный дух", а „национальная история" исчерпывается, в понимании буржуазных ученых, историей культуры. Проблема периодизации субъективистски поставлена в зависимость от „удобства изложения" фактического материала.

На многочисленных исторических примерах пропагандируется постулат об отрицательном влиянии внешних сил на поступательное развитие Кореи, на процесс ее „самостоятельной модернизации". Ряд южнокорейских историков делают из этого постулата актуальные выводы: Южной Корее, по их мнению, необходимо постоянное маневрирование на внешнеполитической арене, противопоставление друг другу могущественных иностранных государств. Лишь таким путем можно будто бы отстоять национальную самостоятельность и самобытность.

Национально-освободительное движение в Корее полностью сведено южнокорейскими учеными к истории антияпонского сопротивления и борьбы за независимость. В социально-политическом плане развитие Кореи до 1945 г. рассматривается как эволюция „единой бесклассовой общности", в рамках которой, соблюдая якобы „гармонию интересов", действовали и коммунисты-партизаны, и корейские капиталисты, боровшиеся за „укрепление реальных сил нации". В южнокорейской буржуазной историографии полностью отрицается классовый характер корейского коммунистического движения, а само оно выдается лишь за радикальное крыло национального лагеря. Политические цели и тенденциозность подобных историографических концепций очевидны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге первой попытки обобщающего освещения многовекового пути развития корейской историографии (в пределах изученного нами фактического материала) можно прийти к следующим выводам.

1. Современный южнокорейский буржуазный национализм является реакционной антикоммунистической идеологией, враждебной идеям научного социализма и пролетарского интернационализма и противостоящей им. Проповедь национализма отражает страх буржуазии перед классовой борьбой эксплуатируемых, ее стремление предотвратить революционные выступления трудящихся во главе с рабочим классом. Апологеты южнокорейского национализма выступают за классовый мир при существующих на юге Корейского п-ова социально-экономических и политических порядках, утверждают, что лишь „средний класс" (сводимый порой к одной интеллигенции) выражает общенациональные интересы, способен построить процветающее общество и обеспечить социальную справедливость. Но все эти концепции не выдерживают испытания южнокорейской действительностью, заполненной острыми классовыми конфликтами. Не буржуазный национализм, а только классовая борьба против иностранных и местных эксплуататоров, одухотворяемая идеями научного социализма, может обеспечить лучшее будущее рабочему классу и всем демократическим силам Южной Кореи.

2. Изучение традиционной корейской историографии современные буржуазные историки Южной Кореи подчиняют поиску истоков национального единства, „исконной самобытности" корейской нации. Трактовке проблем традиционной корейской историографии присущи элементы модернизации исторического прошлого; в значительной мере игнорируется значение социально-классового фактора в развитии общественной мысли вообще и историописания в частности. Главное место в изучении историографии предшествующих столетий занимает выявление духа „национального субъективизма".

В исследовании историографии нового и новейшего времени основное внимание южнокорейские ученые уделяют зарождению и этапам развития националистического направления исторической мысли. Крайне незначительное место уделено изучению марксистской историографии („школы социально-экономической истории"), заявившей о себе в 30-х годах XX в. Зарождение этой школы знаменовало коренные перемены в общественной мысли страны, происшедшие под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и вызванного ею подъема национально-освободительного и революционного движения корейского народа. Появление исторических работ, основанных на идеях марксизма, сыграло решающую роль в разоблачении фальсификаций корейской истории японской колониалистской историографией. Нельзя не отметить влияние ученых-марксистов на эволюцию буржуазно-националистической историографии, приверженцы которой в ре-

зультате такого воздействия совершенствовали исследования проблем корейской истории.

3. Развитие южнокорейской историографии после освобождения страны от японского колониального ига в 1945 г. происходило в условиях острой политической и идеологической борьбы между двумя противоположными социально-политическими системами как на международной арене, так и на Корейском п-ове, где возникли два государства – КНДР и Корейская республика (Южная Корея). Целью сеульского режима является объединение страны на капиталистической основе, и этой его цели подчинялась эволюция националистической историографии. В последние десятилетия активность ученых этого направления резко возросла, увеличилось число исторических публикаций. Противоречивость южнокорейского буржуазного национализма проявляется в том, что наряду с антикоммунистическими устремлениями правящих кругов в нем, как в национализме развивающейся страны, находит отражение антагонизм между целями империализма США и Японии, с одной стороны, и интересами большинства корейского народа, страдающего от неоколониалистской эксплуатации, – с другой. Носителями демократических тенденций южнокорейского национализма выступают, как правило, представители оппозиционных режиму сил (особенно буржуазной интеллигенции и студенчества). Эти тенденции явственно прослеживаются в исторической науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] „Чуньцю" („Вёсны и осени") – древнекитайская летопись, автором которой считается Конфуций.

[2] По образцу „Силлок" в 30-е годы XX в. японской колониальной администрацией были составлены летописи правления двух последних монархов династии Ли – „Кодзон силлок" (1863 – 1907) и „Сунджон силлок" (1907 – 1910). В последние десятилетия все „Силлок" переизданы в КНДР и Южной Корее.

[3] Пибёнса (Управление охраны границ) – важнейший орган государственного управления, в годы правления династии Ли (с XVII в.) заменял Ыйджонбу (Государственный совет).

Глава I

[1] Х. Кон называет национализм „самым первоначальным и четко выраженным состоянием духа, отождествлением своего индивидуального сознания с коллективным сознанием „мы", которому оказывается наивысшая преданность". К. Хэйс считает национализм „сознанием, являющимся порождением общего языка, общей письменности и прочих элементов, составляющих традицию данного сообщества". По Б. Шейферу, „волевой импульс нации, способствующий превращению какого-либо государства в еще более могущественное, и является национализмом" (цит. по [118, с. 8 – 9]).

[2] Так, Х. Кон, считающий национализм „состоянием психологического ощущения большинства членов определенного сообщества", признает, что это ощущение может измениться в зависимости от эпохи. Следовательно, по его мнению, может быть многозначным и само понятие национализма. Б. Шейфер полагает, что „нет никаких оснований считать одно из многочисленных определений национализма правильным, а другое – неправильным". А. Смит, в свою очередь, приходит к заключению: „Национализм – самая неопределенная идеология, к которой может быть приложена любая логическая система" (цит. по [118, с. 44 – 46]).

[3] С этими построениями Хван Сонмо явно полемизирует статья другого южнокорейского историка-националиста, Ли Гыкчхана, помещенная в том же сборнике.

[4] Между тем Ко Ёнбок признает, что такое примирение в Южной Корее отнюдь не достигнуто, а численно преобладающие в стране средние слои весьма далеки от гегемонии в общественно-политической и идеологической жизни. По результатам социологических обследований Ко Ёнбока, проведенных в 1964 г., 80% населения Южной Кореи недовольно существующим политическим положением; 73% населения высказывается за постепенные реформы, причем 65% считает необходимым устранить социальное неравенство. 67% опрошенных выступает за обеспечение гражданских прав и свобод; 75% считает, что причиной бедности страны является отсутствие сплоченности граждан; 65% полагает, что для сплочения народа необходимо твердое и эффективное руководство [118, с. 192 – 193].

[5] Вместе с тем Чин Доккю признает „чуждым воле нации" и стремление южнокорейской элиты „руководствоваться главным образом западными стандартами, отбросив традиции национальной культуры" [118, с. 246].

[6] Термин „устранение душевной преграды" заимствован Ли Донсиком у сон-буддистов, равно как и концепция „истинного лика". По мнению автора, упомянутые термины равнозначны принципу „самореализации" в разработанной западными буржуазными учеными теории психоанализа.

[7] Ли Гвансу не скрывал пессимизма в отношении будущности страны. „Мы, корейцы, – писал он, – как в духовном, так и в материальном отношении находимся ныне в крайне жалком положении. И дух нации находится сейчас на предельно низком уровне. На смену нынешнему упадку придет лишь еще больший упадок, а в конечном счете нацию ожидает гибель" [78, с. 181]. Свой пессимизм идеолог национал-реформизма обосновывал ссылками на особенности корейского национального характера, которые он подбирал совершенно произвольно, полностью игнорируя, например, такой важный для этнопсихологической характеристики фактор, как японский колониальный гнет. Основными чертами „деградировавшего национального характера" Ли Гвансу объявлял лживость, эгоизм, лень, безверие, трусость, всепоглощающий индивидуализм. Путь к возрождению нации, согласно Ли Гвансу, пролегал не через завоевание независимости, а через возрождение „высокой традиционной морали, через преобразование национального характера и нации в целом" [78, с. 186].

[8] Народное восстание в 1960 г., приведшее к падению режима Ли Сынмана.

[9] Реакционный военный переворот 1961 г., установивший диктатуру Пак Чонхи.

[10] Умеренно оппозиционная новая народная партия (основана в мае 1968 г.), конечно, в своекорыстных целях довольно резко нападала на политику клики Пак Чонхи. Оппозиционеры протестовали против «всепроникающей полицейской слежки, ведущейся под ложным предлогом „борьбы против коммунизма"». Они характеризовали экономический строй Южной Кореи как „антидемократический и антинародный, служащий монопольному обогащению бюрократии и привилегированных финансовых клик, наживающихся благодаря беспощадному грабежу крестьян и рабочих, разорению мелких и средних предпринимателей" [104, с. 667]. Однако, критикуя правящий режим, новая народная партия не противопоставила его курсу никаких принципиально новых идей, никаких позитивных мер.

[11] Слегка приукрашенный в 1972 г. режим личной власти Пак Чонхи официально именовался „четвертой республикой". „Первая республика" существовала в Южной Корее в 1948 – 1960 гг.; „вторая республика" – в 1960 – 1961 гг.; „третья республика" – в 1963 – 1972 гг.

[12] „Октябрьские реформы возрождения" трактовались сеульскими идеологами как воплощение „духа независимости" (*чаджу чонсин*), „духа [экономической] самостоятельности" (*чарип чонсин*), „духа самопомощи" (*чаджо чонсин*), „духа самообороны" (*чави чонсин*) и „духа самоопределения" (*чагёль чонсин*) [109, с. 137].

[13] В новой обстановке оказался возможным диалог представителей двух корейских государств. Предварительные итоги этого диалога были обобщены в совместном заявлении Севера и Юга (июль 1972 г.).

Глава 2

[1] Прямым преемником Древнего Чосона было Когурё, значение которого в корейской истории Ким Бусик стремился всячески принизить. Уже один этот факт опровергает, по мнению Ким Чхольджуна, тезис Ко Бёнъика о беспристраст-

ности автора „Самгук саги" в отношении всех трех раннефеодальных корейских государств.

[2] Более логичным было бы, замечает Ким Чхольджун, сравнивать труд Ким Бусика с „Самгук юса", представлявшим иное идейное течение той же эпохи (XII–XIII вв.).

[3] В освещении этих проблем, отмечает Ли Гибэк, „Самгук юса" перекликается с тезисами историков-националистов XX в., также отвергавших китаецентристские концепции корейской истории.

[4] В числе таких конкретных политических обстоятельств Хан Ёньу называет соотношение сил противоборствующих придворных группировок, отстранение монарха от государственного управления или, наоборот, его активное участие в решении внутри- и внешнеполитических проблем; поворот правящих кругов к курсу внешнеполитической экспансии или их стремление сохранить статус-кво; степень их приверженности принципу „садэджуый" [108, с. 77–78].

[5] Основной составитель „Корё са" Ким Чоисо был казнен по повелению вана Седжо в 1456 г., поэтому авторство летописи впоследствии официально приписывалось Чон Инджи.

[6] Син У (1374–1388) и Син Чхан (1388–1389) – преемники вана Конмина, согласно историографии династии Ли, незаконнорожденные дети монаха Синдона.

[7] Характерно, что, как и в „Самгукса чольё", история Древнего Чосона излагается в разделе „Вэги".

[8] Примечательно, что в линию легитимной преемственности Ли Ик вносит именно Объединенную Силла, а не Силла периода Трех государств.

[9] Антиманьчжурская направленность трудов Ли Ика понятна, если учесть, что в первой трети XVII в. маньчжуры не раз совершали грабительские походы против Кореи.

[10] Издано, предположительно, около 1675 г. [107, с. 266].

[11] Значение иероглифа „тан" – „черная береза"; впрочем, на наш взгляд, подобное этимологизирование отнюдь не проясняет первоначального смысла этого слова (как и титула тангун), поскольку в данном случае китайские иероглифы, „объясняющие" смысл корейских слов, подбирались достаточно произвольно, тысячелетия спустя после описываемых легендарных событий, в принципиально иной социально-политической обстановке.

[12] Согласно Пукэ, Корея „оставаясь во вражде и с маньчжурами, и с японцами, не сможет вернуть свои исконные земли". Впрочем, нереалистичность подобных прожектов в последней четверти XVII в., как бы ни превозносил их Хан Ёньу, вполне очевидна.

[13] Силу маньчжуров Пукэ также видел в самобытности, но полагал, что через несколько веков маньчжуры ее утратят и будут поглощены китайцами [107, с. 288].

[14] Хан Ёньу отвергал авторство Тз Ябаля, но считал несомненным принадлежность „Тонги коса" даосскому направлению корейской традиционной историографии.

[15] Насколько позволяют судить разрозненные фактические данные, имя этого героя древнекорейской мифологии происходит от титула вождя племени (часто одновременно шамана).

[16] „Сою кёнмун" была опубликована в 1895 г.

[17] Среди трудов, продолжавших историографические традиции сирхаков, Син Ёнха называет книгу Чхве Гёнхвана „Тэдон ёкса" (1896 г.).

[18] Примечательно, что Пак Ынсик провозглашает именно духовное начало источником возрождения корейской нации и государства, в то время как дея-

тели „кэхва ундон" и просветители начала XX в. придавали решающее значение современной промышленности, науке и технике.

[19] В эмиграции Син Чхэхо сотрудничал в патриотической корейской прессе – газетах „Хэджо синмун" (Прибой), „Чхонгу синмун" (Корейская газета), „Квонъюп синмун" (Деловая газета), издававшихся в г. Владивостоке, который был крупным зарубежным центром деятельности корейских националистов. В 1915 г. вместе с Син Гюсиком он создал в Пекине патриотическую организацию „Синхан чхоннёнхве" (Молодежное общество новой Кореи); был среди основателей национального патриотического учебного заведения. В 1919 г. Син Чхэхо входил в состав эмигрантского Временного корейского правительства в Шанхае, но подал в отставку и стал редактором-издателем газеты „Син Тэхан" (Новая Корея). На страницах газеты он разоблачал соглашательскую политику Временного правительства. В 1923 г., будучи членом руководства антияпонской террористической организации „Ырёльдан", написал ее программу – „Манифест корейской революции". За антияпонскую патриотическую деятельность Син Чхэхо в 1928 г. был арестован и приговорен к 10-летнему тюремному заключению. Умер в 1936 г. в японской тюрьме в Дайрене (ныне Далянь).

[20] В 1946 г. эта часть издана отдельной книгой под названием „Чосонса рон" (Рассуждения об истории Кореи).

[21] „Антиимпериалистический национализм", о котором писал Син Чхэхо, является на деле буржуазным национализмом угнетенной нации. Современные южнокорейские историки, рассматривая историческое наследие Син Чхэхо с позиций сегодняшнего дня, развивают его в духе официальной буржуазно-националистической идеологии, сведя к минимуму его антиимпериалистическое, демократическое содержание.

[22] По явному недоразумению английский перевод этой колониалистской брошюры в 60-х годах был распространен ЮНЕСКО в качестве пособия по истории Кореи.

[23] Примечательно, что историки этого „маньчжуро-корейского" направления главным образом освещали не историю корейского народа, а историю Корейского п-ова, т. е. географического пространства, „подвергшегося воздействию извне".

[24] Статья была повторно опубликована в 1915 г.

[25] Ее проповедником наряду с писателем Ли Гвансу выступал историк Ан Хвак.

[26] К этой школе причисляли себя, выступая с легальными публикациями, историки-марксисты.

[27] Разумеется, южнокорейские исследователи умалчивают об основополагающем значении трудов Пэк Намуна для становления марксистской историографии в КНДР.

[28] Существовали в I–IV вв. н. э., зависели от империй Хань, Северная Вэй и др.

[29] Научный центр, активно противодействовавший ассимиляторской деятельности японского Сеульского университета.

[30] В связи с этим Ким Ёнсоп указывает: „Хон Исоп, по сути дела, поднял изучение истории культуры на уровень достижений историков социально-экономической школы" [57, с. 489].

Глава 3

[1] С 1976 г. функционирует Ассоциация по корееведению в Европе (Association for Korean studies in Europe), объединяющая ученых-корееведов западноевропейских университетов.

[2] К 1973 г. в Южной Корее было зарегистрировано более 600 ежемесячных, двухмесячных, квартальных изданий [119, с. 228].

[3] Нетрудно заметить тавтологичность такого определения, поскольку оно обусловлено характером национальной культуры, а для изыскания сущности последней необходимо выяснить ее национальную форму, определяемую в конечном счете именно „сущностью нации".

[4] Приведенные тирады свидетельствуют, на наш взгляд, об искусственном и надуманном характере всех подобных попыток реконструкции „духа нации" вне исторической эпохи и социальной ситуации.

[5] Заметим, что ни к докапиталистической Европе, ни к докапиталистическим обществам на других континентах неприменима столь примитивная схема.

[6] Такое объяснение вполне соответствует националистическим представлениям о пагубности классовой борьбы и необходимости надклассового национального единства.

[7] Любопытно, что сам Ли Сонгын, автор глав, посвященных „современному" периоду, его начало относил к 1919 г., т. е., собственно, к Мартовскому народному восстанию. «К несчастью, – пишет Ли Сонгын в предисловии к пятому тому „Истории Кореи", – книга вышла в свет в тот момент, когда автор этих строк находился в тюрьме; я с большим удивлением прочел и печатном издании совсем не то, что было в моей рукописи» [114, т. 5, с. 2].

[8] Как уже отмечалось, корейские буржуазно-националистические историки относят Бохай к корейским государствам.

[9] В английском переводе книги Хан Угына – modern period I.

[10] В английском переводе книги Хан Угына – modern period II.

[11] Между тем, по свидетельству самих авторов данного труда, договор Кореи с США был заключен от ее имени цинскими дипломатами. В ходе китайско-американских переговоров суверенитет Кореи и национальное достоинство корейцев неоднократно попирались самым бесцеремонным образом.

[12] Иллюстрируя несообразные представления некоторых деятелей „кэхва ундон" о методах преобразований, авторы „Истории Кореи" цитируют, например, Со Джэпхиля, который писал: „Для того чтобы Восток мог пойти по пути цивилизации, необходимо убить негодных для столь великого дела стариков (т. е. людей старше 40 лет. – *М. П.*) или по крайней мере утопить их и море" [114, т. 4, с. 664].

[13] Последний японский генеральный резидент (1910 г.) и первый генерал-губернатор Кореи (1910 – 1916).

[14] Даже националистические южнокорейские ученые признают, что первыми урок 1919 г. усвоили именно радикалы, которые не изменили прежней цели – независимости.

[15] Массовая патриотическая демонстрация в Сеуле, организованная коммунистами. Поводом для нее послужила смерть экс-императора Сунджона (26 апреля 1926 г.).

[16] Делегация была направлена императором Коджоном на Гаагскую конференцию по международному праву тайно от японских властей. Делегация пыталась заявить протест против установления японского протектората.

[17] Организован социал-демократическими партиями скандинавских стран в 1919 г.

[18] Создана 17 апреля 1925 г., существовала до 1928 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма * и партийные документы

1. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология. – Т. 3.
2. *Энгельс Ф.* Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта". – Т. 21.
3. *Ленин В. И.* Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов. – Т. 1.
4. *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу. –Т. 24.
5. *Ленин В. И.* О праве наций на самоопределение. – Т. 25.
6. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма. – Т. 27.
7. *Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении. – Т. 30.
8. *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме". – Т. 30.
9. *Ленин В. И.* Индийской революционной ассоциации. – Т. 41.
10. *Ленин В. И.* Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. – Т. 42.
11. *Ленин В. И.* Проект директивы заместителю председателя и всем членам генуэзской делегации. – Т. 44.
12. Материалы XX съезда КПСС. М., 1956.
13. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
14. *Ким Ир Сен.* Отчетный доклад Центрального комитета Трудовой партии Кореи VI съезду партии. Пхеньян, 1980.

Источники и литература

на русском языке

15. *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982.
16. *Бутин Ю. М.* Древний Чосон. Новосибирск, 1982.
17. *Бутин Ю. М.* Корея: от Чосона к Трем государствам. Новосибирск, 1984.
18. *Ванин Ю. В.* Аграрный строй феодальной Кореи XV – XVI вв. М., 1981.
19. *Ванин Ю. В.* О разложении феодализма в Корее. – Историография стран Востока. (Проблемы феодализма). М., 1977.
20. *Ванин Ю. В.* Феодальная Корея в XIII – XIV вв. М., 1963.
21. *Ванин Ю. В.* Экономическое развитие Кореи в XVII – XVIII вв. М., 1968.
22. *Волков С. В.* Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985.
23. *Джарылгасинова Р. Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики (стела Квангэтхо-вана). М., 1979.
24. Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. М., 1969.
25. Историография стран Востока (Проблемы нового времени). М., 1978.
26. Историография стран Востока (Проблемы феодализма). М., 1977.

---

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений; труды В. И. Ленина – по Полному собранию сочинений.

27. История Кореи (С древнейших времен до наших дней). Т. 1–2. М., 1974.
28. История Кореи. Т. 1. Пер. с кор. М., 1960.
29. История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976.
30. *Ким М. Т.* Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918 – 1922). М., 1979.
31. *Ким Бусик.* Самкук саги (Исторические записки Трех государств). Летописи Силла. М., 1959.
32. Корейские предания и легенды. М., 1982.
33. *Пак Б. Д.* Россия и Корея. М., 1979.
34. *Пак М. Н.* О возникновении и утверждении феодализма в Корее (Некоторые проблемы современной корейской историографии). – Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. М., 1969.
35. *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.
36. *Пак М. Н.* Трактовка вопросов истории Кореи прогрессивными японскими историками. – Вестник Московского университета. Серия востоковедения, 1971, № 2.
37. *Пак М. Н., Ким Г. Ф.* Корея. Исторический очерк. – Советская историческая энциклопедия. Т 7. М., 1965.
38. *Пак М. Н., Первухин В. А.* Японская агрессия в Корее в конце XIX – начале XX вв. – Историография стран Востока (Проблемы нового времени). М., 1978.
39. *Пак М. Н., Юриков Х. К.* Тенденции в изучении истории Кореи современными японскими историками. – Современная историография стран зарубежного Востока. Октябрь и национально-освободительная борьба. М., 1969.
40. *Полонская Л. Р., Вафа А. Х.* Восток: идеи и идеологи. М., 1982.
41. *Прошин А. А., Тимонин А. А.* Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985.
42. *Рю Хакку.* Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975.
43. Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
44. *Тягай Г. Д.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.
45. *Тягай Г. Д.* Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983.
46. *Ушков А. М.* Утопическая мысль в странах Востока: традиции и современность. М., 1982.
47. *Хан М. Н.* Историография национально-освободительного движения корейского народа в годы японского протектората. – Историография стран Востока (Проблемы нового времени). М., 1978.
48. *Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон.* История корейской философии. Т. 1. Пер. с кор. М., 1966.
49. *Шабшина Ф. И.* Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1958.
50. *Шипаев В. И.* Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966.
51. *Юриков Х. К.* Освещение современными японскими историками вопросов возникновения государственности в Корее. – Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма стран Востока. М., 1969.

52. *Ан Бёнджик.* Танджэ Син Чхэхоы минджокджуый (Национализм Син Чхэхо). – Хангукы ёкса инсик (Трактовки истории Кореи). Ч. 2. Сеул, 1976.
53. *Ан Джэхон.* Чосон сангоса кам (Обзор древнейшей истории Кореи). Т. 1–2. Сеул, 1947.
54. *Кан Джинчхоль.* Силла сидэы чхинджок чиптан (Кровнородственные организации в период Силла). – Хангукса ёнгу. 1968, № 1.
55. *Кан Мангиль.* Минджок сахакноны пансон. Минджок сахагыль чунсимыро (Ретроспективный очерк концепций национальной историографии на примере националистической концепции). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
56. *Ким Ёндок.* Хангуксаы сидэ кубунэ кванхан мундже (Вопросы периодизации истории Кореи). – Сасанге. 1968, № 1.
57. *Ким Ёнсоп.* Ури нара кындэ ёксахакы пальталь. 1930–1940 нёндэы минджок сахак (Развитие историографии нового времени в Корее. Националистическая историография в 1930–1940 гг.) – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
58. *Ким Ёнсоп.* Ури нара кындэ ёксахакы соннип (Становление корейской историографии нового времени). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
59. Ким Оккюн. Пхеньян, 1964.
60. *Ким Тхэгиль.* Хёндэ хангукины качхигван (Ценностные представления современных [южно]корейцев). – Хангук минджок сасанса тэге (Очерки истории национального самосознания Кореи). Т. 1. Сеул, 1971.
61. *Ким Тхэён.* „Самгук юсаэ" поинын Ирёны ёкса инсигэ тэхаё (Ирён и его трактовка историн Корен в „Самгук юса") – Хангукы ёкса инсик. Ч. 1.
62. *Ким Унтхэ, Чхве Чхангю, Ли Ёнхо.* Хангук чончхирон (Политологические исследования в [Южной] Корее). Сеул, 1977.
63. *Ким Чонхвак.* Хангук минджок хёнсонса (История формирования корейской нации). – Хангук мунхваса тэге. Т. 1.
64. *Ким Чунъёп, Ким Чхансун.* Хангук косанджуый ундонса (История коммунистического движения в Корее). Т. 1–2. Сеул, 1972.
65. *Ким Чхольджун.* Корё чунги мунхва ысикква сахагы сонкёк. „Самгук сагиы" сочкёгэ тэхан чэинсик (Мировоззрение среднего периода Корё и характер историографии. Новое понимание „Самгук саги"). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 1.
66. *Ким Чхольджун.* Силла сидэы чхинджок чиптан (Кровнородственные организации в период Силла). – Хангукса ёнгу. 1968, № 1.
67. *Ким Чхольджун.* Сусан Ли Чонхвны ёксахак (Исторические взгляды Ли Чонхви). – Тонбан хакчи. Т. 15. Сеул, 1974.
68. *Ким Чхольджун.* Хангук кодэ сахве ёнгу (Общество древней Кореи). Сеул, 1976.
69. *Ко Бёнъик.* Самгук сагиэ иссосы ёкса сосуль (Трактовка истории Кореи в „Самгук саги"). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 1.
70. *Ко Ёнбок.* Хангук минджокджуый чидоквонгва лидосип (Корейский национализм: движущие силы и руководство) – Хангукы минджокджуый (Национализм в [Южной] Корее).
71. Корё са (История Корё). Т. 1–3. Пхеньян, 1957–1958.
72. Кочосонэ кванхан тхорон нонмун чип (Сборник дискуссионных статей о Древнем Чосоне). Пхеньян, 1963.
73. *Ли Бёндо.* Хангук кодэса ёнгу (Исследования по древней истории Кореи). Сеул, 1976.
74. *Ли Гибэк.* „Корё са" хэдже (Толкование „Корё са"). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 1.
75. *Ли Гибэк.* Минджокква ёкса (Нация и история). Сеул, 1977.

76. *Ли Гибэк.* „Самгук юса" сахаксаджок ыый (Значение „Самгук юса" в корейской историографии). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 1.
77. *Ли Гибэк.* Синминджокджуый сагван (Исторические воззрения деятелей нового национализма). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
78. *Ли Гибэк.* Хангукса синнон (Новая трактовка истории Кореи). Сеул, 1978.
79. *Ли Гюбо.* Чакпхум сонджип (Собрание сочинений). Т. 1. Пхеньян, 1958.
80. *Ли Джирин.* Кочосон ёнгу (Исследования истории Древнего Чосона). Пхеньян, 1963.
81. *Ли Донсик.* Хангукин чучхесонгва до (Дух самостоятельности корейцев и традиционные осиовы их этики). Сеуп, 1978.
81а. *Ли Инъён.* Кукса ёрон (Важнейшие моменты национальной истории). Сеул, 1950.
82. *Ли Маннёль.* Ильче кванхакчадыры сикмин сагван (Колониалистские взгляды японских официозных историков). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
83. *Ли Маннёль.* Сипчхиль–сишхаль сегиы сасова кодэса инсик (Исторические труды XVII–XVIII вв. и трактовка древней истории). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
84. *Ли Маннёль.* Хангук кындэ ёксахагы ихэ (Взгляд на корейскую историографию нового времени). Сеул, 1981.
85. *Ли Усон.* Корё чунгиы минджок сосаси (Национальная эпическая поэзия среднего периода Корё). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 1.
86. *Ли Усон.* Лиджо хугиы кынги хакпхаы чонтхонноны чонгэ („Столичная группировка" ученых в поздний период династии Ли и распространение концепции легитимизма). – Хангукы ёкса инсик. Ч. 2.
87. Миндзу конхвадан хульёнбу танвон кёбон (Учебник для членов демократической республиканской партии). Сеул, 1968.
88. *На Седжин.* Хангук миндзогы чхеджиль иллохакчок ёнгу (Антропометрический очерк корейской нации). – Хангук мунхваса тэге. Т. 1.
89. *Но Чэбон.* Кукче чонсева хангук миндзокджуый панхян (Международная обстановка и идейная направленность корейского национализма). – Хангукый миндзокджуый.
90. *Пак Инхо.* Пукхан Чосон нодонданы хёнсонгва пальчон (Возникновение и развитие Трудовой партии Кореи). Сеул, 1970.
91. *Пак Сихён.* Чосонса сарёхак (Источниковедение по истории Кореи. Университетский курс). Пхеньян, 1963.
92. *Пак Чонхи.* Ури миндзогы нагаль киль (Путь нашей нации). Сеул, 1962.
93. *Пак Чонхон.* Хангукы сасанджок панхян (Корейская идеология). Сеул, 1972.
94. *Пак Ынсик.* Хангук тоннип ундонджи хёльса (Кровавая история движения за независимость Кореи). Шанхай, 1920.
95. *Пак Ынсик.* Хангук тхонса (Трагическая история Кореи). Шанхай, 1915.
96. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Т. 1 – 2. Пхеньян, 1958.
97. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Сеул, 1963.
98. Самгук сагиый сахве кёндже кусонъэ кванхан тхоронджип (Дискуссия о социально-экономическом строе периода Трех государств). Пхеньян, 1958.
99. Самгук юса (Дополнения к истории Трех государств. Сочинение Ирёна). Пхеньян, 1964.
100. *Син Чхэхо.* Чосон сангоса (Древнейшая история Кореи). Сеул, 1931.
101. *Син Чхэхо.* Чосонса ёнгучхо (Наброски исследования по истории Кореи). Сеул, 1925.
101а. *Син Чхэхо.* Чосонса рон (История Кореи). Сеул, 1946.
101б. *Сон Джинтхэ.* Кукса тэё (Основы национальной истории). Сеул, 1949.

01в. *Сон Джинтхэ.* Чосон минджокса кэрон (Общий очерк истории корейской нации). Сеул, 1948.
02. *Сон Ук.* Хангук чисигингва хёнсиль (Корейская интеллигенция и современность). – Сасанге. 1966, № 5.
03. Сынджонвон ильги (Анналы дворцовой канцелярии Сынджонвон 1623–1894). Сеул, 1961–1963.
04. Тэхан минтук чонданса (История политических партий Корейской республики). Сеул, 1973.
05. Ури ёксарыль оттокхе полькосинга (Как понимать нашу историю?) – Хангукса тэ тхорон (Большие дискуссии по истории Кореи). Сеул, 1976, вып. 1.
06. *Ха Хёнган.* Корё сидэ ёкса кесын иньик (Концепция исторической преемственности в эпоху Корё). – Хангукы ёкса иньик. Ч. 1.
07. *Хан Ёнъу.* Сипчхиль сегиы панджонхваджок тога сахагый сонджан (Развитие в XVII в. даосской историографии, направленной против преклонения перед Китаем). – Хангукы ёкса иньик. Ч. 1.
08. *Хан Ёнъу.* Чосон чонгиы сахакса ёнгу (Исследования по историографии раннего периода Чосона). Сеул, 1981.
09. *Хан Сынджо.* Хангук чончхиы чидо ринём. Юсин кэбёк сасаны кваго, хёнджэ, мирэ (Политическая идеология в [Южной] Корее. Прошлое, настоящее и будущее идеологии обновления). Сеул, 1977.
10. *Хан Угын.* Хангук тхонса (История Кореи). Сеул, 1970.
11. Хангук минджок сасанса тэге (Очерки истории национальной идеологии в Корее). Сеул, 1971.
12. Хангук мунхваса тэге (История корейской культуры). Т. 1–6. Сеул, 1964 – 1970.
13. Хангук тоннип ундонса (История движения за независимость Кореи). Т. 1–5. Сеул, 1960 – 1970.
14. Хангукса (История Кореи). Т. 1–25. Сеул, 1984.
15. Хангукса (История Кореи). Т. 1–7. Сеул, 1971.
16. Хангукса ёнгу иммун (Введение в изучение истории Кореи). Сеул, 1981.
17. Хангукы ёкса иньик (Трактовки истории Кореи). Ч. 1–2. Сеул, 1976.
18. Хангукы минджокджуый (Национализм в [Южной] Корее). Сеул, 1979.
19. Хаптон ёнгам (Ежегодник информационного агентства Хаптон). Сеул, 1973, 1974.
19а. *Хван Вонгу.* Сирхакпхаы сахак широн (Исторические взгляды ученых-сирхаков). – Хангукы ёкса иньик. Ч. 2.
20. Хёндэ Хангук ёксахагы тонхяи (Тенденции развития современной историографии [Южной] Кореи. 1945–1980). Сеул, 1983.
21. *Хон Исок.* Чосон квахакса (История корейской науки). Сеул, 1946.
22. *Чон Губок.* Чосон чонгиы ёкса сосуль (Летописание в ранний период [правления династии Ли]). – Хангукы ёкса иньик. Ч. 1.
23. *Чон Инбо.* Чосоиса ёнгу (Исследования по истории Кореи). Т. 1–2. Сеул. 1947.
24. Чосов ёктэ ванджо силлок (Истинные записи царствований ванов Чосона). Сеул, 1955–1958.
25. Чосои чонса (История Кореи). Т. 1–33. Пхеньян, 1979–1982.
25а. *Чхве Намсон.* Чосон ёкса (История Кореи). Сеул, 1931.
26. *Чхве Чхангю.* Ханминджогы чучхесонгва хангуксаы чонтхонсон (Самобытный характер корейской нации и легитимность корейской истории). Сеул, 1976.
27. Чынбо мунхон биго (Дополненное издание энциклопедии XVIII в. „Тонгук мунхон биго"). Сеул, 1957–1964.

на японском языке

128. *Инаба Ивакити.* Тёсэн бунка си кэнкю (Исследования по истории корейской культуры). Токио, 1925.
129. *Ким Дальсу.* Тёсэн: миндзоку, рэкиси, бунка (Корея: нация, история, культура). Токио, 1973.
130. Кодай Тёсэн то Нихон (Древняя Корея и Япония). Токио, 1974.
131. *Ли Хёнджон.* 1971 нэндо Канкоку киндайси кэнкю доко (Тенденции в изучении новой истории Кореи в 1971 г.) – Хан, 1972, т. 1, № 4.
132. *Мисина Сёэй.* Тёсэнси кайсэцу (Общий очерк истории Кореи). Токио, 1940.
133. *Ода Сёго.* Тёсэн дзёсэйси (Древняя история Кореи). – Тёсэн иппанси (История Кореи). Сеул, [б. г.].
135. *Пэк Намун.* Тёсэн сякай кэйдзай си (Социально-экономическая история Кореи). Токио, 1933.
136. *Пэк Намун.* Тёсэн хокэн сякай кэйдзай си (Социально-экономическая история феодальной Кореи). Т. 1. Токио, 1937.
137. *Сиката Хироси.* Кюрай-но Тёсэн сякай-но рэкиситэки сэйкаку-ни цуйтэ (О характере старого корейского общества). – Тёсэн гакухо. 1951, № 1–2.
137а. Тёсэнси-но сирубэ (Исторический путь Кореи). Сеул, 1936.
138. *Тоуру Умакоси.* Канкоку кураситэ (Пребывание в [Южной] Корее). – Хан. 1970, № 4.
139. *Хатада Такаси.* Мансэнси-но кёсё (Бессодержательность маньчжуро-корейской истории). – Нихондзин-ио Тёсэн кан (Взгляд японцев на Корею). Токио, 1969.
140. *Хатада Такаси.* Тёсэн си (История Кореи). Токио, 1951.
141. *Хатада Такаси.* Тёсэн си кэнкю-о каэри митэ (Ретроспективный взгляд на изучение истории Кореи). – Тёсэнси кэнкюкай ромбунсю (Сборник статей „Общества по изучению истории Кореи"). Токио, 1978, № 15.

на английском языке

142. *Ch'on Kwan-u.* Trends in studies of Korean history. – Korea journal. 1970, vol. 18, N 12.
143. *Conroy H.* The Japanese seizure of Korea, 1868–1910. N. Y., 1960.
144. *Curzon G. N.* Problems of the Far East. L., 1894.
145. *Deutsch K.* Nationalism and the social communication. Cambridge (Mass.), 1953.
146. *Ha Hŭn-gang.* The life and thought of Sin Ch'ae-ho. – Korea journal. 1972, vol. 12, N 9.
147. *Harrington F. H.* God Mammon and the Japanese. Dr. Horace Allen and Korean-American relations 1884–1905. Madison, 1944.
148. *Henthorn W. E.* A history of Korea. N. Y. – L., 1971.
149. Historical studies in Korea: recent trends and bibliography (1945–1973). Seoul, 1975.
150. *Hong J-sŏp.* Historical characteristics of Korean nationalism. – Korea journal. 1966, vol. 6, N 12.
151. *Hong Yi-sup.* Korea's self-identity. Seoul, 1973.
152. *Hulbert H. B.* Hulbert's history of Korea. L., 1962.
153. *Hwang Wŏn-gu.* An Chŏng-bok; new discovery of Korean history. – Korea journal. 1973, vol. 13, N 1.
154. *Joe W. J.* Traditional Korea. A cultural history. Seoul, 1972.
155. *Kang H. H. W.* Images of Korean history. Traditional Korea – theory and practice. Kalamazoo, 1974.
156. *Kazakyevich I. S.* Korean studies. M., 1967.
157. *Kohn H.* Nationalism: its meaning and history. N. Y., 1955.
158. Korea: its land, people and culture of all ages. Seoul, 1960.

159. *McKenzie F. A.* Korea's fight for freedom. N. Y., 1920.
160. *Mumford L.* The condition of man. N. Y., 1944.
161. *Park Chung Hee.* Major speeches by President Park Chung Hee. Seoul, 1972.
162. *Shafer B.* Faces of nationalism. New realities and old myths. N. Y., 1972.
163. A short history of Korea. Tokyo – Honolulu, 1964.
164. *Sin Yong-ha.* Enlightenment thought of Sin Chae-ho. – Korea journal. 1980, vol. 20, N 12.
165. *Smith A.* Nationalism in the twentieth century. Oxf., 1979.
166. *Sohn Pow-key, Kim Chol-choon, Hong Yi-sup.* The history of Korea. Seoul, 1970.
167. *Song Minako, Matsui Masato.* Japanese sources on Korea in Hawaii. Honolulu, 1980.
168. Studies on Korea. Honolulu, 1980.

Периодические издания

169. Ёкса квахак (Историческая наука). Пхеньян.
170. Ёкса хакпо (Исторический вестник). Сеул.
171. Сасанге (Мир идей). Сеул.
172. Тёсэн гакухо (Вестник корееведения). Тэнри.
173. Тонбан хакчи (Востоковедение). Сеул.
174. Хан (Корея). Токио.
175. Хангукса ёнгу (Изучение истории Кореи). Сеул.
176. Чиндан хакпо (Научный вестник общества „Чиндан"). Сеул.
177. Чунъан ильбо (Центральная газета). Сеул.
178. Asian studies professional review. Ann-Arbor.
179. Korea journal. Seoul.

„Абан канёкко" 我邦疆域考 (Обследование земель нашего государства [Чосона]), труд Чон Якъёна по исторической географии Кореи 68

Ан Бёнджик 安秉直, южнокорейский историк, профессор Сеульского университета 72 – 75

Ан Джэхон 安在鴻 (1891 – 1965), видный историк, журналист и общественный деятель буржуазно-националистического направления в колониальной Корее 7, 81, 82

Ан Чонбок (Сунам) 安鼎福; 順菴 1712 – 1791), историк-сирхак 6, 54 – 60, 64

Ан Чунгын 安重根 (1879 – 1910), организатор отрядов Ыйбён. В 1909 г. в Харбине убил бывшего японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми 74, 110

Ан Хвак 安廓, историк колониального времени, сотрудничал с японскими империалистами 78, 125

Ван 王 (918 – 1392), правящая династия государства Корё 35

Ван Гон 王建 (918 – 946), основатель и первый ван Корё 35, 43, 48, 53

Вандо 王道 (царственный путь), „добродетельное правление", термин традиционной китайской философии 52

Ван Янмин 王陽明 (1472 – 1528), китайский философ 70

Ви Ман 衛滿, выходец из древнекитайского царства Инь, в начале II в. до н. э. захватил власть в Древнем Чосоне 57, 59

„Гаоли туцзин" 高麗圖經 (описание Корё), труд, принадлежащий кисти сунского посла в Корё Сюй Цзина 43

Дао 道 основополагающий принцип даосизма 22

Дун-и 東夷 (восточные варвары), согласно древним китайским источникам, аборигенное населения Маньчжурии и Корейского п-ова, предки современных корейцев 60

Емунгван 藝文館 (Управление по составлению государевых бумаг), придворное ведомство в средневековой Корее 5

Емэк 濊貊, одно из племен дун-и 40, 64, 89, 90

„Ельлёсиль кисуль" 燃藜室記述 (Записки Ельлёсиля), собрание „частных" историй, составленное Ли Гынъником 6

Ён Кэсомун 淵蓋蘇文 (ум. в 666 г.), с 642 г. фактический правитель Когурё, успешно отражал агрессию Танской империи 36

„Ёса чеган" 麗史提綱 (Избранные темы истории [Корё]), труд историка-конфуцианца Ю Ге, издан в 1667 г. 56

„Ильсон нок" 日省錄 (Ежедневные записи о правлении [ванов]), собрание документов о правлении ванов династии Ли в 1760 – 1910 гг. 5

Имджинская война 壬辰倭亂 (1592 – 1598), война корейского народа против японских захватчиков 5, 53, 65, 112

Имна (Мимана) 任那, община на юге Корейского п-ова в начале новой эры 76

Инаба Ивакити 稻葉岩吉, японский историк, создатель ряда колониалистских концепций истории Кореи 76 – 78

Инджон 仁宗 (1123 – 1146), ван Корё 48, 94

Ирён 一然 (1206 – 1289), буддийский монах, автор труда „Самгук юса" 4, 35, 36, 39 – 41

Исабу 異斯夫 (VI в.), министр государства Силла 33

Ичхан 伊湌, чиновный ранг в государстве Силла 33

Кабо кёнджан 甲午更張, половинчатые буржуазные реформы, провозглашенные в 1894 г. (год кабо по традиционному циклическому календарю) 109

Какхун 覺訓, буддийский монах, историк XII – XIII вв. 35

Кан Гамчхан 姜邯贊, корёский полководец, нанес поражение киданям в начале XI в. 6, 58

Канмок чхе 綱目體, традиционная структура исторических трудов в странах Дальнего Востока 6

Кан Мангиль 姜萬吉, южнокорейский историк, профессор университета Корё в Сеуле 86

Канык 嘉勒, мифический правитель Древнего Чосона, третий тангун 61

Кан Ювэй 康有为 (1858 – 1927), руководитель движения за реформы в Китае в конце XIX в.

Кванбокхве 光復會 (Общество возрождения), националистическая подпольная организация, создана в 1913 г. 115

Квангэтхо-ван 廣開土王 (392 – 413), ван Когурё 36

Квон Гын 權近 (1352 – 1409), конфуцианский ученый и сановник 46, 47, 50

Кёджон 敎宗, буддийская секта в Корё 40

Кёнхвон 甄萱 (892 – 936), правитель государства Хубэкче, вассал Корё 53

Кёньый 畎夷, одно из „девяти варварских племен" 60

„Керим чапчон" 鷄林雜傳 (Биографии [сановников государства] Керим), сочинение Ким Дзмуна по истории Силла 33

Ки Дза (Цзи Цзы) 箕子, мифологический персонаж, выходец из древнекитайского царства Инь, заложил, согласно легенде, основы цивилизации в Древнем Чосоне 40, 44, 52, 53, 56, 58, 59, 61, 63, 64, 76, 81

„Ки Дза силлы" 箕子實紀 (Истинные записи о Ки Дза), историческое сочинение Ли И 52, 55

Киджон чхе 紀傳体, традиционная структура династийной истории в странах Дальнего Востока 48

Киль Чэ 吉再 (1053 – 1419), конфуцианский сановник и ученый 56

Ким Бусик 金富軾 (1075 – 1151), государственный деятель и историк Корё, автор „Самгук саги" 3, 4, 34 – 39, 41, 43, 47, 50, 62, 64, 65, 94, 123, 124

Ким Гван 金光, историк начала XX в. 65

Ким Джонджик 金宗直 (1431 – 1492), видный государственный деятель неоконфуцианец 51

Ким Дзмун 金大問 (VIII в.), историк государства Силла 33, 34

Ким Енсоп 金容燮, южнокорейский историк, профессор университета Ёнсе 66, 71, 72, 76, 78 – 82, 125

Ким Окюн 金玉均 (1851 – 1893), лидер „кэхва ундон", руководитель государственного переворота 1884 г. 109

Ким Тхэгён 金澤榮, историк начала XX в. 68

Ким Тхэён 金泰永, южнокорейский историк, профессор университета Кёнхи в Сеуле 39, 40, 41

Ким Чонгук 金正國 (1485 – 1541), видный чжусианский ученый и сановник

Ким Чонсо 金宗瑞 (1390 – 1453), один из составителей „Корё са" 47, 124

Ким Чонхвак 金鍾鶴, южнокорейский историк, профессор университета Корё 87, 88

Ким Чхольджун 金哲埈 (р. в 1923 г.), южнокорейский историк, профессор Сеульского университета 37, 38, 123, 124

Ким Юсин 金庾信 (595 – 673), видный полководец и государственный деятель Силла 41

Ко Бёнъюк 高柄郁 (р. в 1924 г.), южнокорейский историк, профессор Сеульского университета 32, 33, 36 – 39, 42, 123

Ко Ёнбок 高永復, южнокорейский социолог, профессор Сеульского университета 14, 15, 122

„Ко Чосон пиги" 古朝鮮秘記 (Сокровенные записи истории Древнего Чосона), утраченное произведение даосской историографической традиции 62

„Коги" 古記 (Древние записи), исторический труд периода Объединенной Силла 32, 37, 60, 62

Когурё 高句麗, одно из трех раннесредневековых корейских государств 3, 32, 33, 35, 37, 38, 40, 42 – 44, 47, 50, 52, 53, 57, 58, 62, 64, 90, 94, 123

„Когым иок" 古今錄 (Записки о прошлом и настоящем), утраченный труд Пак Инъяна 34

„Когым санджон реый" 古今詳定禮儀 (Древние и современные обычаи и установления), утраченный исторический труд XIII в. 49

Коджон 高宗 (1864 – 1907), ван и император (с 1897 г.) династии Ли 103, 105, 106, 109, 110, 114, 122, 126

Коёльга 古列加, мифический последний правитель Древнего Чосона 61

Конмин 恭愍 (1351 – 1374), ван Корё 124

Конни 功利 (заслуги и выгоды), конфуцианская концепция утилитаризма 52, 53

Корё 高麗 (918 – 1392), средневековое корейское государство 3, 4, 21, 34, 35, 37, 38, 42 – 45, 47 – 49, 55, 56, 58, 62, 65, 90, 94 – 100

„Корё кукса" 高麗國史 (История государства Корё), первый вариант истории Корё, составленный Чон Доджоном 46, 47

„Корё са" 高麗史 (История Корё), исторический труд, изданный в 1454 г. под именем сановника Чон Инджи 4, 45, 48, 49, 56, 124

„Корёса чолье" 高麗史節要 (Основы истории Корё), сокращенный вариант истории Корё, изданный в 1454 г. 5, 48, 49, 50

„Корёса чонмун" 高麗史全文 (Полный текст истории Корё), вариант истории Корё, изданный в 1442 г. 47

Коси-сси 高矢氏, мифологический персонаж, зачинатель земледелия и скотоводства 60

„Косын джон" 高僧傳 (Биографии высших священнослужителей), сочинение Ким Дэмуна 33

Кохын 高興 (IV в.), составитель „Соги", первого исторического труда в Пэкче 33

Кочхильбу 居柒夫 (VI в.), составитель „Кукса", первого исторического произведения в Силла 33

„Ку самгукса" 舊三國史 (Старая история Трех государств), утраченная летопись, один из источников „Самгук саги" 34, 35, 39, 42

„Кукчо погам" 國朝寶鑑 (Сокровенное зерцало царствований), дидактическая история династии Ли 5

Кунъе 弓裔 (901 – 918), правитель государства Тхэбон, свергнут Ван Гоном 53

Куый 九夷 (девять варварских племен), согласно корейской традиционной историографии, коренные обитатели крайнего севера Кореи и сопредельных с нею земель 60

Куыль 丘乙, мифический правитель Древнего Чосона, пятый тангун 61

Кэхва ундон 開化運動 (движение за реформы), верхушечное общественно-политическое движение в Корее 70 – 90-х годов XIX в. 67, 68, 74, 109, 112, 116, 124, 125

„Кювон сахва" 揆園史話 (Исторические повествования Кювона), памятник даосской историографии XVII в., произведение Пукэ 60 – 65

Лаоцзы 老子 (VI – V вв. до н. э.), древнекитайский философ, основоположник даосизма 60

Ли 李, династия, правившая в Корее с 1392 по 1910 г. 4, 5, 44 – 48, 51, 54,

58, 59, 65, 85, 90, 93 – 97, 99, 100, 122

Ли Бёндо 李丙燾 (р. в 1896), южнокорейский историк, общественный и политический деятель, президент южнокорейской Академии Наук 80

Ли Гваннин 李光麟 (р. в 1925 г.), южнокорейский историк, профессор Соганского университета в Сеуле 67, 80

Ли Гвансу (Чхунвон) 李光洙; 春園 (р. в 1892 г.), видный корейский писатель и общественный деятель, после 1919 г. сотрудничал с японскими колонизаторами 23, 123, 125

Ли Гибэк 李基白 (р. в 1924 г.), южнокорейский историк, профессор Соганского университета в Сеуле 23, 24, 32, 33, 39, 41, 42, 46, 48, 80, 83, 86, 124

Ли Гыкчхан 李克燦, южнокорейский политолог, профессор университета Ёнсе в Сеуле 10, 11, 122

Ли Гынъик 李瀷翊 (1736 – 1806), корейский историк-сирхак 6, 54, 57 – 59

Ли Гюбо 李奎報 (1168 – 1241), корейский средневековый историк и поэт 35, 41 – 43

Ли Джагём 李資謙, тесть вана Инджона, в 1126 – 1127 гг. предпринял неудачную попытку захватить престол 34

Ли Джихам 李之菡 (1517 – 1578), корейский средневековый ученый и писатель 53

Ли Джэмён 李在明 (1890 – 1910), участник национально-освободительного движения, в 1909 г. совершил покушение на Ли Ванъёна, главу марионеточного правительства протектората 74

Ли Доисик 李東植 (р. в 1920 г.), южнокорейский социолог и психиатр, профессор Сеульского университета 20 – 22

Ли И (Юльгок) 李珥; 栗谷 (1536 – 1584), конфуцианский ученый и историк 52

Ли Ик (Сонхо) 李瀷; 星湖 (1682 – 1763), видный корейский ученый-сирхак 55, 57, 59, 63, 124

Ли Инъён 李仁榮 (р. в 1907 г.), корейский историк колониального периода, представитель направления „нового национализма" 83

Ли Маниёль 李萬烈 (р. в 1938 г.), южнокорейский историк и историограф, профессор университета Сукмен в Сеуле 55 – 57, 73, 76, 77

Ли Мён 李茗, историк периода Корё, представитель даосской историографии 63

Ли Мунджин 李文鎭 (конец VI – начало VII в.), историк государства Когурё 32

Ли Нынхва 李能和, корейский историк-религиевед колониального времени, сотрудничал с японскими колонизаторами 78

Ли Санбэк 李相佰, южнокорейский историк, деятель „Чиндан хакхве" 80, 88, 92, 97

Ли Сонге (Тхэджо) 李成桂, 太祖 (1392 – 1398), основатель династии Ли 45, 48

Ли Сонгын 李瑄根 (р. в 1905 г.), южнокорейский историк, член „Чиндан хакхве" 94 – 96, 99, 100, 125

Ли Сунсин 李舜臣 (1545 – 1598), выдающийся корейский флотоводец времен Имджинской войны 68, 92

Ли Сынман 李承晚 (1875 – 1965), реакционный южнокорейский политический деятель, президент Южной Кореи в 1948 – 1960 гг. 26, 123

Ли Сынхю 李承休 (1224 – 1300), корейский средневековый поэт и историк 40, 43, 44

Ли У 李瑀 (1464 – 1517), корейский ученый-конфуцианец 52

Ли Усон 李佑成 (р. в 1925 г.), южнокорейский историк, профессор университета Сонгюнгван в Сеуле 32, 39, 42, 43, 55, 67, 69, 80

Ли Хонгу 李洪九, южнокорейский политолог, профессор Сеульского университета 12, 13, 14

Ли Чонхви 李鍾徽, корейский ученый-конфуцианец XVIII в. 57, 60, 64

Лим Дже 林悌 (1549 – 1587), корейский ученый, писатель и поэт 53

Лим Сандок 林象德 (1683 – 1714), корейский конфуцианский ученый 57

Лю Дыккон 柳得恭 (р. в 1748 г.), ученый-сирхак 59, 64

Лю Хёнвон (Панге) 柳馨遠; 磻溪 (1622 – 1673), один из зачинателей сирхакского направления общественной мысли 57

Лю Хирён 柳希齡 (1480 – 1552), корейский средневековый историк 52, 53

Лян Цичао 梁啓超 (1873 – 1929), деятель движения за реформы в Китае, видный ученый и публицист 69, 109

„Лян шу" 梁書, история китайской династии Лян (502 – 557) 33

„Мангук сарйак" 滿國史略 (Краткая всемирная история), сочинение конца XIX в. 68

Махан 馬韓, союз племен на юге Корейского п-ова в начале новой эры 40, 44, 52, 53, 55, 56, 64

Мяы 麻衣, сын последнего вана Силла, стал отшельником после захвата Силла государством Корё 53

Мёчхон 妙淸, буддийский монах, руководитель феодального мятежа в 1135 г. 34, 65

Мин Джи 閔漬 (1248 – 1326), корейский ученый и государственный деятель 44

Мин Джэин 閔齊仁 (1493 – 1549), корейский ученый-конфуцианец 52

Минджок кэджорон 民族改造論 (преобразование нации), концепция национал-реформистов, оправдывавших японское колониальное господство 23

Мисина Сёэй 三品彰英 (1902 – 1973), японский историк колониалистской школы 77

Мун Ильхён 文一平 (1888 – 1939), историк и журналист национального направления в колониальной Корее 7, 82

Мунму 文武 (661 – 681), ван Силла, объединитель Корен 20

На Седжин 羅世振 (р. в 1908 г.), южнокорейский историк, профессор Сеульского университета 89

Намъин 南人 (южане), феодальная придворная клика в Корее в XVII в. 56

„Нихон сёки" 日本書紀 (Исторические записи Японии), японская династийная хроника, составлена в 702 г. 33

Но Чэбон 盧在鳳, южнокорейский политолог, профессор Сеульского университета 16

Ода Сёго 小田省吾 (1871 – 1953), японский историк, профессор Сеульского университета в колониальный период 77

Окчо 沃沮, одно из племен дун-и 40, 61, 64

Онджо 溫祚, легендарный основатель государства Пэкче 42

Оса 烏斯, мифический правитель Древнего Чосона, четвертый тангун 61

О Ун 吳澐 (1540 – 1617), корейский историк-конфуцианец 55

Пак Ёнхё 朴泳孝 (1861 – 1939), деятель „кэхва ундон", в колониальный период сотрудничал с японскими колонизаторами 109

Пак Иннян 朴寅亮 (ум. в 1096 г.), корейский историк 34

Пак Сан 朴祥 (1474 – 1530), средневековый ученый-конфуцианец и политический деятель 52

Пак Чонхи 朴正熙 (1917 – 1979), реакционный военный и политический деятель, президент Южной Корен в 1963 – 1979 гг.; глава военной хунты с 1961 г. 24 – 31, 123

Пак Ынсик 朴殷植 (1859 – 1926), деятель корейского национально-освободительного движения, основоположник буржуазно-националистической историографии 7, 64, 66, 68 – 71, 75, 76, 80, 124

Пальхэ 渤海 (кит. Бохай), средневековое государство на Дальнем Востоке в 712 – 926 гг. 40, 51, 64, 100, 125

Паньгу 盤古, первый человек в китайской мифологии 43

Пён Герян 卞季良 (1369 – 1430), конфуцианский ученый и сановник, один из авторов неизданного варианта „Корё са" 47

„Пибёнса тынок" 備邊司謄錄 (Документы Управления по охране границ), собрание документальных материалов по внешней политике Кореи при династии Ли 5

Поыль 暑乙, мифический правитель Древнего Чосона 61

Пуё 夫餘, племя и возглавлявшееся им политическое образование на Корейском п-ове в первые века новой эры 40, 61, 64, 98

Пукэ 北崖, псевдоним автора „Кювон сахва", принадлежавшего к даосской школе корейской историографии XVII в. 60 – 63, 124

Пульхам мунхварон 不咸文化論 (теория неуниверсальности культуры), концепция национальной исключительности, разработанная Чхве Намсоном 64

Пуру 夫婁, мифический правитель Древнего Чосона, сын Хвангома 61

Пхунъый 風夷, одно из „девяти варварских племен" 60

Пхэдо 覇道 (путь узурпации), конфуцианская концепция, оправдывавшая узурпацию верховной власти 52

Пэк Намун 白南雲 (1894 – 1983), зачинатель марксистского направления корейской историографии в 30-х годах XIX в. В 1956 – 1961 гг. – президент АН КНДР; с 1958 г. – иностранный член АН СССР 7, 79, 80, 83, 125

Пэкче 百濟, одно из раннесредневековых корейских государств 3, 32, 33, 37, 42, 43, 47, 50, 57, 58, 62, 76, 90

„Пэкче ги" 百濟記 (Записи Пэкче), утраченный труд по истории Пэкче 33

„Пэкче понги" 百濟本記 (Основные записи Пэкче), не сохранившаяся летопись государства Пэкче 33

„Пэкче синчхан" 百濟新撰 (Новое собрание записей Пэкче), историческое сочинение о государстве Пэкче; не сохранилось 33

Садэджуый 事大主義 (служение большому государству), концепция, обосновывавшая вассальные обязанности Кореи перед Китаем 4, 35 – 38, 46, 47, 49, 51 – 53, 62, 63, 65, 76 – 78, 93 – 95, 102, 113, 115, 124

„Самгук саги" 三國史記 (Исторические записи Трех государств), самая ранняя из сохранившихся корейских хроник; издана в 1145 г. придворными историками во главе с Ким Бусиком 3, 4, 32 – 39, 41, 43, 49, 50, 56 – 58, 62, 64, 94, 124

„Самгук юса" 三國遺事 (Дополнения к истории Трех государств), сочинение Ирёна, деятеля буддистской историографической школы XIII в. 4, 34 – 41, 50, 60, 63, 65, 124

„Самгук чолъё" 三國史節要 (Важнейшие события истории Трех государств), исторический труд, изданный в 1476 г. 50, 124

„Самдэ мок" 三代目 (Чтение для трех поколений), утраченная древнейшая антология корейской поэзии 38

„Самсон милыги" 三聖密記 (Тайные записи о трех святых), не сохранившееся произведение корейских историков-даосов о Древнем Чосоне 62, 63

Самхан 三韓 (Три Хан), общее наименование Махана, Чинхана и Пёнхана, союзов южнокорейских племен в начале новой эры; одно их традиционных наименований Кореи 42, 60, 98

„Самхан чонтхоннон" 三韓正統論 (Легитимность корейской [истории]), сочинение ученого-сирхака Ли Ика 55

„Саньго чжи" 三國志 (Описание Троецарствия), хроника Чэнь Шоу о событиях 220 – 280 гг. в Китае 3

Саньдай 三代 (Три эпохи), термин традиционной китайской историографии, относится к эпохе трех древнейших династий: Ся, Инь и Чжоу 51

Сарим пха 士林派 (группировка ученых), корейские ученые-конфуцианцы, выступавшие против засилья придворной знати в XV – XVI вв. 51 –53

„Сеге тсерон" 世界大勢論 (Рассуждения о положении в мире), сочинение Ю Гильчуна, опубликовано в 1883 г. 67

Седжо 世祖 (1456 – 1468), ван династии Ли 49 – 51, 62

Седжон 世宗 (1419 – 1450), ван династии Ли 46, 47, 49, 51

Сиката Хироси 四方博, японский исто-

рик, деятель колониалистской школы японской историографии о Корее 78

Силла 新羅, раннесредневековое корейское государство 3, 18, 21, 32, 33, 37 – 43, 47, 50, 52, 55, 56, 58, 62, 76, 90, 95, 96, 98, 100, 124

„Силлок" 實錄 (Истинные записи), династийные хроники, свод архивных документов по царствованиям 5, 49, 122

Син Гюсик 申奎植 (1880 – 1922), видный деятель антияпонского национально-освободительного движения 125

„Син джип" 新集 (Новое собрание [исторических сведений]), труд по истории государства Когурё, составленный в 600 г. 32

Син Ёнха 慎鏞廈 (р. в 1937 г.), южнокорейский историк, доцент Сеульского университета 68, 69, 80, 124

Син Сукчу 申叔舟 (1417 – 1475), конфуцианский ученый и высокопоставленный сановник 50

Син У 辛禑 (1374 – 1388), ван Корё 124

Син Чхан 辛昌 (1388 – 1389), ван Корё 124

Син Чхэхо 申采浩 (1880 – 1936), историк, активный деятель национально-освободительного движения, основоположник националистической корейской историографии 7, 35, 36, 51, 64–66, 68, 69, 71 – 75, 80, 82, 125

Сингё 神教 (вера в духов), исконные анимистические верования корейцев; корейский даосизм 45, 60 – 62, 64, 65, 95

Синджи-сси 神誌氏, мифологический персонаж, творец письма 60

Синдон 辛旽 (ум. в 1371 г.), буддийский монах, первый министр вана Конмина, проводил политику укрепления центральной власти; погиб в результате заговора феодальной знати 124

Синси-сси 神誌氏, мифологический персонаж, земное воплощение Хвануна 60, 61

Сиратори Куракити 白鳥庫吉 (1865 – 1942), японский ученый, глава колониалистской школы „маньчжуро-корейской истории" 77

Сирхак пха 實学派 (реальные науки), движение за пересмотр некоторых конфуцианских догм и реформы в позднесредневековой Корее 6, 54

Со Годжон 徐居正 (1420 – 1488), сановник и историограф вана Сонджона 50

Со Джэпхиль 徐載弼 (1863 – 1951), деятель „кэхва ундон", участник попытки государственного переворота 1884 г., эмигрировал в США 125

Со Хый 徐熙 (XI в).), корёский полководец и дипломат 6, 58, 93

Совон 書院 (храм славы), храмы, посвященные памяти конфуцианских деятелей, оплоты влияния местных феодалов при династии Ли 52

Соин 西人 (западники), феодальная придворная клика в Корее XVI – XVII вв. 53

Сон 禪 (кит. чань, яп. дзэн), одно из направлений буддизма махаяны 22, 110, 123

Сон Джинтхэ 孫晉泰 (1900 – 1950), один из зачинателей течения „нового национализма" в корейской историографии колониального периода 80, 82, 83

Сон Сирёль 宋時烈 (1607 – 1689), конфуцианский ученый и сановник, активный участник междоусобной борьбы придворных клик 56

Сонгдок 聖德 (702 – 737), ван Объединенной Силла 33

Сонджон 成宗 (1470 – 1494), ван династии Ли 50

Сорон 小論 (молодые), феодальная придворная клика в Корее XVII – XVIII вв. 58

„Сою кёнмун" 西遊見聞 (Записки о путешествии в страны Запада), сочинение Ю Гильчуна, издано в 1895 г. 67, 124

„Сугё Корёса" 鮮校高麗史 (Исправленная история Корё), ранний, отвергнутый вариант „Корё са", издан в 1425 г. 47

„Суи джон" 殊異傳 (Рассказы о необыкновенном и чудесном), утраченный труд по древней истории Кореи 50

Сукчон 肅宗 (1675 – 1720), ван династии Ли 58, 65

„Сынджонвон ильги" 承政院日記 (Дневники монаршей канцелярии), собрание документальных материалов по истории династии Ли с 1392 по 1894 г. 5

Сюаньюань 軒轅, мифический правитель Китая в глубокой древности 61

Сюй Цзин 徐兢, посол империи Сун в Корё, автор „Гаоли туцзин" 35

Талмун 達文, мифический правитель Древнего Чосоиа, шестой тангун 61

„Тан шу" 唐書 (История династии Тан), одна из китайских династийных историй 38

„Танги коса" 檀奇古史 (Удивительная древняя история Тангуна), книга написана и издана в начале XX в. членом патриотической организации „Тэджонгё дан"; авторство приписывалось Тэ Ябалю (VIII в.) 64, 124

Тангун 檀君, мифический основатель Древнего Чосоиа 4, 29, 35, 40, 43 – 45; 50, 53, 55, 58, 60 – 63, 64 – 66, 68, 69, 76, 81, 88, 89, 90

Танджои 端宗 (1453 – 1455), ван династии Ли 49

„Тёсэн си хэнсюкай" 朝鮮史編修會 (Общество по составлению истории Кореи), учреждение при японском генерал-губернаторстве Кореи 75, 78

Тонъин 東人 (восточники), феодальная придворная клика в Корее XVI в. 53

„Тонгук саряк" 東國史略 (Краткая история Восточного государства), „официальная" хроника, составленная в 1402 – 1403 гг. Квон Гыном, Ха Рюном и др. 46, 47, 50, 51

„Тонгук тхонгам" 東國通鑑 (Обозрение истории Восточного государства), произведение официальной историографии, составлению Со Годжоиом и Чхве Бо, издано в 1485 г. 5, 38, 50, 51, 56, 57

„Тонгук тхонгам чеган" 東國通鑑提綱 (Избранные темы нэ истории Восточного государства), сочинение корейского историка XVII в. Хон Нёха 56, 57

„Тонмён-ван пхён" 東明王編 (Книга о ване Тхонмёне), эпическая поэма Ли Гюбо о мифическом основателе Когурё Тонмёис 35, 42, 43

„Тоннип хёпхве" 獨立協會 (Общество независимости), либеральная общественно-политическая организация в 90-х годах XIX в. 113, 116

„Тоннип куи" 獨立軍 (Армия независимости), вооруженная организация корейских буржуазных националистов в 20-х годах XX в. 115

„Тонса канмок" 東史綱目 (История Кореи), труд корейского ученого-конфуцианца XVIII в. Ан Чонбока 58, 63

„Тоиса пою" 東史補遺 (Дополнение к истории Восточного [государства]), труд корейского историка XVI в. Чо Джона 55

„Тонса хвеган" 東史會綱 (Собрание тем по истории Восточного [государства]), произведение чжусианского историка XVIII в. Лим Сандока 57

„Тонса чханьё" 東史纂要 (Важнейшие события истории Восточного [государства]), труд О Уна, издан в 1609 г. 55

Тоихак 東學, синкретическое учение, возникло в Корее во второй трети XIX в. 22, 26, 29, 92, 95, 96, 100, 107, 108, 112, 113

Тхэбон 太封 (901 – 918), государство в средневековой Корее 136

Тхэджо 太祖 (1392 – 1398), первый ван династии Ли (Ли Сонге) 46

Тхэджон 太宗 (1401 – 1418), ван диастин Ли 46, 47, 49

Тэ Чоёи 大祚榮, основатель государства Пальхэ (Бохай) 64

Тэ Ябаль 大野勃, младший брат Тэ Чоёна, которому приписывается авторство труда „Танги коса" 64, 124

Тэвонгун 大院君 (принц-регент), титул отца царствующего монарха; стал личным именем Ли Хаына, отца вана Коджона; был регентом в 1864 – 1874 гг. 97, 99, 102, 108

„Тэджонгё дан" 大倧敎團 (Объединение во имя учения Хвангома), корейская религиозно-реформаторская на-

ционалистическая организация в начале XX в. 64

„Тэхан мэиль синбо" 大韓每日新報 (Ежедневная корейская газета), издавалась англичанином Беселом с 1905 г., служила рупором антияпоиской пропаганды 68, 69

У Тхак 禹倬 (1263 – 1343), один из первых последователей чжусианства в Корё 56

Фукуда Токудзо 福田德三 (1874 – 1930), японский экономист, представитель колониалистской школы японской историографии Кореи 78

Ха Рюн 河崙, придворный историограф XV в., участвовал в составлении „Корё кукса" 46

Ха Хёнган 河炫綱, южнокорейский историк, профессор университета Ихва в Сеуле 43, 44

Хан Бэккём 韓百謙 (1552 – 1615), конфуцианский ученый, предшественник сирхаков 53

Хан Ёнъу 韓永愚 (р. в 1938 г.), южнокорейский историк и историограф 44, 45, 47, 49 – 53, 60, 62 – 65, 124

Хан Сынджо 韓昇助 южнокорейский политолог, профессор университета Корё в Сеуле.

Хан Угын 韓沽劤 (р. в 1916 г.), южнокорейский историк, профессор Сеульского университета 86, 100, 125

Хан Чхибон 韓致奫 (1765 – 1814), видный историк-сирхак 6, 54, 57, 59, 60, 64

„Хансан ги" 漢山記 (Описание [области] Хансан), утраченный исторический труд Ким Дэмуна 33

„Хань шу" 漢書 (Истории династии Хань), китайская династийная история, составлена в I в. н. э. Бань Гу 3

Хатада Такаси 旗田巍 (р. в 1908 г.), современный прогрессивный японский историк 77, 99

Хван Вонгу 黃元九, южнокорейский историк, профессор университета Ёнсе в Сеуле 57, 58

Хван Сонмо 黃性模, южнокорейский политолог и журналист 12, 122

Хванин 桓因, мифологический персонаж; небесный владыка, отец Хвануна 40, 60

„Хансон синмун" 皇城新聞 (Столичная газета), выходила в 1898 – 1910 гг., служила трибуной деятелей патриотического просветительского движения 68, 116

Хванун 桓雄, мифологический персонаж, отец Тангуна 60, 61

Хваран 花郎, объединение аристократической молодежи в государстве Силла 36, 65, 95, 96

„Хваран сеги" 花郎世記 (Описание поколений хваранов), утраченное сочинение Ким Дэмуна 33

„Хвачхан ёса" 東史纂要 (Избранные места из истории [Кореи]), труд корейского историка Хон Неха, завершен в 1672 г. 56, 58

Хён Чхэ 玄采 (1856 – 1925), корейский историк, участник „кэхва ундои" 67, 68

Хёнджон 顯宗 (1660 – 1674), ван династии Ли 65

Хо Гюн 許筠 (1569 – 1618), корейский писатель, один из основоположников жанра повествовательной литературы 53

Хо Мок 許穆, конфуцианский историк XVII в., испытал влияние даосской школы корейской историгорафии 63

Хон Гённэ 洪景來 (1780 – 1812), руководитель народного восстания в 1811 – 1812 гг. в пров. Пхёнан 112

Хои Исоп 洪以燮 (1914 – 1974), южнокорейский историк, представитель течения „нового национализма" 82, 125

Хон Мёнхи 洪命熹 (1888 – 1968), корейский писатель и историк, активный участник национально-освободительного движения, видный деятель исторической науки КНДР 71

Хон Нёха (Мокчэ) 洪汝河;沐齋 (1620 – 1674), конфуцианский ученый, глава придворной клики „южан" 56 – 58

„Хоухань шу" 後漢書 (История Поздней Хань), китайская династийная история, составлена в V в. Фань Юем 3

Хунгу пха 勳舊派 (заслуженные и старые), группировка высшей сановной знати при династии Ли 46, 52

„Хэдон ёкса" 海東繹史 (Собрание историй о Восточном Приморье), исторический труд Хан Чхибона, завершен в 1823 г. его племянником Хан Чинсо 6, 59

„Хэдон самгукса" 海東三國史 (История трех государств Восточного Приморья), утраченное сочинение по истории начального периода Корё 34

Хянга 鄉歌 (местные песни), произведения древнекорейской песенной поэзии 38

Хянъяк 鄉約 (местные объединения), корпорации провинциальных феодалов при династии Ли 52

„Цзычжи тунцзянь ганму" 資治通鑑綱目 (Начала всеобщего зерцала, управлению помогающего), каноническое произведение Чжу Си 57

Чан Джиён 張志淵 (1864 – 1921), деятель патриотического просветительского движения в Корее начала XX в. 68

„Чеван унги" 帝王韻紀 (Рифмованная история государей), труд корейского историка XIII в. Ли Сынхю 40 – 44

Чжу Си 朱熹 (1130 – 1200), видный китайский философ, основатель неоконфуцианства 57, 58

Чжуанцзы 莊子 (369 – 286 гг. до н. э.), древнекитайский философ, теоретик даосизма 60

„Чигу чонъё" 地志要普 (Основные сведения по географии), историко-географический труд Чхве Ханги 67

Чиндан 震檀, одно из наименований Кореи в традиционной историографии 8, 80

„Чиндан хаккхве" 震檀學會 (Научное общество Чиндан), основано в 1934 г., объединяло историков-позитивистов 8, 80

Чин Доккю 陳德奎, южнокорейский политолог, профессор университета Ихва в Сеуле 10 – 12, 14 – 16, 123

Чин мёнмок 眞面目 (истинный облик), трансцендентальная истина, согласно буддийской космологии 21, 123

Чинхын 眞興 (540 – 576), ван Силла 36, 42, 58

Чипхёнджон 集賢殿 (Павильон собрания мудрецов), придворная академия в феодальной Корее 47

Чо Джон 趙挺 (р. в 1551 г.), конфуцианский ученый-историк 55

„Чодэ ги" 朝代記 (Записи о династиях и царствованиях), утраченное сочинение даосской школы традиционной историографии 62, 63

Чон Гасин 鄭可臣, историк Корё, описавший героическое сопротивление корейского народа монгольским завоевателям 44

Чон Губок 鄭求福, южнокорейский историк, профессор университета Чолла-Пукто в г. Чонджу 46, 47, 50

Чон Доджон 鄭道傳 (ум. в 1398 г.), конфуцианский ученый и политический деятель, способствовал восшествию на престол Ли Сонге, основателя династии Ли 46, 47

Чон Ёрип 鄭汝立 (ум. в 1589 г.), политический деятель, активный участник междусобной борьбы придворных клик за власть 53

Чон Инбо 鄭寅普 (р. в 1892 г.), историк и литератор националистического направления в колониальной Корее 7, 80 – 82

Чои Инджи 崔麟趾 (1396 – 1478), придворный историограф династии Ли 47, 124

Чои Монджу 崔夢周 (1337 – 1392), конфуцианский ученый, остался верен династии Корё 53

Чои Якъёи (Дасан) 丁若鏞 茶山 (1762 – 1836), выдающийся корейский ученый-сирхак 55, 57, 68, 80

Чонса 正史 (истинная история), официальные исторические произведения, составленные или утвержденные по повелению монарха 4

Чонтхонсон 正統性 (истинный стержень), конфуцианский принцип легитимности государственной власти 13

Чосон 朝鮮, наименование корейского государства в глубокой древности и в 1392 – 1897 гг. 4, 29, 35, 38, 40, 43, 50, 52, 55, 60, 61, 63 – 66, 68, 69, 80, 81, 88, 98, 123, 124

„Чосон ёктэ ванджо силлок" 朝鮮歷代王朝實錄 (Истинные записи ванов династии Чосона), монументальная летопись династии Ли 5, 85

„Чосон хёкмён сонъоп" 朝鮮革命宣言 (Манифест корейской революции), программа антияпонской террористической организации „Ырёльдан", написана Син Чхэхо в 1923 г. 71, 72

Чуин-сси 朱因氏, мифологический персонаж, научил людей обрядам бракосочетания 60

„Чуньцю" 春秋 (Весны и осени), древнекитайская летопись, авторство которой приписывается Конфуцию 57, 58, 122

Чхве Бо 崔溥 (1434 – 1504), видный корейский историк, представитель группировки саримов 51

Чхве Гёнхван 崔景煥, корейский историк конца XIX в. 124

Чхве Джеу 崔濟愚 (1824 – 1864), основатель религиозного учения и секты Тоихак 95, 96

Чхве Ён 崔瑩 (1316 – 1388), корёский полководец, прославился в борьбе с минскими войсками и японскими пиратами 68

Чхве Намсон 崔南善 (1890 – 1957), корейский историк и издатель; примыкал к национально-освободительному движению, после 1919 г. сотрудничал с японскими колонизаторами 64, 78, 89

Чхве Сынно 崔承老 (927 – 989), конфуцианский ученый и сановник 37

Чхве Ханги 崔漢綺 (1803 – 1879), конфуцианский ученый, предшественник деятелей „кэхва ундои" 67

Чхве Чхангю 崔昌圭 (р. в 1937 г.), южнокорейский социолог 17 – 20

Чхве Чхивон 崔致遠 (р. в 857 г.), ученый-историк из государства Силла 33, 34, 37, 42

Чхиу-сси 崔尤氏, мифологический персонаж, творец оружия 60, 61

Чхольджон 哲宗 (1850 – 1863), ван династии Ли 95, 96

Чхон Гванъу 千寬宇 (р. в 1925 г.), южнокорейский историк и публицист 33, 39

Чхуннёль 忠烈 (1275 – 1306), ван Корё 43

Чхунчхугван 春秋館 (Управление „Вёсеи и Осеней"), государственное ведомство по составлению исторических хроник 34, 35

„Ши цзи" 史記 (Исторические записки), выдающееся произведение китайской официальной историографии, написано в I в. до н. э. Сыма Цянем. Содержит сведения о древней Корее 3

„Ыйбёи" 義兵 (Армия справедливости), антияпоиские партизанские отряды в конце XIX – начале XX в. 20, 74, 111, 113, 115

Ыльчи Мундок 乙支文德, полководец государства Когурё, успешно отражал вторжения войск империи Суй в начале VII в. 58, 68

„Ырёльдан" 義烈團 (Союз героев долга), антияпонская террористическая организация в 20-х годах XX в. 115, 125

Ыри 義理 (истина и справедливость), один из принципов конфуцианской политической философии 52

Ю Ге 俞棨 (1601 – 1674), конфуцианский историк и государственный деятель 56

„Ю ги" 留記 (Записки о прошлом), первое историческое сочинение в Когурё 32

Ю Гильчуи 俞吉濬 (1856 – 1914), деятель „кэхва ундои" 67

Юн Гван 尹瓘, конфуцианский ученый начального периода правления династии Ли 47

Юн Дусу 尹斗壽 (1533 – 1601), средневековый корейский ученый-историк 52

Хомин 梁好民 (р. в 1919 г.), южнокорейский политолог и публицист 16

Яо 堯, легендарный добродетельный правитель Китая в глубокой древности 40, 55, 61

Яса 野史 (дикая история), частные, неофициальные исторические сочинения 4

Ыаны 兩班, привилегированное сословие в феодальной Корее 92

SUMMARY

M. N. Pak's monograph, *Korea: Essays of History*, focuses on bourgeois nationalism in South Korea in light of differently interpreted problems of Korean historiography and history. A study on this subject is first to appear in the Soviet Union.

Chapter 1 features the ideological principles underlying South Korean nationalism, including national subjectivism adopted by the Seoul regime. Just as in other developing countries which have opted for capitalism, nationalism in South Korea has as many shades as there are socio-class forces behind it. Emphasizing the indubitably reactionary and anticommunist tint of South Korean nationalism, the author does not ignore, however, certain antiimperialist potentialities in it stemming from the irreconcilable differences between foreign neocolonialism and the majority of the Koreans, including much of the national bourgeoisie. Ideologically, the author argues, South Korean nationalism utterly depends on Western, primarily US, bourgeois political science, and the concepts South Korean philosophers and historians advocate, specifically the theory of new nationalism, are arbitrary and divorced from science. He proves that South Korean political scientists have failed so far to substantiate the Seoul regime claims for the hegemony in resolving the issue of Korea's reunification. The author also stresses the fact that the idea of the Korean nation's unity as it is viewed by South Korean ideologists is aimed at bringing the working people serve the interests of the bourgeoisie. Theories suggested by bourgeois-nationalist political scientists are also designed to prop up the official ideology of the military-bureaucratic regime. In the 1970s, for instance, they urged insistently for "national subjectivism" and Korean-type democracy to disguise the antipopular essence of the Seoul dictatorship.

Chapter 2 traces back the emergence and development of two opposing schools in traditional Korean historiography, the Confucian and the Dao. The author discusses the reciprocal influence one school had upon another for centuries and their relations with new ideological trends (sarim, sirhak), and compares the ideas of the compilers of official and "private" historical writings. The book details South Korean historians' approach to basic problems of national historiography and how they treated the problem of overcoming foreign influences by Korean historical thought. Emphatic attention is given to the evolvement of national bourgeois historiography concurrent to gradual enslavement of Korea and also in the years of Japanese colonial sway. The author analyses scrupulously the rivalry between bourgeois historiography and national reformism, the latter being aimed at justifying the colonial regime, and also against colonial theories advanced by Japanese reactionary scholars. M. N. Pak distinguishes a socio-economic school, moulded in the 1930s, the members of which (Paek Namun and others) grew Marxist in many respects.

Chapter 3 describes the state-of-the art in modern South Korean historiography, how its scholars interpret key problems of modern and contemporary history of Korea. The author exposes antihistoricism of reactionary Korean scholars and their attempts to play down and distort the role the communists and other progressive forces play in the struggle for the national liberation of Korea and its reunification.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1

БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ ЮЖНОЙ КОРЕИ И НЕКОТОРЫЕ ТРАКТОВКИ ЕГО СУЩНОСТИ 9

Основные черты южнокорейского национализма 9

Принцип „национального субъективизма" и его истолкование 17

Принципы „национального субъективизма" и „национальной самобытности" в политике правящих кругов Южной Кореи 24

Глава 2

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 32

Проблемы средневековой историографии

Зарождение летописания 32

Значение „Самгук саги" и „Самгук юса" в историографии Кореи 34

Эпическая поэзия Коре и ее место в развитии корейской историографии 42

Историография раннего периода династии Ли 4

Историописание конфуцианцев-саримов 52

Проблемы корейской историографии нового и новейшего времени 53

Развитие феодальной историографии в XVII – XVIII вв. 54

Становление буржуазно-националистической историографии. Пак Ынсик и Син Чхэхо 6

Японская колониалистская историография 75

Развитие корейской буржуазно-националистической историографии в 30 – 40 годах 79

Концепции „нового национализма" 79

Глава 3

ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ . 8

Нация и „национальная история" 87

Внешние факторы в истории Кореи 10

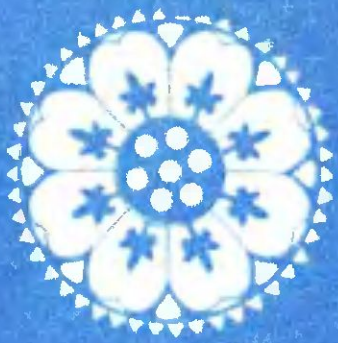
Национально-освободительное движение 111

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 12

ПРИМЕЧАНИЯ 122

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 12

Указатель 134

SUMMARY 146

1 р. 90 к.